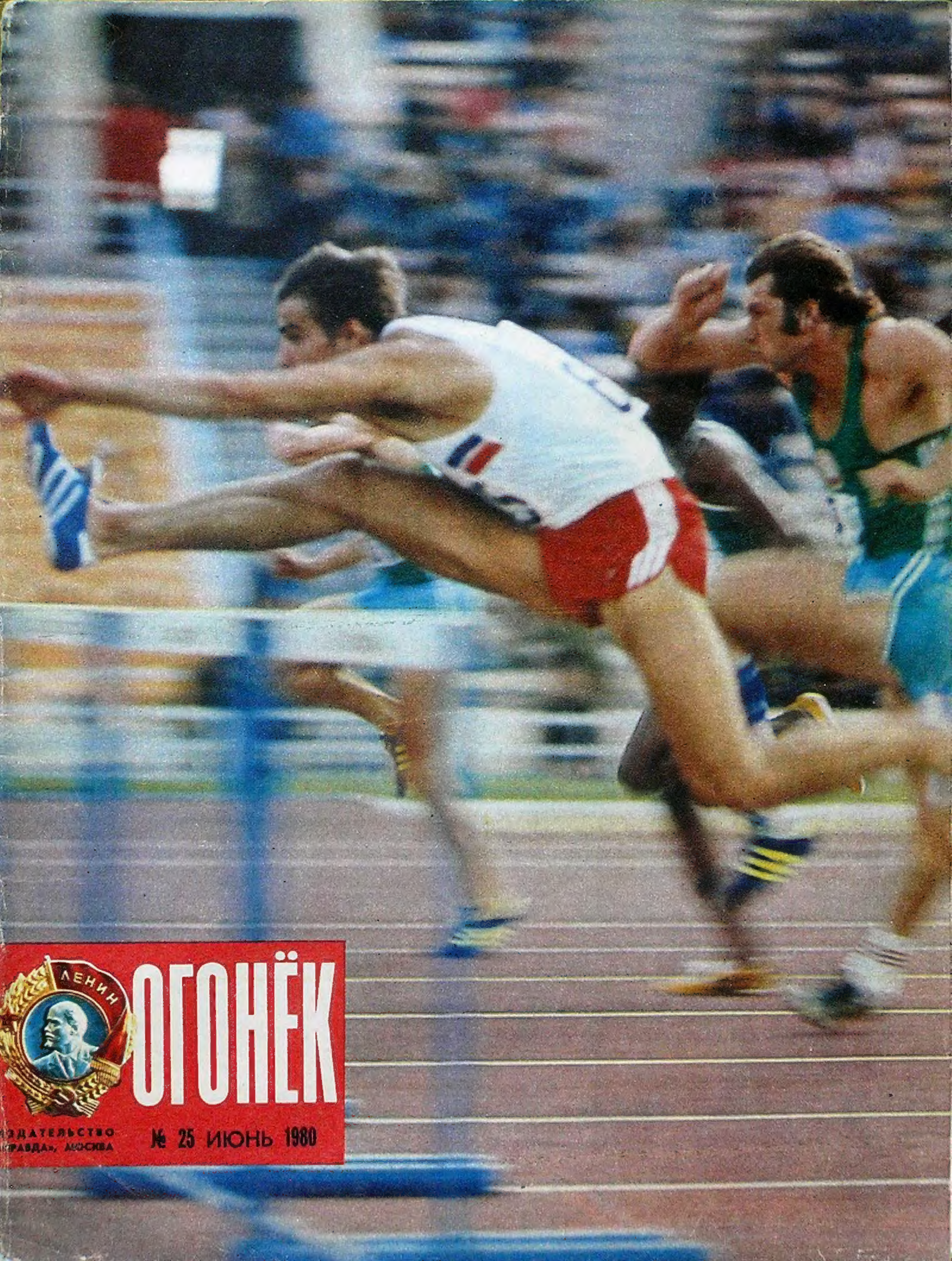

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 25 ИЮНЬ 1980

Олимпийская деревня.

Все кресла заняты.

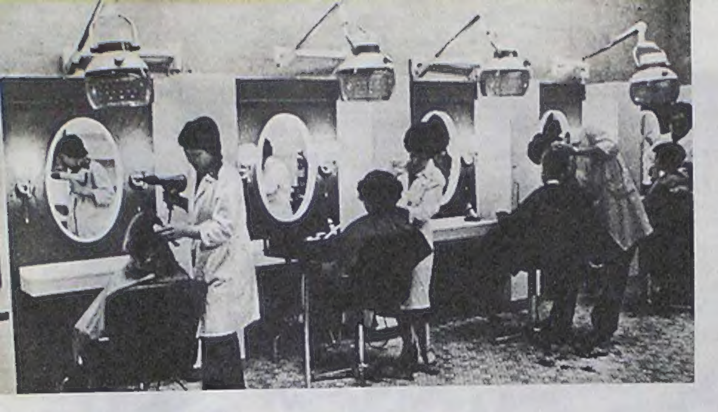

Комната на двоих.

Автобусы для всех.

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (2762)

21 ИЮНЯ 1980

Один из четырех обеденных залов.

Фото А. БОЧИНИНА

Еще за месяц до официального открытия Олимпийской деревни она была уже готова к приему гостей — все ее тридцать шесть различных сооружений. И деревня стала местом паломничества и москвичей и гостей столицы. По десять — пятнадцать экскурсий в день проводили гостеприимные хозяева деревни. Среди многочисленных посетителей были самые различные люди: и члены Международного олимпийского комитета, которые могли сравнивать нашу деревню с деревнями других олимпийских столиц, и неопытные болельщики, впервые робко переступавшие порог Олимпа. И вот что интересно: на искушенных знатоков московская деревня производила еще большее впечатление, чем на новичков. Таких просторных и комфортабельных квартир (2 человека на одну комнату) с массажными и врачебными кабинетами для каждой делегации и с кабинетами для руководителей делегаций они не видели ни в Риме и ни в Токио, а уж о Монреале и говорить нечего, ведь там в одной комнате жило по шесть спортсменов.

В конце Мичуринского проспекта, на площади в 107 гектаров, поднялись восемнадцать шестнадцатиэтажных домов — три тысячи четыреста квартир, снабженных всем необходимым для удобного житья, и отлично оборудованная поликлиника.

Все для олимпийца — так можно было бы сформулировать лозунг создателей Олимпийской деревни. И этот лозунг претворен в жизнь. В распоряжении спортсменов четыре ресторанных зала, которые вмещают четыре тысячи человек (один из этих залов будет работать круглосуточно), уютные кафе, универмаг, парикмахерские салоны, обширный комбинат бытового обслуживания, в котором быстро можно отремонтировать все, начиная от туфель и кончая сложной радио- и фотоаппаратурой.

На территории Олимпийской деревни построен спортивный комплекс, в который входит отличный легкоатлетический стадион, три тренировочных футбольных поля, три крытых бассейна, три зала, а также сауны, душевые, медицинские кабинеты.

После большого дня, насыщенного тренировками, а затем и долгожданным выступлением на олимпийской арене, спортсмены смогут отдохнуть в культурном центре, в котором размещается театрально-концертный зал на 1200 мест, два кинозала, танцевальный зал, библиотека. Шефство над ней взяла Всесоюзная библиотека иностранной литературы, которая, помимо постоянного книжного фонда, будет доставлять по просьбе спортсменов самые разнообразные книги.

Олимпийская деревня готова и уже в конце июня распахнет свои двери для участников XXII Олимпийских игр.

Я: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

XXXIV заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

XXXIV заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи открылось в столице Чехословакии 17 июня. В работе сессии принимают участие делегации стран — членов СЭВ. В соответствии с соглашением между СЭВ и правительством СФРЮ в заседании участвует делегация СФРЮ. В работе сессии в качестве наблюдателей принимают участие делегации Анголы, Афганистана, НДРЙ, Лаоса, Мозамбика, Эфиопии.

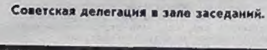
Заседание открыл Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал.

С докладом Исполнительного комитета о деятельности Совета Экономической Взаимопомощи между XXXIII и XXXIV заседаниями сессии выступил председатель Исполкома СЭВ, заместитель Председателя правительства ЧССР Р. Рогличек.

С речью на сессии выступил глава советской делегации член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Участники сессии заслушали доклад о ходе координации народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ на 1981—1985 годы, реализации долгосрочных целевых программ сотрудничества (ДЦПС) и дальнейших задачах по разработке соглашений по мероприятиям ДЦПС и реализации вытекающих из этих соглашений обязательств, подготовке согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий на 1981—1985 годы, расширению и углублению международной специализации и кооперирования производства. Доклад сделал председатель Комитета СЭВ по сотрудничеству в области плановой деятельности, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков.

О практической реализации «Основных направлений дальнейшего совершенствования организации многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ и деятельности Совета», особенно в части обеспечения руководства деятельностью международных экономических организаций и повышения эффективности их работы, доложил Р. Рогличек.

Советская делегация в зале заседаний.

Телефото ЧТК — ТАСС

Юрий ОСИПОВ

ЮНОСТЬ БОРЦА

НОВЫЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ФИЛЬМ «КАРЛ МАРКС. МОЛОДЫЕ ГОДЫ»

Грандиозен масштаб личности Маркса, и только подлинная «драматургия идей» способна перевести величайшие социальные открытия, предвидения, озарения этого Прометея нового времени на язык пластических образов, зримо передать их во всей сложности и всей неизбежности своего рождения.

О жизни Карла Маркса думали и писали многие, начиная с таких гениальных продолжателей его бессмертного дела, как Ф. Энгельс и В. И. Ленин, и кончая рабочим и крестьянином в солдатской шинели, которые, захваченные революционной волной, штурмовали Зимний. Жизненный подвиг основоположника научного коммунизма будоражит наше сознание и сегодня. Его всякий раз по-новому будут осмыслять грядущие поколения.

Воссоздать на «малом экране» живой облик Карла Маркса, рассказать миллионам телезрителей в разных странах, как и в каких условиях выстрадал он свои идеалы, как боролся и побеждал во имя будущего,— эту дерзновенную и многотрудную задачу одним из первых в искусстве поставил перед собой известный советский кинорежиссер Лев Кулиджанов. Поставил и выполнил ее с честью.

Почти восемь лет снимался семисерийный телефильм — плод творческого содружества киностудии имени М. Горького и «ДЕФА» (ГДР). Огромный интернациональный коллектив трудился над его созданием. В процессе работы авторы сценария А. Гребнев, Б. Добродеев и Л. Кулиджанов при участии Г. Пфайфера вынуждены были пойти на существенные самоограничения, сосредоточив внимание лишь на раннем периоде жизни Маркса, завершающемся написанием «Манифеста Коммунистической партии».

Решение достаточно смелое, если учесть, что массовая аудитория гораздо лучше знакома с деятельностью зрелого Маркса, руководителя I Интернационала, автора «Капитала» и «Критики Готской программы», создателя диалектического и исторического материализма. И все же решение это закономерно и обоснованно, поскольку без предшествовавших лет напряженной учебы, самоотверженного выковывания собственного характера и мировоззрения — через юношеские заблуждения и разочарования,— без ожесточенных споров со старо- и младогегельянцами, с социалистами-утопистами, вне знаменитого «Докторского клуба» невозможно во всей полноте представить становление личности Маркса, его убеждений, динамику его духовного развития.

И еще — без любви. Высокой, всепоглощающей, пронесенной сквозь суровые житейские невзгоды и испытания, трепетно хранимой до последнего вздоха. Ибо новая телевизионная лента прежде всего о Марксе-человеке. И то, как воплощена в картине тема взаимной любви Маркса и Женни фон Вестфален, дает нам ключ к пониманию этой титанической натуры, цельной во всех своих проявлениях.

Маркс — человек. Человек с большой буквы и в то же время не приподнятый на котурны над окружающими, не подавляющий их и нас, зрителей, своим величием, а веселый студент, начинающий исследователь, страстный публицист и редактор, закаленный превратностями судьбы несгибаемый боец, верный друг и товарищ, любящий муж и отец. Сомневающийся, страдающий, но никогда не смятенный. Таким проходит он перед нами в талантливом исполнении молодого болгарского актера Венцеслава Кисева.

На протяженном пространстве телефильма неразрывно слились юношеский порыв к звездам и умудренность жизненным опытом, сокровенные личные стремления и их общественные мотивировки, приводящие к формированию идейных воззрений. Подобный подход к образу главного героя потребовал не только совершенного актерского перевоплощения, но и полного единства стиля, когда замысел режиссера, его художественная манера были бы органично продолжены взглядом оператора.

Камера В. Юсова обладает этим редким даром. Иногда элегичная, порой жесткая, неизменно пристальная к деталям, она чутко воплощает авторскую мысль.

Вспомним, к примеру, эпизод последней встречи Маркса с отцом (эту роль выразительно играет молодой немецкий актер М. Цетче), где на фоне сказочно прозрачного леса и идиллической, сонной переправы, словно сошедших со старинных гравюр, назревает тягостное объяснение и окончательный духовный разрыв добропорядочного, по-бюргерски педантичного и респектабельного адвоката с мятежным сыном, избравшим совсем иную дорогу, иную судьбу. Или, скажем, одна из волнующих лирических сцен фильма, когда, возвратившись из Боннского университета, юный Карл приходит в дом к Вестфаленам и молча смотрит на Женни, облик которой с покоряющей искренностью и благородной простотой воплощает на экране актриса из ГДР Рената Блюме. Мастер экранного портрета, В. Юсов тончайшими нюансами доносит до нас всю гамму чувств, владеющих героями, как бы изнутри высвечивает их лица, фиксируя мельчайшие движения губ, выражения глаз, и притом символически заполняет окружающее пространство воздухом, солнцем.

Филигранная проработка кадра отличает эпизоды в редакции и типографии «Рейнской газеты», в кулуарах заседаний парламента, на борту вольного парусника в безбрежном просторе, олицетворяющего прекрасную мечту двух его молодых пассажиров — Маркса и Энгельса... Все здесь подлинное, все создает неповторимую атмосферу минувшей эпохи. И нельзя не воздать должное художникам-постановщикам фильма П. Пашкевичу и Г. Хельвигу, которые с безупречным вкусом и тщательностью воспроизвели предметную среду, ни на йоту не отступив от принципа исторического документализма. То же следует сказать о костюмах и гриме актеров, отличающихся абсолютной достоверностью. А ведь даже малейшая неточность, вполне объяснимая в столь сложной постановочной картине, могла бы исказить художественное впечатление, вызвать недоверие зрителей.

В образной ткани ленты четко прослеживается режиссерская доминанта, свободно оперирующая сценарным материалом, спрессовывающая его и придающая повествованию энергию и эмоциональный накал. Классическая простота, с какой снят фильм, и вместе с тем полное отсутствие театральности, монтажные стыки, не нарушающие общей гармонии, но лишь подчеркивающие сломы исторических судеб и времени,— все это подчинено одной задаче: выявить эволюцию характера героя, дать зрителю возможность наблюдать его со стороны глазами других в водовороте политических событий, в наиболее драматические и ответственные моменты жизни.

...Вереница лиц, панорама характеров, подчас мимолетных, намеченных беглым штрихом,— полузабытые имена и судьбы. Но все они крайне важны для постижения логики поступков Карла Маркса, который уже тогда соединял в себе, по словам В. И. Ленина, качества ученого и революционера, блистательного теоретика и смелого практика. Трусливое предательство предприимчивого дельца от социализма Руге, объемно вылепленного Ю. Будрайтисом, или опасный революционный авантюризм Вейтлинга, убедительно сыгранного И. Ледогоровым, еще ярче оттеняют истоки великой дружбы Маркса и Энгельса, запоминающегося в отличном исполнении А. Сафронова.

В фильме есть еще один герой — народные массы, пролетарии, которые от серии к серии исподволь входят в поле нашего зрения. Вместе с юношей из Трира мы внимательно вглядываемся в их черты у кузнечного горна, в парижском рабочем кабачке, на фабрике в Манчестере. И повседневная действительность XIX века вдруг придвигается к нам вплотную со всеми ее конфликтами и противоречиями. Именно здесь, в гуще повседневности, нащупывались новые формы революционной организации, рождалась стратегия и тактика борьбы.

Кульминационный эпизод ленты — конгресс Союза коммунистов делает нас свидетелями того, как, преодолевая препятствия, идеи Маркса постепенно становились руководящими идеями эпохи, ее движущей силой.

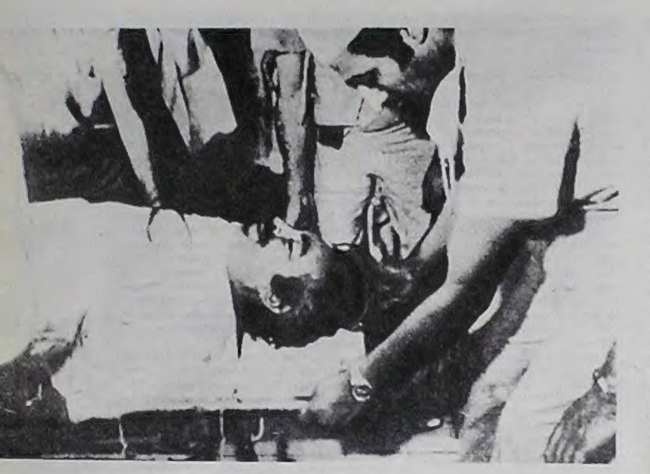
...Зритель прощается с гениальным мыслителем у стола с рукописью «Манифеста», открывшего новую эру в истории человечества. А на экране постаревший, седой Маркс, от лица которого ведется повествование, продолжает рассказ о последовавших затем событиях, о революции в Европе, «совпавшей с выходом «Манифеста».

Такой финал воспринимается естественно и органично. Казалось бы, статичная сцена вдохновенной работы Маркса и Энгельса над рукописью «Манифеста» пронизана активным действием, подготовлена предшествующим строем ленты. И пламенный призыв, обращенный к пролетариям всех стран, звучит мощным оптимистическим аккордом, окрыляющим людские сердца, вселяющим в них веру и надежду.

Вся дальнейшая жизнь Карла Маркса явилась наглядным подтверждением этих слов.

В. Кисев в роли Маркса.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

ТЕРРОР ЭКСТРЕМИСТОВ

Подлое преступление совершено на оккупированной Израилем арабской территории тель-авивскими экстремистами. В машины мэров трех городов Западного берега реки Иордан были подложены бомбы. Мэр города Наблус Бассам Шакаа и мэр города Рамаллах Керим Халаф были тяжело ранены. Третий уцелел чудом — случайно заметил подозрительный предмет в машине. Оба мэра получили ранения практически одновременно и при сходных обстоятельствах. Взрыв произошел в тот момент, когда они завели мотор.

В течение одного месяца видным политическим деятелям-палестинцам Западного берега реки Иордан был нанесен тяжелый удар. Мэры городов Хеброн и Хальхуль — Фахд Кавасма и Мухаммед Мильхем — были высланы из страны без суда и следствия. Мэры Наблуса и Рамаллаха оказались искалеченными физически. А ведь именно четыре этих деятеля (особенно Бассам Шакаа и Керим Халаф) были главными руководителями «Комитета национальной ориентации». Эта организация, представляющая все палестинские группировки на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, была создана после заключения кэмп-дэвидского соглашения для борьбы против разработанного Египтом, США и Израилем трехстороннего проекта административной автономии. Ведь, по словам палестинцев, этот проект не гарантировал им в конечном счете подлинной свободы.

Преступные действия израильских оккупантов, отметил член Исполкома ООП Я. Абд. Раббу, являются частью разработанного террористического плана с целью посеять страх и замешательство среди арабского населения оккупированных территорий и подавить массовые народные выступления.

Новое варварское преступление вызвало гнев среди арабского населения. В Рамаллахе состоялась массовая демонстрация перед зданием муниципалитета в знак протеста против террора захватчиков в отношении видных палестинских деятелей. Оккупационные войска открыли огонь по демонстрации.

На снимке: К. Халаф, получивший ранение от взрыва подложенной в его автомашину бомбы.

США

УКАЗАНО НА ДВЕРЬ

Не успели ступить на землю США контрреволюционные элементы, бежавшие с Кубы, как они на своей шкуре почувствовали все «прелести» «американского образа жизни». «Гостеприимство», которое сулили им американские власти, обернулось для них прикладами винтовок, полицейскими дубинками, гранатами со слезоточивым газом.

В «центре для перемещенных лиц» в Форт-Чэффи (штат Арканзас) вспыхнули крупные волнения среди «гусанос» («червей») — так презрительно заклеймил это отребье кубинский народ. Как отмечают информационные агентства, бунт был спровоцирован охраной лагеря. В течение нескольких часов происходили вооруженные столкновения, полицейские и солдаты применяли оружие и слезоточивый газ.

Представитель Белого дома объявил, что президент Картер распорядился выдворить из США несколько сот кубинцев из тех, кого еще совсем недавно в Америке встречали как «героев», вырвавшихся с Кубы. Теперь они рассматриваются в США как «нежелательные элементы», которые должны быть или отправлены обратно на Кубу, или заключены в тюрьму в ожидании высылки в какую-нибудь страну, «согласную принять у себя уголовных преступников».

О том, кто такие «гусанос», президенту Картеру было давно хорошо известно. Разрешая их выезд в США, кубинское правительство не делало секрета из их прошлого. Однако в своем стремлении скомпрометировать социалистическую Кубу в глазах мировой общественности официальная пропаганда США пыталась представить их «борцами за свободу».

На снимке: полицейские и солдаты национальной гвардии расправляются с «гусанос».

ЧАД

СПАСАЯСЬ ОТ ПУЛЬ

В столице Чада Нджамене бои между правительственными войсками и отрядами бывшего государственного министра национальной обороны Х. Хабре, сообщает агентство Франс Пресс, привели к полной изоляции Нджамены от внешнего мира. Не осталось ни одного неповрежденного здания. Мирные жители покинули Нджамену, найдя убежище в соседнем Камеруне.

Только в камерунском городе Куссери скопилось свыше 200 тысяч чадских граждан. Власти Куссери разрешили им расположиться под деревьями, у стен домов и на верандах. Антисанитарные условия — благоприятная среда для эпидемий. Многие беженцы уже страдают от различных болезней и могут рассчитывать только на самих себя, ибо никакой медицинской помощи нет. Распространившаяся эпидемия кори ежедневно губит десятки самых маленьких детей.

Власти города срочно организовали палаточный городок близ города, там вырыт колодец с автоматическим насосом, под деревьями устроен рынок, где торгуют сигаретами и овощами. Именно сюда приходят беженцы, чтобы провести большую часть дня, когда из-за палящих лучей солнца они не могут оставаться в палатках.

На снимке: беженцы переправляются через реку.

По материалам зарубежной прессы

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

«Холодные» пируэты в летнее время.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Гастролирующие фокусники.

Выкормыш.

Э. РЯБЦЕВ

ПОД САПОГ

Город Эль-Халиль (Хеброн) второй по значению из святых мест после Иерусалима, стал местом растущей враждебности между коренным арабским населением и израильскими поселенцами, задумавшими осесть здесь навечно. Решение правительства Бегина, принятое в марте этого года, разрешающее израильтянам проживание в этом городе, издавна считавшемся палестинским, ускорило развязку. Раби Моше Левингер вынужден был признать, что, если бы не наличие израильских солдат в Хеброне, никто из евреев не рискнул бы здесь жить.

Под прикрытием штыков, на крови и пепле сионистская клика Бегина создает «Великий Израиль», государство-тюрьму для евреев и палестинских арабов.

ЛИШЕННЫЕ ЗЕМЛИ

События в Эль-Халиле не случайное явление. Это то, что сегодня называется сионистской политикой заселения захваченных у палестинских и других арабов их исконных земель. Решение на расселение евреев в этом городе — всего лишь очередной шаг в осуществлении давно разработанной политической линии, реализация которой привела к захвату Западного берега реки Иордан, Голанских высот, оккупации Синая, Иерусалима.

Израильское правительство совместно с Всемирной сионистской организацией на встрече 26 декабря 1979 года одобрило план увеличения вдвое числа еврейских поселений на Западном берегу, выделив на эти цели 380 миллионов долларов. С прошлого года кабинет Бегина развернул беспрецедентную до этого по масштабам кампанию по захвату и конфискации арабских земель. При этом сионистское руководство не скрывало своей цели, открыто заявляя, что стремится создать положение де факто. Выступая 25 апреля 1980 года в кнессете, премьер-министр Бегин, отбросив в сторону обычное лицемерие и фальшь, прямо сказал, что израильское правительство отныне не будет экспроприировать земли у арабов, а будет их попросту захватывать.

Новый сионистский подход основан на том, что ранее экспроприированные арабские наделы должны были переходить в распоряжение правительства, а захваченные отныне будут передаваться в частную собственность поселенцам. Сегодня израильские экспансионисты открыто претендуют на захват 1440 тысяч акров земли на Западном берегу реки Иордан. Это означает, что 50 процентов территории здесь будет принадлежать израильтянам и находиться под прямым контролем Тель-Авива. Для осуществления в самое короткое время этого замысла Всемирная сионистская организация в начале этого года выделила 1 миллиард израильских фунтов, на которые будут построены тысячи жилищ для новых собственников земельных участков, принадлежавших ранее арабам. Это позволит, по оптимистическим расчетам министра сельского хозяйства Израиля, расселить здесь до 2 миллионов евреев.

Захват земельных участков, принадлежащих палестинским и другим арабам,— повседневная практика сионистов. Вооруженные банды экстремистской организации «Гуш Эмуним», поддерживаемые израильскими солдатами, огнем и штыком утверждают свое разбойное право владеть чужой землей. Еще год назад газета «Джерузалем пост» сообщала, что заместитель министра обороны Мордешаи Зиппори открыл зеленый свет бандам «Гуш Эмуним» по захвату арабских земель, обосновав это необходимостью создания военизированных постов для контроля за положением на оккупированных территориях.

Возникающие на чужой земле еврейские поселения представляют собой вооруженные опорные пункты сионистов, так называемый первый пояс обороны. «Хотите здесь жить — берите оружие и не отдавайте эту землю арабам». Таков призыв главарей сионизма, и он претворяется в жизнь, обрекая чужеземцев на вечный страх и проклятия.

Из пустыни Негев израильскими солдатами было изгнано 8 тысяч бедуинов-кочевников. Тактика применялась здесь весьма простая: военные машины давили бедуинские палатки, их нехитрый скарб, силой заставляли людей покидать издавна обжитые ими земли. На захваченной территории полным ходом развернулось строительство трех авиационных баз, под которые администрация Картера выделила Израилю три миллиарда долларов. Базы строятся по проектам американских фирм и под наблюдением военных специалистов США.

Такова единая природа империализма и сионизма, основанная на насилии, попрании человеческих прав и свобод, пренебрежении всеми нормами международного права.

В ближайшее время израильский кабинет приступит к обсуждению нового законопроекта, который должен с сионистской точки зрения легализировать их право на владение захватываемыми землями. Сионисты спешат, пытаясь максимально использовать благоприятную ситуацию, возникшую в результате постоянных уступок президента Картера их все новым требованиям и домогательствам. Создать непреодолимые препятствия в будущем для тех, кто, несомненно, будет ставить вопрос о возвращении захваченных земель,— такова одна из явных целей израильских ястребов.

ОСТАВЛЕННЫЕ БЕЗ ВОДЫ

Захват водных ресурсов — один из методов, применяемых сионистами для изгнания арабов со своих участков. В этой связи характерен пример деревни Аль-Аюджа в долине реки Иордан. Специализируясь на выращивании цитрусовых и овощей, палестинские арабы с незапамятных времен привыкли бережно относиться к каждой капле воды. Аль-Аюджа находится в 16 километрах от котловины Мертвого моря, самой низкой точки земной поверхности, летом она открыта безжалостному и раскаленному солнцу. Крестьянские участки, занятые под разные сельскохозяйственные культуры, представляли собой яркие изумрудные пятна на фоне белесой и выжженной земли. Они давали обильные урожаи только благодаря постоянному притоку воды. Она струилась по древним каналам на поля до прихода израильских поселенцев.

Создав кибутц, израильтяне прибрали к своим рукам и три водные скважины. Отвели по двум трубам основной поток воды для своих сельскохозяйственных и прочих нужд и разрешили арабам из деревни Аль-Аюджа набирать воду в канистры только для питья. Сегодня 85 процентов водного потока течет в сторону кибутца, обрекая земли арабов на истощение и засуху.

Практика поселенцев такова, что, максимально выкачивая воду из глубоких бассейнов, они понижают их уровень, что в результате близости Мертвого моря приводит к засолению скважин и в конечном счете нанесению непоправимого ущерба земле. В результате этой варварской политики сохнут на корню урожаи, забрасываются ранее плодородные участки и уходят люди, лишившиеся хлеба насущного и воды.

Колонизаторская сущность политики сионистов проявляется и в том, что засоление и запустение земель приводит к нарушению здесь и во многих других районах сельскохозяйственной экологии, наносит непоправимый вред природе.

ОГРАНИЧЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Даже официальная статистика израильского государства свидетельствует о том, что у детей палестинских арабов имеется только 33 процента шансов получить среднее образование, в то время как у евреев — 100 процентов. Окончив начальную школу, арабские дети в возрасте 14 лет не могут продолжить учебу дальше. Большинство из них превращается в дешевую рабочую силу, которая широко эксплуатируется на израильских фермах. Сионистская «демократия», основанная на капиталистическом, колониальном характере угнетения, породила черные рынки рабов-детей. Через перекупщиков и посредников еврейские фермеры получают для себя практически даровых работников. Дети работают по 14 часов в сутки. Спят в гаражах и подсобных помещениях. Платят им за их непосильный труд в 10—15 раз меньше, чем взрослому арабу.

Судьба тех, кто наперекор всем препятствиям и нужде продолжает учебу, нелегка. Сионистские власти систематически закрывают арабские школы и учебные центры под предлогом борьбы с беспорядками. Только в последнее время закрыты мужские школы на 630 учащихся в Бетлхеме и на 500 человек в Рамаллахе, центр по подготовке учительниц в Терехе на 650 студентов. Закрыт институт переподготовки женщин-учителей в Рамаллахе.

Параллельно сионисты осуществляют ужесточенный контроль за учебой арабских детей. На Западном берегу запрещено 55 учебных пособий для школ, три исламские религиозные книги, свыше двадцати книг по арабской литературе. В районе Газа из ранее выпущенных 78 учебников детям разрешают пользоваться лишь 8. Наказание за пользование запрещенной литературой — штраф до 2500 израильских фунтов. За участие в антиизраильских демонстрациях штрафы на учащуюся молодежь составляют от 5 тысяч до 10 тысяч фунтов.

Этот ребенок лишился ноги во время израильского обстрела на юге Ливана.

ОМ ОККУПАНТОВ

Ежедневное издевательство сионистских вояк над детьми, унизительные досмотры и обыски, явное провоцирование для осуществления репрессий в широких масштабах — причина постоянных выступлений палестинской молодежи против израильских оккупантов.

БЕЗ ПРАВА НА СВОБОДУ

«Палестинский бантустан», только с еще большими ограничениями,— таков вариант автономии, которую пытаются утвердить для палестинских арабов.

Согласно сионистскому подходу, она должна выглядеть таким образом:

— самоуправление будет распространяться только на арабов, израильские поселенцы будут охраняться сионистскими законами, которые обеспечат их особые права;

— израильская армия будет осуществлять меры по поддержанию внутренней и внешней безопасности;

— предлагаемое законодательство исключает любую возможность для палестинцев создать собственное государство;

— будет сохранено право на свободное владение землей и создание израильских поселений;

— контроль за водными ресурсами будет находиться в руках особого израильского комитета;

— списки арабов для выборов в органы самоуправления будут утверждаться только после их одобрения силами безопасности.

Все эти меры означают, по сути дела, создание огромного концентрационного лагеря для палестинского населения. Чтобы этот лагерь не бунтовал, правительство Бегина тратит около 40 процентов своего государственного бюджета на содержание армии.

В СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ

Сегодня сионистское государство, как и с первых дней своего существования, находится в состоянии войны на внутреннем и внешнем фронтах. Внутри не только не утихают, а, наоборот, нарастают выступления палестинцев за свои права, приобретая все более широкий размах. Израиль пробудил океан арабского гнева своей экспансионистской и захватнической политикой, политикой надругательства над палестинскими и другими арабами.

Тактикой устрашения пытается запугать, например, Израиль соседний Ливан. Сотни палестинских и ливанских детей погибли и стали калеками от налетов самолетов, обстрела артиллерией, в результате карательных операций.

Каждая палестинская семья имеет свой счет к израильским сионистам. Горе и страдания сотен тысяч людей, выброшенных со своей земли, искалеченные судьбы, слезы матерей и отцов о погибших детях, родных и близких, ненависть к оккупантам — все это сплав огромного всенародного гнева. Нет и никогда не будет мира на «земле обетованной», пока на ней правят те, для кого пуля и штык стали единственными атрибутами власти. Многочисленные фотографии, публикуемые в газетах и журналах, свидетельствуют о том, что от гнева арабов спасает сионистов израильская солдатня, будь то на пляже, в кинотеатрах, в городе или деревне.

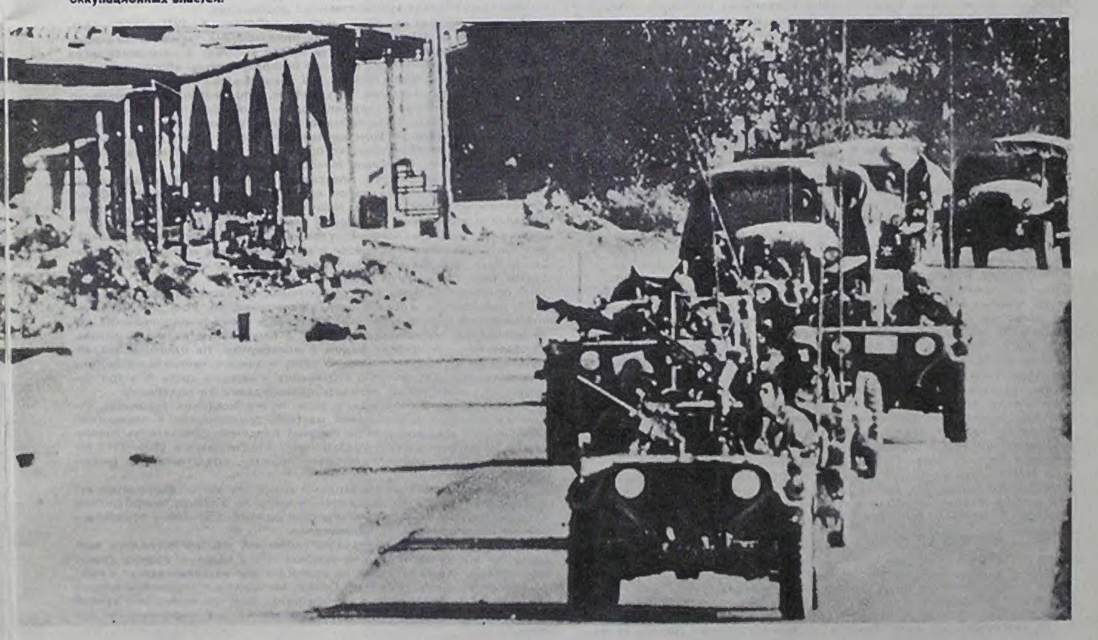
Вот почему бегут из Израиля те, кого сюда когда-то заманила сионистская пропаганда. Согласно анализу, опубликованному департаментом исследования и планирования министерства интеграции, подготовленному совместно с Центральным статистическим бюро и Еврейским агентством, за период с 1969 по 1978 год, после одного года пребывания в Израиле эмигрировало обратно два процента приехавших евреев, после трех лет — двенадцать процентов. Что касается иммигрантов из Западной Европы и США, то возвращаются обратно 32 процента. 250 тысяч евреев из США и Канады вновь вернулись из Израиля в свои страны. Герман Бранувер, приехавший из Советского Союза, писал в «Джерузалем пост» в октябре 1979 года о том, что тысячи писем посылаются сионистами в Россию. Но если бы каждый получивший откликнулся на них и приехал, то он сразу бы принял решение «уехать при первой же возможности».

С треском провалилась сионистская кампания зазвать в Израиль евреев приманкой, снизив для них на 60 процентов плату за жилье и амнистировав тех, кто сбежал от воинской службы, если они прибудут в Израиль до 30 апреля 1980 года. Не хотят евреи, выходцы из других стран, жить на «земле обетованной». Они там люди второго и третьего сорта. Даже евреи ашкенази, наиболее привилегированная часть, стремятся покинуть Израиль, писал в журнале «Палестина» Яков Сельтцер, осевший в Австралии.

Беспрестанные надругательства над религиозными и национальными чувствами палестинских и других арабов вызывают гнев и возмущение у всех людей доброй воли. Вот почему день ото дня растут и крепнут узы солидарности других народов с Организацией освобождения Палестины. Вот почему бегут из Израиля и не хотят ехать туда евреи из других стран, не желая быть пушечным мясом для сионистов.

Бейрут.

Израильская военщина на улицах Эль-Халиля, города, где проходят массовые выступления арабских жителей, протестующих против произвола оккупационных властей.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ

Г. ЩЕРБАКОВА

«...Выставка Яковлева настоящее событие. В целом же это удивительная сокровищница как в научном, так и в художественном смысле». Так писал замечательный ученый-искусствовед и художник Александр Николаевич Бенуа о талантливом русском мастере Александре Евгеньевиче Яковлеве, чье творчество сейчас почти неизвестно, хотя в русской живописи первых двух десятилетий XX века он занимал заметное место.

Картина развития русского изобразительного искусства начала века необычайно многообразна и противоречива: передвижники, искусство Академии, группа «Мир искусства», в выставках которой принимал участие молодой художник. Одновременно возникало множество всевозможных формалистических группировок, яростно боровшихся друг с другом и так же быстро исчезавших.

Поиски искусства нового стиля, которое было бы основано на преемственности классических традиций высокого Возрождения и вместе с тем широко отражало идеи современности, стали основой течения, возникшего в стенах Академии и получившего название «неоакадемизм». Среди художников этого направления ярким, талантливым был Александр Яковлев.

В Русском музее хранится около двухсот его рисунков и набросков, выполненных сангиной или углем, относящихся к тому периоду. Художник Василий Шухаев, большой друг Яковлева, учившийся вместе с ним, вспоминал, что любимым их развлечением было до начала занятий в Академии, пока ученики рассаживались перед мольбертами, сделать рисунок натурщика, причем рисунок точный.

Уже в раннем творчестве живописца огромное место занимал портрет. Именно здесь проявилось его стремление к созданию искусства большого стиля. Наиболее интересными произведениями этой серии являются два портрета Б. Г. Казарозы — актрисы, выступавшей с испанскими танцами и романсами в Старинном театре. Первый, более ранний, находится в Третьяковской галерее. Он написан в 1914 году, когда Казароза была в апогее славы. Художник с замечательным мастерством создает исполненный чистоты и задушевности, необычайно одухотворенный образ актрисы. Плавны и красивы контуры фигуры, все просто, лаконично и вместе с тем овеяно поэзией. Это один из наиболее выразительных и лиричных портретов работы молодого Яковлева. Второе полотно, написанное годом позже, решено иначе. Художник как бы рассказывает о судьбе своей героини. С беспощадной тщательностью прописованы линии усталого лица, набухшие мешки под глазами, опустившиеся складки губ, глубокие морщины на лбу. Самое выразительное в портрете — глаза, в них грусть, нежность и какая-то холодность, отчужденность.

В Третьяковской галерее есть автопортрет мастера, относящийся примерно к 1912—1913 годам. Он изобразил себя в момент работы. До мельчайших подробностей передана обстановка мастерской, которая рассказывает о привычках и вкусах хозяина. В лице живописца — пристальное внимание к изображаемому, желание донести до зрителя со скрупулезной точностью все детали. В этом холсте поражает безукоризненность в передаче формы, четкость и острота рисунка.

Одно из ранних произведений — портрет мексиканского художника Роберто Монтенегро находится в Русском музее. Он написан во время поездки Яковлева в Испанию пенсионером Академии. В этом полотне наиболее ярко выразилось стремление к созданию монументального обобщенного образа.

Интересна и написанная как отчет о поездке в Италию картина «Скрипач», также хранящаяся в Русском музее. При первом же взгляде на полотно вспоминаются образы мастеров раннего Возрождения, чье искусство оказало сильное влияние на формирование молодого художника. Это ощущается в композиции, цветовом решении, в нарочито плоскостной трактовке фигуры.

Молодой живописец быстро привлек к себе внимание современников. Одним из первых увидел и приветствовал его работы Александр Бенуа. Будучи человеком большой культуры, он с пристальным вниманием следил за всеми явлениями художественной жизни России того времени, немедленно откликаясь на каждое новое, интересное проявление настоящего таланта. В 1916 году в статье «А. Е. Яковлев» Бенуа писал: «Можно как угодно относиться к Яковлеву, можно любить или не любить его творчество, но в одном нельзя сомневаться, а именно в том, что это феномен». И далее, подробно рассматривая творческую манеру художника, критик пишет, что он представляет собой новую главу в истории искусства, а его произведения «являют собой предельное мастерство, феноменально точно, верно и метко решенную задачу».

Летом 1917 года Академия художеств посылает Яковлева как одного из способнейших молодых живописцев в поездку по странам Азии. Художник с огромным интересом знакомился с бытом, обычаями далеких и малоизвестных тогда стран, изучал наследие древнейших культур, делал интересные этнографические наблюдения. Все это запечатлено в многочисленных эскизах, этюдах, рисунках.

Возвратившись из Азии, Яковлев попадает в Париж. Здесь в галерее Бербазанж была устроена выставка его работ, принесшая большой успех русскому живописцу.

В 1924 году живописец едет с экспедицией в Центральную Африку как художник и этнограф. Из поездки он привозит обширный цикл — около 300 картин и рисунков, рассказывающих о природе Африки, о жизни и быте неизвестных в то время племен, создав тем самым галерею образов красивых, полных достоинства людей. Некоторые произведения, сделанные во время этого путешествия, опубликованы на нашей цветной вкладке.

Изображения пронизаны гуманностью и любовью к человеку. Яковлев был первым русским художником, стремившимся постичь душу африканского народа и с большой теплотой отразить ее в своих работах.

Портрет Магеммы, начальника воинов султана Маради, — одно из наиболее красочных произведений этого цикла. Голая, выжженная палящими лучами солнца желто-белая земля Сахары, ярко-голубое небо. И среди этого пейзажа прямо перед нами неожиданно возникает колоритная фигура военачальника в роскошном темно-синем одеянии, украшенном богатым узором, с алым тюрбаном на голове. Несколько удлиненные пропорции придают облику большую монументальность. В спокойном жесте переплетенных пальцев, в уверенной постановке фигуры — чувство сознания собственного достоинства. На втором плане — сам султан верхом на лошади, в окружении свиты.

Великолепно выполнен портрет вождя племени. Художник создает образ, поражающий своей силой, мужественностью, большой внутренней динамикой. Лиричен пейзаж африканской деревни, в нем есть элемент сказочности, навеянный, возможно, пейзажами мастеров Возрождения.

«Женщина М'гого с ребенком» — проникновеннейшее произведение этого цикла. Вечная тема материнства передана с удивительной теплотой и задушевностью. Высокое профессиональное мастерство автора сказывается в блестяще построенной композиции портрета, безупречности рисунка. «Воины Джермы» напоминают скорее африканские сказания, поражая своей необычайной мощью, красочностью костюмов. Можно лишь благодарить художника за то, что он показал нам Африку, столь увлекательную и романтичную, ее необычный и прекрасный мир.

Листая африканский альбом, трудно выбрать наиболее интересные работы, каждая привлекательна по-своему. Но главное — в них есть душа художника, его живой интерес к народам этого района. Помимо большой этнографической ценности африканских рисунков Яковлева, их отличают высокие художественные достоинства.

Во второй раз в Азии мастер работает в 1931—1932 годах. Привезенные из этого путешествия произведения также имели огромный успех. Отзывом А. Н. Бенуа на эту выставку и начинается наша статья. Можно добавить из нее еще несколько строк: «Вообще нынешняя выставка Яковлева стала весьма значительным этапом на пути его художественного развития. Чувствуется, что теперь он совершенно созрел... В творчестве «документатора и протоколиста» появилась неведомая ему доселе нота лиризма. В этих туманных далях, в этих насупленных вершинах, в этом каменном просторе живет душа, слышится музыка, та самая музыка, которая через тысячи превращений воспитала очарование Бородина, Мусоргского, Римского...»

Сведения о творчестве Александра Евгеньевича Яковлева весьма скудны. Известно лишь, что он всю жизнь много и упорно работал, постоянно искал новые пути. Монументальный характер его искусства сказался в увлечении фресковой живописью — так претворилось в жизнь страстное преклонение художника перед искусством Возрождения. Он сделал много росписей в общественных и жилых зданиях Парижа. Известно, что он расписал концертный зал на тему пушкинских сказок, переложенных на музыку.

В основном Яковлев жил во Франции, но несколько лет провел в США, преподавая в Бостонской школе изящных искусств. Один из современников вспоминал: «Он выступал в каких-то американских небоскребах, на глазах у всех рисовал в натуральную величину модель, поставленную на эстраду рядом с мольбертом. На отличном английском языке он объяснял каждую точку и каждое направление формы человеческого тела, каждую его мышцу и каждую кость. И в три получаса на глазах у всех являлось произведение бесподобное».

В 1928 году в Ленинграде, в залах музея Академии художеств, открылась выставка произведений мастера, приуроченная к пятнадцатилетию с того времени, как он окончил Академию. Экспозиция состояла как бы из двух частей: подлинников, относящихся к 1904—1917 годам, и произведений последующего периода, представленных репродукциями.

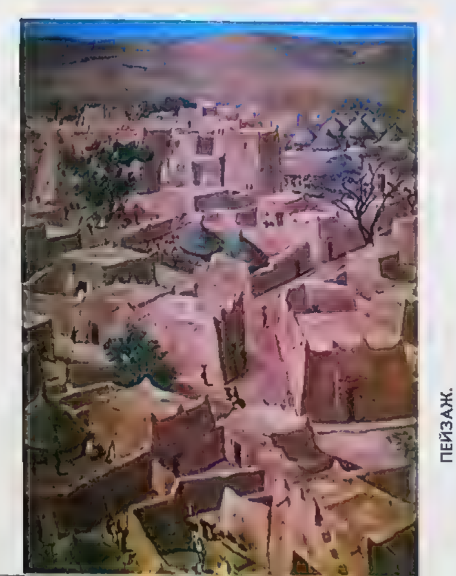
Думается, что сейчас необходимо вспомнить этого талантливого художника, чье искусство зародилось и выросло в стенах петербургской Академии художеств под руководством одного из лучших и образованнейших педагогов — Д. Н. Кардовского.

Судьба Александра Евгеньевича сложилась так, что последние двадцать лет жизни он провел на чужбине. Но и вдали от Родины своим творчеством, своим талантом он способствовал возвеличиванию и прославлению русского искусства. Сейчас мы можем с гордостью вспомнить, что один из созданных им портретов еще при жизни был куплен французским правительством для известнейшего в мире музея — для Лувра.

А. Яковлев. 1887—1938.
МАГЕММА, НАЧАЛЬНИК ВОИНОВ СУЛТАНА МАРАДИ.

А. Яковлев. МАДАГАСКАРСКИЕ МУЗЫКАНТЫ.

ПЕЙЗАЖ.

ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ.

ЖДИТЕ ОТВЕТА

Надежда КОНДАКОВА

СТЕПЬ

Солончаковая, худая,
Голодная — Бетпак-Дала́,
Степь от хребтов Тарбагатая
К нам в Оренбуржье приползла.

Верблюжий глаз и конский щавель,
Типчак и сонный молочай
К июлю цветом обнищали —
Кирпичны, как в пиалах чай.

И не считалось то обузой,
Что, выжженная добела,
Даль полосата от арбузов,
Поштучно меченных, была.

И что отец, взрезая дыню,
Растаявшую от тепла,
Губами слизывал медыню,
Какая по рукам текла.

И наливаясь теплой рожью
И звезд вычисливая ход,
Киргиз-кайсацким бездорожьем
Шло лето долгое в поход.

Кочевье трав и звезд кочевье
Смыкались в грозную орду,
И открывался смысл дочерний
Сквозь вековую темноту,

И на земле верблюже-ржавой
Татарник яро цвел, репей.
И открывался смысл державы
Под кочевым шатром степей.

КОЧЕВЬЕ

Шли на север усталые, потом пропахшие
кони,
И разило мочой, и кумысом, и теплым
степным полынком.
И в ордынской земле, на какой-то вонючей
попоне
Тебя бабка вскормила кобыльим парным
молоком.

Ты из плена ушла, и погоня сулила
несчастье,
Звезды падали остро, насквозь прожигая
траву.
А потом синеглазому русому парню
на счастье
Сына ты подарила. И снова ушла в синеву.

Босоногое поле подсолнух, как люльку,
качало.
Зерна жались друг к другу, и ветер,
как чабер, горчил.
И ты вновь родилась. Над тобою
пространство кричало,
И на белой весенней березе кричали грачи.

Ты жила на земле, где не слышно проходят
столетья,
Где века, как верблюды, идут по земле
тяжело,
Где у белого света на белом немыслимом
свете
Черным бархатом древних сказаний
подбито крыло.

Но однажды ты вспомнила давние
эти сказанья:
Низкорослые кони, курдюк с голубым
молоком...
И запахло полынью в заснеженной зимней
Рязани,
И скуластое солнце взошло на лице
молодом.

Ты улыбки такой в этом веке еще
не встречала!
Дух большого кочевья бродил в тебе,
словно вино.
Степь кошму вам стелила, степь стылые
звезды качала.
Ты сгоришь от любви, но из плена сбежишь
все равно...

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПУТИ

Дикарка в ковылях и травах
Почти немыслимых цветов,
Лежит большая переправа
Меж двух великих городов.

И ровно в три на полустанке,
А где, сам черт не разберет,
Двух тепловозов перебранка
Нам спать спокойно не дает.

И, подгоняемые кем-то
В предутреннюю синеву,
Один везет людей к Чимкенту,
Другой уходит на Москву.

Людское шумное кочевье,
Двадцатый век, большой вокзал!
И наши встречи тем плачевней,
Что их разлукой он связал.

Но мы не верим той разлуке,
Той душной жизни взаперти,
Покуда есть сердца и руки
И есть железные пути.

Покуда где-то поле пашут
И, презирая неуют,
По всей земле родимой нашей
Детей рожают и поют.

●

Тамбовский волк, прославленный
в присловье,
Выходит в чисто поле волковать.
И две звезды дрожат у изголовья,
И нам под ними надо вековать —
Вот здесь, в Тамбовской области.
На свете
На белом, на безжалостном ветру...
Когда умру, забуду все, но эти
Шальные звезды прямо на юру,
Над белою светящейся березой,
Над черною ночною тишиной,
Над суетою жизненной и прозой —
Останутся. И, может быть, иной
Какой-то жизни тайная примета
В них есть уже, и так пугает нас
В тамбовской черной ночи скорость света
От жадных звезд до жадных волчьих глаз.

●

Бывает — такое огромное небо
Встает над тобою, синея, сияя,
И в землю влюбляешься жадно и слепо,
И любишь ее до последнего края.

До белой, от слез почерневшей березы
На старом, прадедовском русском погосте.
И знаешь, что се — не последние слезы,
Что ты сюда тоже приедешь не в гости.

Бывает — такое огромное чувство,
А сердце (так мало!) его не вмещает.
Но знаешь, что поле пустое — не пусто,
Вовеки веков оно не обнищает.

И будет земля. И останется небо.
И белого света мгновения — слезы —
От жизни, что жадно любил ты и слепо,
До смерти. Под корнем родимой березы.

●

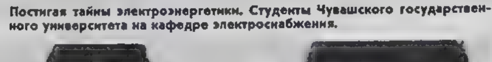
В доме пустом, нежилом, как планета,
Трубку сниму я и диск поверну.
— Ждите ответа...
Ждите ответа...
Голос ворвется, как крик, в тишину.

Ждите ответа от ваших любимых,
От голосов, из печалей лепимых
Синего лета и белого света.
Ждите ответа.
Ждите ответа.

Ждите ответа от старых пророчеств,
Коммуникабельных двух одиночеств,
От разрешения и от запрета
Ждите ответа.
Ждите ответа.

Голос из бездны? Да мыслимо ль это!
Так побираться у нищего света,
Жизнь принимать, как заглядывать в Лету:
— Ждите ответа...
Ждите ответа...

СОВЕТСКОЙ ЧУВАШИИ — 60 ЛЕТ

На знамени Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики три правительственные награды: ордена Ленина, Октябрьской Революции и Дружбы народов. Наш репортаж о сегодняшнем дне республики.

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Высоко над Волгой вознесся Монумент воинской славы.

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Моему собеседнику Василию Тимофеевичу Подъельникову уже перевалило за... сто, но у него крепкое рукопожатие, хорошая память и спокойный взгляд много повидавшего человека.

Подъельников — старожил Чувашии. Свыше тридцати лет трудился он в службе статистики.

— По старой памяти, что по грамоте,— усмехается ветеран и не спеша начинает рассказ.— До революции было в Чебоксарах около тридцати церквей и часовен, примитивный кожевенный заводишко, лесопилка, три маломощных кирпичных цеха и завод по производству водки. Рабочих же в городе насчитывалось совсем немного. В общем, «ничтожный, но картинный городок» (так отзывался о Чебоксарах Тарас Шевченко, побывавший здесь проездом из ссылки.— В. З.) открывался взору заезжего человека. Трудно было Советской власти поднимать нашу республику. Вот взгляните на этот документ,— Василий Тимофеевич протягивает выписку из отчета Совнархоза Чувашской автономной области за 1921 год,— и вдумайтесь в приведенные цифры, а затем сравните их с нынешними достижениями.

Отчет тогдашнего совнархоза констатировал, что за восемь месяцев в Чувашии было произведено около 700 тысяч пар лаптей, 140 штук сенных вил, 240 граблей, 2260 зубьев к боронам, 2093 ведра, а также деревянные лопаты, ложки, веретена.

— А вот сегодняшний день республики,— продолжает Подъельников, показывая фотоальбом, выпущенный недавно. Черно-белые и цветные снимки создали яркую фотолетопись достижений Чувашии за годы Советской власти. Здесь сегодня выпускаются известные на всю страну бесчелночные ткацкие станки, тракторы, вагоны и электропогрузчики, стиральные машины и электрические аппараты, бумага, ткани. Да разве все перечислишь!

— А знаете ли вы, что ни одна отрасль народного хозяйства страны, ни одна крупная новостройка, ни одна электростанция не обходятся без изделий Чебоксарского электроаппаратного завода! — с гордостью говорит Подъельников.— Кстати, и в Московском метрополитене используются наши электроприборы и даже в Кремлевском Дворце съездов! Нам, старожилам, особенно заметны изменения, происшедшие в Чувашии за годы Советской власти.

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Секретарь парткома Чебоксарского электроаппаратного завода Валентин Михайлович Крамаренко тоже с большим уважением относится к статистике, хотя и считает, что одной статистики мало для рассказа о подвиге многотысячного коллектива ЧЭЗ, награжденного орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции.

— Только публицистика способна отразить дух времени,— убежденно говорит В. Крамаренко и протягивает мне объемистый сборник истории завода. Один из главных ее героев — Николай Александрович Королев, кадровый питерский рабочий, мастер — золотые руки. По призыву партии поехал он в Чебоксары, чтобы передать здесь свой опыт высококвалифицированного инструментальщика.

— Поехал лет на пять, а вскоре сорокалетний юбилей работы в этом цеху отпраздную,— смеется Королев.— Чувашия стала для меня второй родиной, а мои ученики — сыновьями.

Немало первоклассных инструментальщиков подготовил Королев. Не раз его воспитанники становились победителями республиканских конкурсов на звание «Лучший фрезеровщик», удостаивались высоких правительственных наград. Так, один из его первых воспитанников, чуваш Анатолий Краснов, который вначале не знал, с какой стороны подойти к фрезерному станку, стал кавалером двух орденов — Ленина и «Знак Почета». А ученик Краснова Игорь Тришин за самоотверженную работу награжден орденом Трудового Красного Знамени. А потом медали и знаки отличия получили уже воспитанники Игоря Тришина. Так королевская «закваска» передается из поколения в поколение.

Когда на заводские торжества вместе собираются ученики Королева, в зале от блеска их орденов и медалей становится светлее. Солнечной искоркой на лацкане пиджака самого Николая Александровича Королева поблескивает Звезда Героя Социалистического Труда.

К ЗЕМЛЕ НИЖЕ — К ХЛЕБУ БЛИЖЕ

«Чуваш одной ногой стоит в люльке, другой — в борозде»,— гласит старая народная поговор-

Постигая тайны электроэнергетики. Студенты Чувашского государственного университета на кафедре электроснабжения.

ка. Именно так начиналась жизнь Исаака Кошкина, председателя колхоза «Правда» Вурнарского района.

Родившись в беднейшей крестьянской семье, мальчик почти не видел своего отца, который с утра до поздней ночи гнул спину на кулака-богатея. Рано началась и трудовая жизнь будущего председателя. Уже в советское время И. Кошкин окончил курсы трактористов. С этой специальностью и ушел на войну. Отвоевав, вернулся в родной колхоз, стал бригадиром полеводов, а вскоре и председателем колхоза. Было это 33 года назад. С тех пор Исаак Федорович Кошкин — бессменный председатель колхоза «Правда», одного из самых передовых в республике. Три ордена Ленина украшают его грудь.

— Дважды объединяли нас с отстающими колхозами,— рассказывает председатель.— Оба раза крен выправляли за счет повышения производительности труда, увеличения отдачи полей и ферм.

Как человек крестьянского корня, Кошкин скуп на речи. Однако, дав слово, сдержит его во что бы то ни стало.

Как-то во время летних полевых работ услыхал председатель разговор семиклассников местной школы о планах на будущее. Все они без исключения собирались после окончания учебы поехать в город. Причина была одна: скучно, мол, в колхозе, нет даже своего Дома культуры.

Сегодня в колхозе два Дома культуры, в каждом селе современный магазин. Заканчивается строительство детского сада. Так что проблем с кадрами больше нет. Молодежь остается в селе.

Всю республику снабжает колхоз «Правда» элитным семенным зерном. Все — и председатель, и специалисты, и полеводы — крепко усвоили секрет: чтобы быть к хлебу ближе, нужно быть к земле ниже.

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Я хорошо представляю себе, как скрипит и подпрыгивает на ухабах старая телега, как худенький мальчонка, прижавшись к теплой спине отца, широко раскрытыми глазами смотрит на уплывающий вдаль лес, серебристую, как лезвие перочинного ножичка, речушку и уютные дымовья крыш. Сегодня опять чуть свет вместе с братом отправился он помогать старшим строить дорогу. И хотя Илюша мал и ростом и годами, он вполне успевает и опилки убирать, и нужный инструмент подносить, и даже подкатывать к месту укладки нагретые солнцем и пилой сосновые кругляши. А потом с удовольствием скачет на одной ноге по круглым спилам, образующим русло дороги: распиливая стволы деревьев на одинаковые по диаметру куски и ставя их на попа один к другому, строили чуваши раньше свои дороги. С каждым днем дорога все дальше и дальше уходила от дома, приближаясь к незнакомому и шумному городу. И однажды настал день, когда Илюша не вернулся с отцом домой. Пошел учиться в городскую школу. Жизнь не баловала его. Прошел он и трудными дорогами солдата и не менее трудными дорогами комсомольского, потом партийного работника. Но никогда не забывал Илья Павлович Прокопьев, первый секретарь Чувашского областного комитета партии, той необычной для теперешней поры, пахнущей лесом дороги, которая вывела его в жизнь.

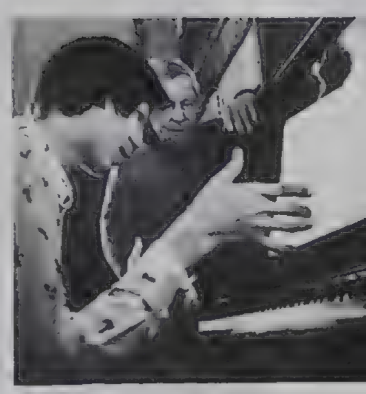
— Вместе со всей страной шли мы к нашим сегодняшним достижениям,— говорит секретарь обкома,— и вряд ли чего-нибудь сумели бы добиться, если бы не повседневная помощь нашего старшего брата — великого русского народа. С победой Октября над Чувашией, можно сказать, взошло солнце. Люди потянулись к знаниям, свету. Сегодня по числу студентов на десять тысяч жителей Чувашия далеко обогнала такие капиталистические державы, как Англия, Франция, Италия, ФРГ, Япония. А ведь еще в начале века из каждых пяти чувашских детей четверо оставались за порогом школы.

Примечательно, — продолжает И. Прокопьев,— что неоценимый вклад в просвещение чувашского народа внес отец Ленина — Илья Николаевич Ульянов, усилиями которого для чувашей было открыто много школ. А свое становление республика начинала с проведения в жизнь одного из первых ленинских декретов — Декрета о ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Сегодня только в Чебоксарах четыре высших учебных заведения. Одно из них, Чувашский государственный университет, носит имя Ильи Николаевича Ульянова. Его ректором многие годы является доктор технических наук, профессор Семен Федорович Сайкин.

Однажды, в заграничной командировке пришлось Сайкину отвечать на многочисленные вопросы своих зарубежных коллег, интересовавшихся жизнью Советской Чувашии. После подробного рассказа о республике кто-то из сидевших в зале обратился к профессору с просьбой назвать имена трех известных всему миру чувашей. Не успел Сайкин задуматься на миг, как тот же человек, манерно извинившись, заявил во всеуслышание, что если ученый из Чувашии затрудняется с ответом, то он снимает свой вопрос. Зал по-своему отреагировал на создавшуюся ситуацию. Судя по реакции, были среди присутствующих и те, кому понравилось, что советский ученый загнан вопросом в тупик. Сайкин спокойно переждал, пока уляжется оживление, и с улыбкой ответил: «Автор вопроса даже не представляет, в сколь трудное положение поставил меня, ибо из огромного числа знаменитых на весь мир чувашей очень сложно выбрать троих. Но коль скоро речь зашла именно об этой цифре, позволю напомнить вам имена известной всему миру балерины, солистки Большого театра Союза ССР Надежды Павловой, выдающегося ученого, профессора А. Изотова, который измерил и уточнил объем и площадь планеты Земля, и, конечно же, человека, одним из первых облетевшего Землю, летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза Андрияна Николаева».

Томившийся тишиной зал разразился аплодисментами...

Столетний житель Чебоксар Василий Тимофеевич Подьельников со своим внуком Андреем.

...КАЯ СУДЬБА

На родных просторах. Молочное стадо — предмет особых забот председателя колхоза И. Ф. Кошкина.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

СВЕТ ТВАРДО

Евгений ОСЕТРОВ

Самые разные люди обращаются к «Теркину» Александра Твардовского, как к неиссякаемому источнику народного духовного здоровья. Бывалый солдат, помнящий смоленские болота и переправу через Днепр — где-нибудь под Радулем,— достав с полки заветную книгу, вспоминает, как читал в молодые годы во фронтовой «Красноармейской правде» незабываемые главы. Пытливый подросток, желающий узнать все, как было на передовой в самом деле, особенно восхищается живописным описанием батальных сцен и боевых эпизодов: «Чтобы слева класть удары, хорошо б левшою быть». Молодые люди постигают по «Теркину» непринужденную и естественную красоту разговорной народной речи и ее плавный лад: «Я — любитель жизни мирной — на войне пою войну». Начинающий поэт, повторяя вслух строфы поэмы, учится, как свободно и веско можно писать о важном:

Есть закон — служить до срока,
Служба — труд, солдат —
не гость.
Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил,
как гвоздь.
Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед!..— Вперед.
Есть приказ: умри!..— Умрет.

«Василий Теркин» по своей популярности в народе смело соперничает с самыми прославленными книгами, зачитываемыми в библиотеках до дыр.

Иван Бунин, прочитав «Теркина», написал давнему собрату по перу Телешеву: «...Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный, народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова».

Возникновению гетевского «Фауста» предшествовало бытование немецких народных книжек, посвященных средневековой легенде о докторе-чернокнижнике, вступившем в сговор с нечистой силой. Лубочные народные образы красочно отозвались в сказках, стихах и поэмах Пушкина. Теркин — солдатская фронтовая молва. Ее-то и запечатлел Твардовский в главах-эпизодах, печатавшихся во фронтовых газетных листках фельетонами. В огненные сороковые читатель любил кочующих литературных героев-удальцов. Отсюда бесчисленные — Смыслов, Гранаткин, Штыков — им несть числа. Мелькали даже в газете рассказы о новых похождениях Швейка, смеялись над ними от души. Неунывающие победители нравились, но в памяти надолго не удержались. Строфы же в «Теркине» звучат так, словно они только что вышли из-под пера, нет, сорвались с уст:

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне Родина,
Родная сторона!

Существует вечная тайна художественности, которую по-своему разгадывает каждое новое поколение.

«Теркиным» не исчерпывается тема войны в творчестве Твардовского. Год от года я все больше люблю, постоянно читаю и перечитываю лироэпическое стихотворение «Я убит подо Ржевом». Поэт написал стихотворение-балладу — своеобразный монолог тех, кто не пришел с войны. Невозможно назвать лирического героя Твардовского усопшим. Он выглядит «живее всех живых» и произносит суровые слова, обнаруживающие сильное чувство и гранитную духовную крепость. С самого начала смысловая мелодия становится убедительной. Автор передает подлинность войны словами, бытовавшими среди фронтовиков,— «В пятой роте, на левом...», «Ни петлички, ни лычки...», «Как на теле рубец...». Обыденное звучание речи сразу снимает опасность, заключавшуюся в том, что «голос из-под земли» мог бы восприниматься как «высокий стиль», торжественная риторика. Обращение погибшего к нам, живым, исполнено жгучим интересом к солнечной, зеленой, бурлящей жизни, и условность литературного приема мгновенно сглаживается и отступает. Читатель понимает многозначный смысл простых слов: «Я — где корни слепые ищут корма во тьме; я — где с облачком пыли ходит рожь на холме; я — где крик петушиный на заре по росе...»

Яростное жизнелюбие заключено в сдержанных оборотах речи. Чтобы во всей полноте почувствовать полнокровное счастье бытия, надо, видимо, было вообразить себя умершим.

Трепетный интерес Ушедшего солдата к ратным делам обоснован поэтом художественно. Ведь все вопросы о положении на Среднем Дону и на Волге подводят читателя к мысли, объясняющей, почему погибшие расстались с прекрасным и яростным миром. Поэтическая мысль проста, но она предельно кратко и точно указывает на причину, заставившую пожертвовать самым дорогим на свете — жизнью:

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена.

Сила тревожного чувства, выражаемого поэтом, так превышает привычную степень воздействия, производимого на нас стихами, что нет никакой нужды и желания обращать внимание на подчеркнуто обыкновенную звуковую сторону произведения. Звукопись — в смысле, в богатстве поэтического текста. Перед нами произведение, которое принадлежит к числу тех, что пишутся художником в силу душевной необходимости.

Мысль о погибших товарищах никогда не покидала поэта. В этом достаточно убедиться, сопоставив довоенного Твардовского с тем, что поэт стал писать в дни ратных свершений. Начиная с тяжелой финской кампании, когда наши войска тягостно взламывали «линию Маннергейма», безоблачное, юношеское восприятие жизни покинуло поэта.

У Твардовского встречается признание: «Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны. В том, что они — кто старше, кто моложе — остались там...» Поэт судит себя судом памяти, не находит вины, но недосказанное пробивается меж строк: «Речь не о том, но все же, все же, все же...»

Суровые беды и испытания наложили неизгладимую печать на весь творческий облик Александра Твардовского. И, может быть, самое заветное, самое сокровенное, что было выношено за военную страду автором «Теркина», вылилось в стихотворении «Я убит подо Ржевом». Произведение это, заключающее в себе излюбленную мысль поэта, скорбные и мужественные мелодии, изобилующее внезапными смысловыми переходами, могло бы послужить темой для музыкального творения, носящего глубокий, философски значительный характер. Уповаю на появление в хоровом искусстве нового Дмитрия Бортнянского.

* * *

Живой думает о живом, и одно изображение скорбного едва ли все-таки может составить в наши дни все содержание творчества художника. Ведь и поэты минувшего века, склонные нередко к мрачному мироощущению, умели улыбаться, хотя бы и сквозь слезы. Что касается Александра Твардовского и его литературной судьбы, то можно сказать, что он всегда стремился показывать народ в его патетическом цветении. Критика много писала о послевоенных поэмах Твардовского «Дом у дороги», «За далью — даль», воздав наконец прекрасным творениям по заслугам. Я обращаю теперь внимание только на то, что эти эпические полотна, особенно «За далью — даль», дают возможность увидеть, как от одного произведения к другому видоизменялся духовный мир художника, рос окоем его мира. Уже не деревенская околица, привлекательная сама по себе, а вся страна и ее эпохальное движение осмысливаются поэтом. Напряженно раздумывая о сложной многозначности современного бытия, поэт, быть может, проигрывал в воссоздании непосредственно наивных ощущений, но таков всегда удел поэзии, склонной к философско-художественному постижению действительности.

Есть у Александра Твардовского в числе послевоенных произведений стихотворение, озаглавленное словами, выражающими целенаправленность жизни, как ее понимал поэт. «Свет всему свету». Произведение это по своей поющей звукописи, по излучающим свет краскам наполнено ощущением радости бытия. В лесном Предуралье поэт увидел: «Музыка, гомон, урчанье моторов. Табор — не табор, город — не город». Стройка, нарисованная художником, цепко схватывающим детали, выглядит весело и празднично. Мы видим, как уверены

ВСКОГО

люди, возводящие электрическую станцию у реки, в своих силах, сколько в них жизненной хватки и трудового товарищества. Поэт замечает и то, что на работе — характерная примета послевоенного времени! — занят «всяческий люд, но особенно женский»; довольно разнообразны орудия труда: трактор и тачка, лом и лопата — все годится в работе. Читатель вместе с автором любуется веселой, дружной удалью строителей, их бойким, исполненным внутреннего достоинства разговором: «— Лихо копаете! — Так и копаем. Так и копаем. Так и копаем. Свет добываем».

Способность истинного художника состоит в том, чтобы обобщать и типизировать явления. Отталкиваясь от простого события, А. Твардовский создал выразительную картину, характерную для своего времени. Простота, легкость, доступность поэзии Александра Твардовского сделали ее необычайно привлекательной не только для читателей послевоенных лет, но и для поколения, вступившего на литературную дорогу в самую последнюю пору. Двадцать первый век (а он не за горами), думаю, воспримет Твардовского как классика минувшего столетия.

Внимательные читатели и критика, разумеется, давно обратили внимание на то, что простота Твардовского — простота особого рода. Она бесконечно далека от взгляда простеца. Это простота сложности. Именно такую простоту искал в стихах Белинский, видевший в ней необходимое условие художественного произведения, отрицающий по своей сущности всякое внешнее украшение. Простота, как красота истины, красочна и глубока в стихах Твардовского — у него нет слов без значения. Ему совершенно чужды цветистые фразы, неправдоподобность событий, неестественность положений. Твардовский — идеальное воплощение требований, провозглашенных Белинским: «Первое и главное достоинство всякого стиха составляет строгая точность выражения, требующая, чтоб всякое слово необходимо попадало в стих и стояло на своем месте, так чтоб его никаким другим заменить было невозможно, чтоб эпитет был верен и определителен. Только точность выражения делает истинным представляемый поэтом предмет, так что мы как будто видим перед собою этот предмет».

С большой определенностью Михаил Васильевич Исаковский — друг и наставник Твардовского — ставил вопрос о мирочувствии поэта, в том числе о круге излюбленных его тем, которые художник знает, любит, предпочитает всем иным. В теме должен быть «внутренний свет», влекущий поэта, только тогда можно надеяться создать нечто хорошее. В этом смысле с Исаковским перекликался и сам Твардовский, утверждавший, что поэт должен видеть то, что нельзя даже Льву Толстому передоверить, «пусть себе он бог», то есть художнику должна быть ведома сторона действительности, которую никто другой не знает. Во всяком случае, с такой позиции.

Удачно найденное слово повышает эмоциональное воздействие на читателя, оно может быть и настоящим поэтическим открытием. В поэме Твардовского «Дом у дороги» — ее, кстати говоря, Исаковский (он не раз говорил мне об этом) ценил необычайно высоко — героиня, томящаяся в неволе, думает о только что народившемся сыне: «Зачем в такой недобрый срок зазеленела веточка? Зачем случился ты, сынок, моя родная деточка?» «Твардовский, конечно, — замечал Исаковский, — вполне мог бы написать: «Зачем родился ты, сынок?» вместо «Зачем случился ты, сынок?». Однако слово «родился» не удовлетворяло Твардовского. Как отличный поэт и знаток языка, он понял, почувствовал каким-то внутренним чутьем, что в языке должно быть другое слово, которым можно заменить «родился», — слово, я бы сказал, более тонкое, более горестное, более эмоциональное и точнее других выражающее то настроение, в котором находилась мать. Это слово он нашел».

Вдумаемся в ставшее таким привычным название — «Дом у дороги». Ведь в этих словах — родовые приметы поэзии автора «Теркина», сына сельского кузнеца, уроженца смоленской земли. Дом и дорога — два величайших, основополагающих состояния человека, статика и динамика жизни. Для героя родовое гнездо неотрывно от мира и покоя. На дороге же — все ветры в лицо, окружающее находится во взвихренном состоянии. Дом у дороги и отчий край, в который пришла война. Отсюда и гениальная поэтическая формула, надежно покоящаяся на народном основании: «Коси, коса, пока роса, роса долой и — мы домой».

* * *

Привычный путь, который характерен для большинства поэтов, от лирических излияний — естественный в юности — к эпическому и философско-художественному постижению жизни в зрелом возрасте. Твардовский же начал свой литературный путь с эпических полотен, посвященных самым широким картинам народной жизни в ее движении, в ее свершениях, противоречиях, горестях и праздниках. Образы, привлекавшие поэта с юных лет, отмечены чертами эпических героев. Муза создателя «Страны Муравии» не знала любовной лирики, слишком много было других забот. Наша критика неоднократно сопоставляла Теркина то с Тилем Уленшпигелем, то с неутомимым путешественником античности Одиссеем. Все последние годы своей жизни Твардовский неустанно трудился над воссозданием образа нашего современника. Эпичность — главная особенность Твардовского.

Книга «Из лирики этих лет», созданная в шестидесятых годах, не завершила творческий путь поэта — он писал и позднее, — но, во всяком случае, она, эта книга, венчала большой литературный путь. Честно, правдиво, взволнованно говорил поэт о том, чем жил весь народ. Художественный рассказ о судьбе страны и судьбе человека велся словами, которые «жгут, как пламя, что светит вдаль и вглубь, — до дна...». В программном стихотворении «Слово о словах» поэт спокойно, несуетно, с большим душевным достоинством, обращаясь к родной земле, сказал, что он скупо примерял свои слова «к делам твоим». Как клятву поэт произносил похвалу родному слову, которое, по его мнению, «не звук окостенелый, не просто некий материал, — нет, слово — это тоже дело, как Ленин часто повторял».

Мы еще не осмыслили в полную меру новаторства Твардовского. А между тем его личность противостояла сложившимся представлениям о поэтах и поэзии с начальных шагов творчества. Первые стихи были написаны в пору, когда в полном ходу были представления, навеянные романтической книжностью. Образцом для Твардовского был простой, честный, спокойный и добрый Исаковский, чьи песенные слова стали навсегда общенародным художественным достоянием.

Мы редко обращаем внимание на расположение стихов в сборниках, между тем композиция сама по себе содержательна. В этом смысле интересны прижизненные сборники Твардовского, они многое говорят о поэте. В 1946 году издательство «Московский рабочий» выпустило сборник Твардовского, носящий общее название — «Дом у дороги». В книге три раздела, обозначенных на титульном листе: «Дом у дороги. Лирическая хроника», «О Родине» и «Стихи из записной книжки». Первая строфа, открывающая сборник, сообщает нам:

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

Итак, перед нами — сорок первый. Тогда и началась песня. В конце сборника — стихотворение, носящее название «В час мира», — звучит ликующим гимном:

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти годы,
Что на земле застигли нас.

Еще теплы стволы орудий.
И кровь не всю впитал песок,
Но мир настал. Вздохните, люди,
Переступив войны порог.

Да, верить можно, верить нужно,
Что правда есть, — на том стоим;
И что добро не безоружно:
Зло на коленях перед ним.

В центре же книги — стихотворение «Кремль зимней ночью», отмеченное историческим взглядом на былое и современность. Как уместно трехчастное деление книги, соответствующее ее содержанию, несущее в себе «внутренний свет» смысла! Перед нами «книжка небольшая», которая действительно «томов премногих тяжелей».

* * *

Приезжая во Владимир, иду на знаменитый откос, откуда виден простор над Клязьмой и богатырские муромские леса. Здесь в послевоенные годы Твардовский не раз любовался живописным видом окрестностей.

Проходя Неглинной, я ловлю себя на мысли: вот здесь, на углу Пушечной, в последний раз встретил Александра Трифоновича, — печать усталости лежала на его лице.

Рано подводить черту. Поэзия создателя «Теркина» принадлежит к постоянно развивающимся явлениям духовной жизни. И каждое поколение произнесет о нем свое суждение.

«ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ САМОГО СЕБЯ...»

Есть такая русская народная пословица: «Где родился, там и сгодился». Дед Евсей из рассказа Алексея Менькова «Накануне осени» смысл этой пословицы вкладывает в слова, обращенные к молодому своему односельчанину, шоферу Сергею, который чуть было не соблазнился городской жизнью, да передумал, решил остаться в деревне и учиться заочно на агронома: «Ты тут родился, ты тут и хозяином должен быть».

Герой другого рассказа — «Непростое дело», деревенский паренек Федя, выучившийся в городе на электромонтажника, тоже решает вернуться в родную деревню, потому что у него «вся душа изболелась по своим родным полям и лугам». Но главное, он понял, что «всюду можно ходить и в передовых и в отстающих — все зависит от самого себя».

Симпатии автора явно на стороне этих ребят, познавших жизнь в новых местах и постигших, что не по ним она, что лучше всего сгодятся они там, где родились.

Было бы, наверное, неправильно утверждать, что Меньков возводит эти примеры в абсолют. Позвольте, сказали бы ему, а как же Ломоносов, а многие и многие прославленные ученые, артисты, государственные деятели, — они не стали бы гордостью нашей страны (а некоторые — и всего мира), если бы в свое время не покинули родные края. Все так, но Ломоносовых, согласимся, не так уж и много, а уходят из деревни многие тысячи. Дело экономистов и социологов — решать, в каких случаях оправданы эти «уходы», выгодно ли это государству.

А. Меньков не экономист и не социолог, он поэт («Накануне осени» — его первая книга прозы), у которого душа болит за выкорчеванный старый яблоневый сад, за деревенскую избу, которую «сковырнул» трактор, ему понятны печаль и беспокойство стариков, которые крепко приросли к отчей земле и с грустью наблюдают, как легко покидают родные места молодые в поисках другой, не то чтобы легкой, но все же более привлекательной, хотя бы новизною, городской жизни.

Герои рассказов Менькова чаще всего бесхитростные, так называемые простые русские люди, которых отличает одно важное качество: совестливость. Это и баба Поля, неожиданно выигравшая по лотерейному билету «Жигули» и не только не радующаяся неслыханному богатству, но понимающая его как грех — ни за что досталось; это и дед Кондрат, который вместо того, чтобы отомстить нашкодившему парнишке, одаривает его корзиной яблок; это и шофер Иван Евсеевич, неспособный уклониться ни от помощи соседям, ни от ответственности... Встречаются на страницах рассказов и другие люди — черствые, завистливые, равнодушные, как встречаются они и в жизни, но заслуга автора в том, что без назидательных деклараций, опираясь на верное нравственное чувство, он внушает читателю простые и вечные истины, помогающие различить добро и зло.

Н. БЕЛОВА

Алексей Меньков. Накануне осени. Тула. Приокское книжное изд-во. 230 стр.

Виктор ПРОНИН

УБИТЬ ДЕРЕВО

На скамье подсудимых сидела Барсукова — женщина энергичная, с явно выраженными волевыми началами, скажем так. Сидела, гордо вскинув подбородок и всем своим видом показывала, как она презирает людей, которые ее судили. Даже со скамьи подсудимых она время от времени пыталась поставить их на место. Доходило до того, что сама Барсукова давала кому-то слово, прерывала, когда находила нужным, или решала, что кто-то говорит не то, что следует.

Происходило все на товарищеском суде. Барсукова совершила преступление и не отрицала этого. Правда, проступок свой она и не называла преступлением. А произошло следующее. Первого мая вечером, когда уже стемнело, пробралась она во двор большого многоквартирного дома и срубила топором иву. Большое, развесистое дерево. Довольная, вернулась домой, помыла руки и уселась перед телевизором с чувством исполненного долга. Понимая, что был в этом поступке вызов, она немного даже гордилась собой, поскольку не убоялась пойти против общественного мнения, не убоялась делом заявить о себе, о своем мнении — не должно дерево расти на этом месте. И все тут! Кто-то, возможно, думает иначе, а она думает вот так.

Судьями были избранные жильцами пенсионеры, у которых нашлось время и желание заниматься подобными делами. Пожилые люди, немало на своем веку и пожившие и повидавшие, смотрели на Барсукову не столько с возмущением, сколько с недоумением и жалостью. А Барсукова обвиняла. В предвзятости, ограниченности, сентиментальности. Надо же — из-за какого-то дерева отрывают человека от важных дел, вызывают, вопросы задают. А речь-то о чем? О дереве!

— Да, я виновата! — Барсукова картинно разводит руками. — Я виновата в том, что двенадцать лет назад позволила посадить во дворе деревья, не пресекла в корне эти частнособственнические замашки! Да, судите меня за то, что слишком поздно я взялась за топор! Надо было их вырубить еще двенадцать лет назад.

— Зачем же вы срубили его? — спрашивает председатель суда.— Кому оно мешало — большое, красивое дерево... Ива, ее не часто увидишь в Москве...

— Она закрывала свет. Мы жили в потемках!

— Но она в десятке метров от ваших окон, да и в стороне!

— Она притягивала воду!

— Простите, как это?

— Да. От нее болото.

— Но ива, наоборот, скорее осушает почву!

— Ох, не тем вы занялись! — укоряла Барсукова судей. — Ох, не тем! Штрафовать надо за самовольные посадки! Вот за что! И вообще мне надоело с вами тут болтать. Чего вы от меня хотите?

— Мы хотим объяснить ваши заблуждения! — робко сказала бывшая учительница.

— Знаете что... Разбирайтесь в своих заблуждениях, а мои не трожьте.

— Мы вынуждены будем вас наказать, — сказал председатель.

— Наказывайте! — Барсукова рубанула ладонью воздух.

На десять рублей Барсукову оштрафовали. Это едва ли не самое большое наказание, которое мог вынести товарищеский суд.

— А я добьюсь, что и остальные спилят! — крикнула Барсукова от двери. — Добьюсь! Вот увидите, добьюсь! — И уже из коридора пальцем пригрозила.

Кто знает, может быть, и добьется... Хотя вряд ли. Уж больно возмутились преступлением все жильцы дома.

Наутро, увидев безобразный обрубок дерева, а это было, заметьте, второго мая, в праздничный день, люди просто ахнули. Подобрали обрубленные ветви, вскопали землю, снова воткнули их, полили — ива хорошо приживается. Вскоре зазеленели ветви, отошли, а от пня разросся пышный зеленый куст — корни-то были целы, сильные, мощные корни.

Ну, да ладно, бог с ним, с деревом, не в нем суть. Как часто приходится удивляться злой изобретательности людей, изыскивающих способы как-то выразить свое пренебрежение к ближним. Это подумать только — двенадцать лет на дерево с ненавистью смотрела! И наконец не выдержала, срубила. И не зимой, не осенью. Весной. Когда дерево зазеленело. Специально чтоб больнее было.

Казалось бы, чего мудрить — срубила дерево, и весь сказ. Но ведь за этим стоит целая система взаимоотношений с соседями, стоит некая уверенность в каком-то своем превосходстве, право на презрение, стремление уязвить, обидеть. Стремление выразить себя. Вот, дескать, какая я грамотная, слова произношу ученые, умею. А на самом деле спекулировать словами научилась — частнособственническими инстинктами попрекнула. Вроде бы о здоровье общества печется, идеалы наши отстаивает. А если взглянуть поглубже — она же срамила эти идеалы.

Во всей этой истории есть еще одна сторона — около сотни ребят, детишек из нескольких домов, выходящих в этот двор, получили весьма наглядный и убедительный пример циничного отношения, нет, не к дереву — к ближним. Они увидели, что можно, допустимо взять и вот так зло высказать свое пренебрежение к нескольким сотням людей. А потом, похохатывая, прикрываться фразами, откровенной ложью, что, дескать, в жилищно-коммунальном отделе эта порубка была согласована и увязана с некими высшими целесообразностями...

Последнее время часто можно прочесть статьи, в которых психологи, социологи, педагоги ищут те неприметные простому глазу маленькие уроки, которые получают подростки в окружающем мире и которые порой делают их жестокими, равнодушными к беде других, достоинству, а то и к жизни.

А уроки вот они, во дворе. Они не всегда столь ярки, очевидны, но подростки чутко улавливают и скрытую фальшь, и пренебрежение к чужому горю, и улыбчивую ненависть, которую взрослые стараются не замечать.

Ребята, они, конечно, осудили преступление, некоторые, правда, отнеслись к событию равнодушно, иные посмеялись над нервными взрослыми, которые подняли крик из-за какого-то пня, а крику действительно было много. Но урок пренебрежения к общественному мнению они получили, поняли: можно и так. А много ли надо? В пятнадцать, в тринадцать нетрудно цинизм принять за смелость, в хамстве увидеть остроумие, в наплевательстве — силу.

Продолжение может оказаться самым неожиданным. Весной, когда растаял снег и отошла, прогрелась земля, в подмосковном городе Одинцово вдоль одной из улиц посадили березовую аллею. Небольшие тоненькие стволы были размером с лыжную палку. Посадили, кто-то позаботился об удобрениях, протянули шланг, полили деревца, у некоторых стволов для верности еще и колышки вбили, шпагатики натянули, чтоб росли ровно березки. А наутро увидели, что все они, около пятидесяти штук, аккуратно переломлены как раз посередине. Вся аллея оказалась уничтоженной. Человек пятнадцать работали весь день, а чтобы деревца сломать, вряд ли понадобилось более пяти минут. Весна, кровь играет, хочется чего-то необычного, яркого, душа подвига запросила. Вот и ублажил кто-то душу.

Наутро ни один из прохожих не прошел, не заметив преступления. Никто не стонал, не причитал, заламывая руки. Молча останавливались. Как у свежей могилы. И молча шли дальше. С застывшими лицами, будто только что получили смертельное оскорбление, на которое невозможно ответить. Лишь старушка какая-то не выдержала. «Мои вы деточки!» — проговорила. Попробовала было поправить, привязать надломленный ствол, но он вообще отвалился в ее руках. Пошла дальше как потерянная.

Нет, не только в деревьях дело. Вокруг леса́, громадные березняки, есть где отдохнуть, есть где прогуляться. Суть в большем. Кто-то сознательно, со злым наслаждением нанес душевную рану сотням людей. Причем вполне возможно, что этот недоумок вовсе не рассчитывал на столь сильный результат, просто хотелось пошутить, поозорничать или спор у приятеля выиграть. Но как бы то ни было, сами деревца, труд людей не представляли для него большой ценности, а говорить с ним о чистоте родного города, о красоте и опрятности улиц — дело вообще пустое.

Хочу рассказать еще одну историю о деревьях, историю, в которой тоже достаточно проявился человек, показал, чего он стоит и что у него за душой. Это мой сосед, за стеной живет. Прославился он в нашем доме тем, что однажды года три назад, поздней осенью, поздним вечером привез во двор и свалил в стороне целую копну молоденьких деревьев с налипшими на корнях мерзлыми комьями грязи. Сам Юрка работает водителем, вот и злоупотребил, можно сказать, служебным положением.

— Откуда дровишки? — спрашиваю.

— Из лесу, вестимо,— отвечает. — Какие-то хозяйственники заготовили на целую рощу деревьев, вывезти не успели или, перебрав, решили оставшиеся бросить. Еду мимо, смотрю, странная картина — вырванные с корнем деревья вповалку лежат. Вот и привез.

— А на кой?

— Сажать буду. Пусть растут на доброе здоровье.

— Так это... Земля замерзла... Вроде поздновато сажать-то?

— А! — Юрка беззаботно махнул рукой. — Авось.

И в самом деле, на следующее утро, раздобыв у дворника лом, кайло, лопату, Юрка под дружный хохот всего дома принялся сажать деревья. Долбил землю, приносил из дому в ведре горячую воду — разогревал, выкапывал с грехом пополам неглубокую ямку и устанавливал в ней деревцо — занимался этим до глубокой ночи один. Никто не пришел ему на помощь. И не потому, что такие уж бездушные люди живут в нашем доме, нет. Посрамленные его подвижничеством, многие выходили, пытались отговорить Юрку, стыдили, доказывали бесполезность такой посадки, а Юрка весело что-то отвечал им, хохотал и отправлял домой, идите, дескать, а то замерзнете. С легкой душой занимался он своим делом. А на улице мела поземка, ветерок был довольно сильный, деревца заваливались, он их выравнивал, вбивал в землю какие-то куски водопроводных труб, привязывал проволочки, шпагатики и занимался этим уже при свете из окон.

И что вы думаете, весной на пустыре между двумя серыми, безликими, барачного типа домами зазеленели полторы сотни деревьев — целая роща. Березы, рябины, черемуха, остролистый клен. Почти ни один саженец не пропал, всего несколько штук мальчишки зимой завалили, когда снежных баб лепили. Так вот, зеленеет роща, а Юрка мой стоит на своем балконе на пятом этаже, покуривает и блаженно улыбается, глядя на все это великолепие. На лице полнейшее счастье.

Прошло с тех пор года три, но он и поныне шефствует над своей рощей. Ему приходится и перед жэком отстаивать ее, где решили было сначала, что слишком густо посажены деревья, что слишком их много, что порода не та, которая предусмотрена в многолетнем плане озеленения города. И перед исполкомом приходилось шапку ломать — там тоже решили, что деревья как-то не так посажены, не по тем, вишь ли, стандартам. Защищал Юрка рощу и перед строительными рабочими, которые вознамерились как-то

в самом ее центре разбить свой битумный лагерь. До чего доходило — и перед своими же жильцами приходилось грудью стоять. Да, нашлись такие, которые почувствовали себя уязвленными. Вот ведь как, оказывается, бывает на белом свете — рощу человек посадил и этим кое-кого вроде бы унизил.

— Два раза мыльную воду под твои деревца солью — быстро засохнут! — грозилась соседка, как и Барсукова, женщина энергичная и знающая всему на свете цену, себе тоже цену знающая. А Юрка побелел весь, бычок затоптал и сказал негромко:

— Морду набью.

И надо же, конфликт был исчерпан, достаточно оказалось одного Юркиного предупреждения. Он и сейчас окапывает деревья, подрезает обломанные мальчишками ветки, из окна протянул шланг и поливает вечерком после работы. Растет роща, птицы в ней поселились, а однажды весь дом был взбудоражен, когда-то кто-то нашел в траве под березой несколько грибов — вот до чего дошло. И это на окраине новостройки, среди пустырей, строительного мусора, брошенных бетонных плит, зарытых батарей и водопроводных труб...

Дерево нашего детства... Наверное, есть такое понятие, наверное, каждый, припоминая свой родной дом, деревню, городскую улицу, ту первую тропинку, с которой начались жизненные дороги, вспомнит и дерево, которое росло у окна, за калиткой, рядом с колодцем или в соседнем сквере, дерево, с которым связаны воспоминания детства. Проходят годы, а оно стоит перед глазами, шумит на ветру, мокнет под дождем, торжественное и сияющее стоит в снегу все в ослепительном зимнем солнце... И, наверное, не будет большой ошибкой сказать, что и дерево может составлять часть нашего духовного мира, как и воспоминание о реке, доме, деревне, родных, которых уж нет...

Дерево нашего детства... Припоминаю несколько высоченных кленов, росших из одного корня. Помню их осенью, полыхающими в алых листьях, и тут же вспоминается неблизкая дорога в школу, новый портфель с ломкой крышкой, запах учебников... А весной на самой верхушке клена мы приколачивали скворечни, снимали перепуганного котенка, был какой-то полоумный петух, любивший взлетать на клены и орать блаженно на всю округу... Сейчас из нескольких стволов остался один, но он стал толстым и громадным, будто вобрал в себя силу и мощь нескольких деревьев...

Вспоминается и пришедшее как-то в редакцию письмо. Несколько новоселов рассказали невеселую историю. При застройке новых кварталов в небольшом городке на окраине снесли чуть ли не целую улицу, и жителям бывших частных домиков предоставили квартиры в новом многоэтажном доме. Привыкшим жить на земле, трудиться на земле, хорошо знающим, как пахнет весной теплая кора деревьев, как парит земля после летнего дождя, как шуршат под ногами сухие осенние листья... Так вот, эти люди, покидая свои домишки, взяли на память деревья. Кто вырыл рябину, кто березу, сосну, кто целый куст черемухи приволок, и рассадили это под окнами большого дома. Труда не пожалели — вырыли, стараясь не оголять корни, некоторые целые ящики сколотили вокруг корней, чтобы вместе с землей перенести.

Но что произошло дальше... Пришла бойкая бабенка из домоуправления, окинула острым взглядом всю эту «самодеятельность», как она выразилась, и, дождавшись безлюдного часа, повыдергала деревья, свалила их в кучу и с чувством исполненного долга отправилась доложить начальству о проявленной бдительности и усердии. Начальство одобрило, поскольку деревья, вишь ли, были постарше, нежели положено им быть при пересадках, а кроме того, домоуправление планировало засадить двор деревьями одной породы, одного возраста, строго под линеечку, планировало выкрасить деревья известью, чтоб их виднее было...

Шло время, у домоуправления появились другие заботы — потекли трубы, испортилось отопление, запили слесари. Наступило лето, потом осень, и о благих намерениях напрочь забыли. Дом стоит на пустыре. Вокруг вытоптанная сухая глина, пыль. Каждую весну представитель домоуправления клеит на дверях подъездов записочки, призывающие жителей проявить сознательность и выйти на воскресник по уборке, по озеленению, по очистке и так далее, но особого успеха эти призывы не имеют. И не потому, что помнят давнюю обиду, нет, все проще. Всем сразу дали понять, что настоящий хозяин здесь домоуправ, а они всего-навсего квартиросъемщики и обязаны прежде всего своевременно вносить квартплату. Другими словами, жильцы получили урок и хорошо его усвоили. И не торопятся породниться с новым местожительством. Один из авторов письма пишет, что мелькнула однажды было идея все же посадить деревья во дворе, но кто-то тут же резонно заметил, что, поскольку никто не знает строгих правил, которые следует при этом соблюдать, то и торопиться с этим рискованно.

Не убоявшись впасть в крайность, наверно, можно сказать, что у многих жителей этого дома, у подростков, которые выросли за эти несколько лет, в глубине души, там, где должна была цвести черемуха, шуметь береза, образовалось маленькое выжженное пятнышко. Скорее всего, что оно не вечно, но пока там сухо и пыльно. И, наверно, не будет большой вольностью допустить, что отношения жильцов с домоуправлением стали жестче, скандальнее, да и относиться друг к другу жильцы могли бы теплее, доброжелательнее, простодушнее. Ведь моральный климат, о котором ныне столько говорят, он ведь складывается во всех коллективах — в производственных, конторских, жилищных, складывается из тех самых мелочей, которые и определяют его в конце концов. И, убивая дерево под чьим-то окном, в сквере, на улице, убивают что-то в людях, которые увидят обезображенный пень, убивают что-то и в себе самом. Убивая дерево, ты выходишь на тропу войны, как говорили индейцы, вступаешь в область обостренных отношений с ближними, потому что не к дереву все сводится, речь о том, с какими чувствами ты живешь среди людей, как относишься к окружающим, насколько высоки и достойны твои собственные требования к себе.

— Дерево — оно и есть дерево, — говорит мой сосед Юрка. — Но если я посадил, а ты срубил, то это хуже, чем ты просто дал мне по физиономии. На удар я ответить могу тем же, а тут ты вроде заставляешь меня состязаться в пакостливости. Я этого не хочу и вынужден проглотить обиду. Жить становится плохо, злым делаюсь, могу не сдержаться...

ПО ФРОНТОВЫМ ДОРОГАМ

Еще не взошло солнце в то памятное утро 22 июня 1941 года, как пограничники и командиры дежурных воинских подразделений с левобережного Прута сообщили в штаб 404-го стрелкового полка о том, что в нескольких местах немецкие войска прорываются на нашу территорию.

Бойцы и командиры были подняты по тревоге и, быстро преодолев четыре километра, заняли огневой рубеж номер один на берегу Прута.

Заняла свою «огневую позицию» и фельдшер медпункта Надежда Арсентьевна Ткаченко в лесу близ села Петрушаны Рышканского района, где размещался полк.

В бой вступили артиллеристы и минометчики, советские воины непрерывно контратаковали врага и отбрасывали гитлеровцев за Прут. На медпункт стали поступать раненые, и Надя оказывала им первую помощь. Десять дней полк удерживал государственную границу, а потом пришлось отступать.

Отступление. Переправа через Буг в тридцати километрах севернее Николаева. На баржах под непрерывным и ожесточенным огнем и бомбежкой противника. Переправившись, Надя с помощью оставшихся в живых бойцов собрала раненых, оказала им помощь.

Август 1941 года. Не одна атака разъяренных гитлеровцев была отражена нашими войсками в оборонительных боях за Каховку. В один только день трижды ранило моего друга пулеметчика Варлама Буачидзе. Надя перевязала его и успела вовремя отправить в госпиталь. С Варламом я часто встречаюсь, и каждый раз он с благодарностью говорит: «Жизнью своей я обязан Наде». А таких спасенных Надей среди нас, фронтовиков, не одна сотня.

Памятная зима 1942—1943 годов. Почти непроходимый Шаншугский перевал в районе станицы Крымской на Кубани. Проезжей дороги не было, только узенькая обледеневшая тропка, а рядом с ней — пропасть, да такая, что и дна не видно. Эвакуировали раненых по этой тропке на волокушах.

23 февраля 1943 года, в XXV годовщину Советской Армии, 176-я стрелковая направилась на Малую землю. При закате солнца на военный корабль взошли десантники. Каждый был одет во все новое, теплое, в меховые жилеты, ватные брюки. Каждому были выданы семидневный сухой паек, противогаз, автомат, гранаты. Медработники несли санитарные сумки с перевязочным материалом, медикаментами.

В два часа ночи корабль с потушенными огнями остановился в нескольких метрах от крутого и обрывистого берега. Но враг сразу же обнаружил десант. Начался сильный артиллерийский обстрел, вражеская авиация сбросила осветительные бомбы. Невзирая ни на что, десант высадился.

«Я, — вспоминает Надя Ткаченко, — с трудом взобралась на берег. Едва придя в себя, начала вытаскивать тяжело раненных воинов, оказывать им необходимую помощь.

Противнику так и не удалось потопить наш корабль. Он дал прощальный гудок и ушел в Геленджик за пополнением.

Сразу же после высадки начался сильнейший шторм. Он длился одиннадцать дней. И только по ночам самолеты нам сбрасывали продукты, боеприпасы и перевязочные материалы». И здесь, на Малой земле, в непрерывных боях Надя Ткаченко была избрана секретарем парторганизации санитарной части 404-го стрелкового полка.

Наступление. 1944 год. Западная Украина. Поздняя осень. Падает снег. Надя под обстрелом перевязывает раненых. Свою гимнастерку надела на раненого бойца, у которого от крови промокла одежда, второго раненого прикрыла своей шинелью, а сама почти раздета.

Надя Ткаченко — одна из немногих женщин — участниц Великой Отечественной войны, которая преодолела ратный путь «туда и обратно», как шутили мы, ее однополчане.

За боевые подвиги она награждена орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

У Нади был пятилетний сын Жора, которого она в начале войны успела эвакуировать к матери в Никополь. А в 1943 году в горящем Новороссийске Надя подобрала десятилетнего мальчика Виктора Галимова, потерявшего родителей. Он стал сыном полка, гвардейцем, был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа». Получил тяжелое ранение.

Окончилась война, и Надя с мужем Григорием Иосифовичем усыновили Витю.

Их родной сын — Георгий — окончил индустриальный институт, а Виктор — инвалид войны III группы, работает судомашинистом первого класса на теплоходе «Олеко Дундич».

Недавно, вспоминая ратные дела, я спросил у Нади:

— Какой день войны был для тебя самым трудным?

— Высадка на Малую землю в составе десанта.

— Какой самый радостный?

— Конечно же, День Победы — 9 мая 1945 года.

Михаил ГОРБАЧЕВ,
писатель

Надежда Ткаченко и одиннадцатилетний гвардии рядовой Витя Галимов (снимок 1944 г.).

Станислав **КАЛИНИЧЕВ**,
фото Николая КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»

По устаревшей традиции Донецк считают городом шахтеров. Да, на его территории с километровой глубины каждые сутки поднимают десятки тысяч тонн угля. И все же угледобыча составляет лишь 22 процента в общей промышленной структуре города. Здесь развиваются металлургия и машиностроение, химическая и легкая промышленность...

Рассказывая обо всем этом, первый секретарь горкома партии Василий Петрович Миронов заметил:

— Чтобы освоить такую индустриальную мощь, надо уметь подняться над сиюминутными интересами, находить и решать узловые, долгосрочные задачи. А главнейшая из них — это моральная готовность к ежегодной, ежечасной трудовой стабильности на каждом рабочем месте — будь оно в забое шахты, в фабричном цехе либо за рабочим столом научного института...

С начала нынешней пятилетки в городе нет отстающих предприятий. Случается, конечно, что какой-то завод или шахта собьется вдруг с ритма. В таких случаях горком немедленно создает комиссию из авторитетных специалистов. Ее задача — на месте глубоко разобраться в причинах срыва, помочь коллективу наверстать упущенное.

— А есть ли такие коллективы, где годами работают без срывов? — спросил я.

— Конечно. Вот поезжайте на шахту имени газеты «Социалистический Донбасс», побывайте ну, хотя бы в бригаде Асютченко...

И вот с Анатолием Асютченко в стальной коробке клети мы несемся вниз. Рядом, бок о бок, стоят шахтеры. Шум стихает, лязгают двери, слышны звонки стволового — и люди, не мешкая, выходят из клети. Над головами бетонные своды, как в крепостном подземелье.

Проходя мимо небольших, подвешенных к стене коробок, каждый отбрасывает пряжку на ремне самоспасателя и на секунду-две вставляет ее в мигающее контрольными лампочками устройство.

— Это личные номера,— поясняет Асютченко.— Из коробки подается сигнал, а на поверхности ЭВМ фиксируют, кто и когда приступил к работе. На обратном пути снова надо отметиться.

— Мне тоже надо зафиксировать свой жетон? — спросил я.

— Обязательно. Человек в шахте всегда под контролем...

Мы свернули в боковую выработку и вскоре оказались на уклоне. Это уходящий вниз тоннель. Улеглись на ленту транспортера, и она понесла нас вниз, во тьму, пока не оказались в тупике. Череда стальных арок крепления оборвалась и уперлась в темную, изломанную стену земных недр. Здесь работали проходчики.

ДОНЕЦКИ

Шахтеры бригады Анатолия Асютченко (на снимке он слева) — Петр Попов, Николай Остапко, лауреат премии Ленинского комсомола Валерий Пивачов.

Одна из особенностей шахтерского труда состоит в том, что добытчик работает каждый день на новом месте, он идет за пластом, выбирая его полоску за полоской. А вслед пробиваются штреки, по которым в лаву поступают воздух, электроэнергия, лес и оборудование, а в конечном счете выдается на-гора́ уголь.

В одном из таких штреков на рельсах стояло нечто напоминающее маленький бронепоезд: на колесах были смонтированы стальные короба, маслонасосная станция, взрывобезопасные пускатели и многое другое.

— Наша рационализация,— пояснил Асютченко.— Каждый день хозяйство надо передвигать вперед: наращивать кабели, трубы, шланги, переносить оборудование, связь. Раньше на это уходило много сил и времени. А теперь все на колесах и легко перемещается.— Он показал на лебедку, подвешенную к монорельсу: — Тоже самоделка. Десяток грузчиков заменяет. Промышленность выпускает похожие, но маломощные, не для нашего тяжелого оборудования.

Вечерний Донецк * Ансамбль «Зарево» металлургического завода имени Ленина танцует закарпатскую «Киричанку».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Тренировка горноспасателей * Рядом с угольными гигантами в Донбассе уже много лет работают соляные шахты. Бригада В. П. Соловьянова из производственного объединения «Артемсоль» регулярно перевыполняет сменные задания.

Й СТИЛЬ

Потом мы полезли в лаву. По примеру Анатолия Александровича я натянул поглубже каску и на четвереньках втиснулся в нишу верхней части тоннеля. Острый луч шахтерской лампочки осветил ровный ряд стальных колонн, каждая из которых покоилась на чугунной лыже. Придерживая одной рукой самоспасатель, а другой хватаясь за борт конвейера, я согнулся втрое и перебрался через секцию, другую... Неудобно! А их, этих секций, впереди еще пятьсот штук.

Метров через семьдесят останавливаемся. Давая мне возможность перевести дух, Асютченко поясняет:

— Чтобы проветрить такой длинный забой, мы подаем воздух и по верхнему и по нижнему штреку.

...Мы останавливались еще несколько раз, и по объяснениям своего провожатого я начинал понимать, что это такое — труд шахтера и почему он считается одним из самых сложных в табели человеческих профессий.

Во время очередной остановки я спросил:

— У вас в лаве, в такой теснотище,— тысячи тонн оборудования. Чтобы установить его, отладить, надо, наверное, месяца три?

— Специальная монтажная организация берется выполнить это за две недели,— ответил Анатолий.— Но когда оснащали нашу лаву, то оказалось, что шахта не располагает соответствующим фондом денег, и нам предложили силами бригады затащить в лаву все пятьсот секций и смонтировать вместе с остальным оборудованием. Мы посоветовались и решили, что две недели — это много. Две недели не добывать угля — значит недодать его тысяч двадцать тонн. А наверстывать упущенное всегда трудно. Определили себе срок — десять дней. Загорелись ребята, одно звено перед другим старалось: кто больше? Знаете, когда «дядя» работает, после него еще надо устранять недоделки. А мы для себя старались. Изощрялись в придумках: никто, правда, этих рацпредложений не записывал, они тут же осуществлялись. Когда работа была окончена, нам не верилось, что весь комплекс пятисотметровой лавы мы затащили и смонтировали за... четверо с половиной суток!

...Это все штрихи истории шахты имени газеты «Социалистический Донбасс».

Шахта вступила в строй осенью шестьдесят шестого. Проектная ее мощность была достигнута досрочно. Вначале работы велись на девяти участках. Потом появилась сквозная комплексная бригада Анатолия Асютченко, и она с первых же месяцев стала добывать на своем участке по тысяче тонн угля в сутки. Тогда на шахте задумались: стоит ли иметь девять участков, если одна бригада может добывать третью часть плана? Взяли курс на концентрацию работ, и кривая общей добычи пошла вверх. Сейчас осталось лишь четыре участка, и один из них, где трудится бригада Асютченко, дает половину всего угля, добываемого шахтой,— до двух тысяч тонн в сутки! Теперь мощность ее оказалась в полтора раза выше проектной.

Анатолий познакомил меня со своими друзьями, и каждому он давал лаконичную, но меткую характеристику. О комбайнере Юре Деменчуке он с улыбкой сказал так:

— Хороший парень, но уж больно рьяно за порядком следит — как только входит в фирменный бар рядом с шахтой, так первым делом удаляет оттуда пьяниц! А с пьяницами боремся беспощадно. У нас так заведено: хоть ты раззолотой парень и специалист, первое же появление на шахте в нетрезвом виде — уже прощальное. Если прогул — то же самое. Бригада не потерпит.

...Наконец замелькало несколько огоньков. Здесь работали человек десять из бригады. Грохотал комбайн. Плоский бронированный короб, втиснутый в пласт, полз в нем вдоль забоя, перемалывал полоску угля. По транспортеру бежал, вспучиваясь, ручей угля. Обычная для бригады работа. Но в каких же нелегких условиях проходит она! Здесь неустойчивая кровля. Продвигать лаву надо быстро, выбирать уголь и тут же обрушивать позади себя выработанное поле. Остановишься — горное давление может смять любое крепление. Но и слишком быстро выбирать уголь нельзя: пласт должен постепенно «отдать» газ. Иначе никакая вентиляция не поможет, концентрация метана подскочит так, что лаву придется закрыть на несколько суток. Единственный выход — четкий ритм. Строго выверенная скорость выемки пласта и подвигания лавы: чтобы забой успевал проветриться, истечь газом, а вот кровля чтобы не успела навалиться всей мощью на крепление. И уже девятый год — ни одного срыва! Каждые сутки текут из забоев бригады Асютченко ручейки и реки лоснистые золотого коксующегося угля.

Мы выбрались на-гора, помылись в бане, сходили в парилку (есть и обыкновенная и сауна), поплавали в бассейне.

— Спецодежду у вас стирают?

— Берите выше! — улыбнулся бригадир.— Два раза в месяц спецодежда проходит химчистку.

Асютченко, пользуясь случаем, рассказал, что на шахте очень хорошая медсанчасть, есть своя грязелечебница, два пионерских лагеря, большой пансионат на берегу Азовского моря...

Я уже прощался с Анатолием и вдруг вспомнил, что именно в его бригаде работает замечательный комбайнер, лауреат премии имени Ленинского комсомола Валерий Пивачов. Спросил, в какой он смене.

— Он сейчас на «Заперевальной».

— Ушел из бригады?

— Тут целая история... Шахта «Заперевальная» — наша соседка. В прошлом году там дела стали идти все хуже и хуже. Создали комиссию. Вошли в нее и хозяйственники и ученые. Как член бюро горкома партии, был там и я. Мы изучили работу шахты, разобрались в причинах отставания. Заменили кое-кого из руководителей. А у меня к этой шахте особый интерес. Там работает такая же, как наша, сквозная бригада, которой руководит Герой Социалистического Труда Алексей Михайлович Андреев. Мы с ним давно дружим. И вот, чтобы помочь друзьям выбраться из прорыва, двенадцать самых лучших, самых опытных наших шахтеров (в их числе оказался и Валерий Пивачов) были командированы в бригаду Андреева.

— Наладилась там работа? — спросил я.

— Шахта уже план выполняет...

* * *

На донецкой фабрике детской игрушки мне вспомнился давний случай. Это было более пятнадцати лет назад. Я присутствовал на приеме у народного депутата. К нему записалось в тот день семь человек. Депутат, уважаемый металлург, покосился на список и вздохнул:

— Заранее могу сказать, с какими делами пришли люди. Во всяком случае, шесть из них будут просить, чтобы помог устроить на работу взрослую дочь... или направить детей в садик... или помочь купить шифер для крыши.

В то время много писали (и я писал!), что в Донецке нехватка рабочих-мужчин и вместе с тем трудно найти работу женщине. Куда ни пойди — шахта, металлургический завод или коксохимический. Но из года в год здесь ускоренными темпами развивались легкая и пищевая промышленность, обслуживание, торговля. Только в конце прошлой пятилетки вступили в строй один из крупнейших в стране хлопчатобумажный комбинат на 10 тысяч рабочих мест, камвольно-прядильная фабрика, фабрика детской игрушки, где только женщин — около четырех тысяч! В общем, за короткий срок целенаправленно изменилась экономическая структура целого края. По всему Донбассу выросли десятки новых предприятий.

Все три проблемы, о которых некогда говорил мне тогда депутат, решены.

Есть в этом крае такое выражение — донецкий стиль. Он во всем, какую сторону городской жизни ни возьмешь.

Можно было бы по годам и пятилеткам проследить четкие пути развития науки, культуры, среднего специального и высшего образования. В Донецком техникуме промышленной автоматики мы видели, например, как идет оснащение учебных кабинетов и лабораторий новейшей техникой, действующими схемами и макетами. Теперь учащийся получает не только знания, но и необходимые навыки будущей работы.

А взять здравоохранение. Рост материальной базы подкрепляется развитием медицинской науки. В этом отношении характерна судьба доктора Л. Г. Завгороднего. Он окончил Донецкий мединститут еще до войны, потом воевал, затем несколько лет работал в заводской медсанчасти. Там его встретил известнейший хирург Каро Томасович Овнатанян и пригласил к себе на кафедру в мединститут.

Так Леонтий Григорьевич занялся наукой. Он стал профессором, возглавил кафедру общей хирургии родного института, кафедру, которая базируется в областной больнице, оснащенной современным оборудованием. Приняв эстафету от своего учителя, Завгородний щедро передает знания, опыт, навыки многочисленным ученикам. Пятеро из них под его руководством стали докторами наук, больше тридцати — защитили кандидатские диссертации, четверо — сами возглавили кафедры.

...Донецкий стиль! Он и в спортивной жизни. В городе полтора десятка стадионов, девять Дворцов спорта, два легкоатлетических манежа, двадцать семь детских спортивных школ. Солидная база! И люди стараются использовать ее наилучшим образом. Один из тренеров по плаванию, Валерий Вяхирев, решил «проверить на воде» всех младших школьников своего района. В течение прошлого года младшеклассники под руководством своих учителей физкультуры приходили в бассейн Дворца спорта «Юбилейный». Там опытные тренеры учили их плавать по специально разработанной 30-часовой программе. Лучшие, конечно, теперь постоянно занимаются в бассейне, но плавать научились все!

Это начинание не осталось незамеченным. И вот уже городской спорткомитет вместе с гороно, взяв на учет все водные дорожки, подсчитав младшеклассников, разработал стройную программу. Отныне каждый ребенок в школе обязательно научится не только читать и писать, но и плавать!

...В горкоме партии мне показали интересное письмо. Его прислал москвич, один из первых донбасских комсомольцев — Иван Тимофеевич Нескородьев.

«Было радостно узнать, что город Донецк по признанию Всемирной организации ЮНЕСКО стал наиболее благоустроенным в мире промышленным центром, и особенно потому, что я очень хорошо знал дореволюционную Юзовку, по которой многократно босыми ногами месил грязь от вокзала до металлургического завода Юза.

...Я ряд лет жил и работал в Канаде, США, много ездил по городам этих стран. А после разгрома гитлеровцев объездил всю Германию... Поэтому мое мнение и заключение не голословное, а основано на большом опыте и сравнении в пользу города Донецка...»

Читаю письмо и снова вспоминаю слова Василия Петровича Миронова о моральной готовности донбассцев к труду. Наверное, это и в самом деле главное — видеть свой город прекрасным не в мечтах, а в своих же делах, думая о будущем, строить его уже сегодня. Таков он, донецкий стиль, характерный для нашего образа жизни.

«Вот это машины!» — ребята из детского сада № 73 в гостях у рабочих фабрики игрушки * Художественная гимнастика популярна в Донецке * У студентов университета Игоря и Татьяны Мордвиновых сегодня самый счастливый день.

Американцы

Владимир **НИКОЛАЕВ**

Говоря о правах американцев, никак нельзя обойти женщин. Давно и до сих пор не везет в США прекрасной половине населения. Причем сегодня вопрос о женском равноправии стоит очень остро. Как-то одна американская журналистка брала у меня в Вашингтоне интервью, очень интересовалась положением женщин у нас, сетовала на их жизнь в США. Настроена она была агрессивно. Это и понятно, потому что в Америке есть чем возмущаться, когда заходит речь о положении женщин. Постепенно в ходе нашей беседы я почувствовал, что ее агрессивность распространяется и на меня, будто и я виноват в том, как достается американкам. Дело в том, что, отвечая на ее вопросы о положении женщин в СССР, я ко всему прочему сказал, что, несмотря на наше равноправие, неплохо бы женщине оставаться женщиной, по мере своих сил украшать жизнь, а главное — растить хороших детей. Тут она на меня и обрушилась! И потом в опубликованном в газете интервью мне досталось от нее за такие мои высказывания. В своей справедливой борьбе многие такие американки, как эта журналистка, отрицают даже право женщины на ее женственность. Такая их горячность и крайность вполне объяснимы. Начать с того, что заработок женщин в США равен в среднем 59 процентам заработка мужчин, причем американки составляют 42 процента трудящихся. То есть жизнь такова, что американка уже давно перестала быть только женой и матерью, она трудится наравне с мужчиной, а вот получает только половину положенной ей заработной платы.

Неравенство женщины в США является не следствием произвола мужчин-предпринимателей, оно вполне узаконено. В Соединенных Штатах действующие законы содержат более 800 разделов и положений, ставящих женщину в неравноправное положение по сравнению с мужчинами. Это уже давняя традиция. Потому и история борьбы американских женщин за свои права насчитывает свыше ста лет. Еще в 1848 году группа активисток женского движения в Америке составила текст декларации, призывающей к борьбе за права женщин. Но воз и ныне там. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» замечает: «Масштабы дискриминации женщин сегодня так же велики, как и в начале века, если не больше». Правда, масштабы женского движения в наше время заметно возросли. Я был свидетелем общенациональной конференции женщин в Хьюстоне. Уже сам выбор этого города как места их встречи говорил о многом. Это космическая столица США, наисовременнейший и быстрорастущий город. В огромном хьюстонском Колизее собралось две тысячи с лишним делегаток и более двенадцати тысяч наблюдателей. Доклады и прения отличались убедительностью и эмоциональностью, вопросов обсуждалось немало — было принято двадцать шесть резолюций. Но это все, как говорится, с одной стороны. С другой стороны, официальной, власти страны не идут пока на поправку к конституции США, провозгласившую бы равенство мужчин и женщин. Да, да, в американской конституции о женском равноправии до сих пор нет ни слова!

Для нынешней моральной атмосферы в США весьма примечателен тот факт, что в последнее время женщин уравняли с мужчинами в одной сфере — военной. Им разрешили служить в пехоте, авиации, военно-морском флоте. Уже более шести процентов военнослужащих США составляют женщины, хотя даже в годы второй мировой войны в американской армии было не более двух процентов женщин, которые к тому же, как правило, служили во вспомогательных частях. А теперь вот, в мирное время, они получили по линии Пентагона полное равноправие и служат в боевых частях наравне с мужчинами. Сомнительная привилегия!

В движении американских женщин за свои права важную роль играет их борьба против эксплуатации женского тела, давно ставшей в США одной из крупных отраслей бизнеса. Полиция бессильна что-либо поделать с проституцией и порнографией именно потому, что этот преступный бизнес приносит огромные прибыли его организаторам. Им с такими деньгами не составляет труда управиться и с законом и с общественным мнением.

И, наконец, два слова о политических правах женщин в США. Они составляют 52,2 процента избирателей, а вот в американском сенате среди ста его членов всего одна женщина. Ничтожно их количество и на других выборных должностях по всей стране.

Впрочем, так называемые выборы в Соединенных Штатах демонстрируют не только дискриминацию женщин. Известно, что почти половина избирателей в США вообще не принимает участия в президентских выборах. Почему? Да потому, что они не считают эту процедуру серьезной, стоящей того, чтобы на нее тратить время и обращать внимание. Рядовой американец, как правило, понимает, что он не имеет никакого отношения к определению того, кто станет во главе страны и кто будет избран в конгресс. Как подсчитала газета «Нью-Йорк таймс», «в среднем для избрания одного кандидата в сенат затрачивается 920 тысяч долларов». Почти один миллион! А на избрание президента США уходят десятки миллионов! Кто дает эти деньги, тот и определяет, кому быть, а кому не быть избранным. Американец знает цену деньгам, их силу, потому и не является для него большой головоломкой тот факт, как действуют закулисные рычаги политической машины. Потому он и проявляет такое равнодушие к традиционной шумихе избирательных кампаний. В этом плане примечателен и такой факт: только 43 процента зарегистрированных избирателей называют себя демократами и 22 процента — республиканцами. А ведь именно между этими двумя буржуазными партиями и ведется борьба за Белый дом и места в конгрессе США. Так что те десятки миллионов американцев, которые не принимают участия в выборах, назвать людьми аполитичными будет неверно. Они просто здравомыслящие люди и не пользуются этим своим правом, потому что вполне справедливо считают его фикцией. При такой политической инертности избирателей вся предвыборная кампания сводится к борьбе активистов двух буржуазных партий за государственный пирог. Недаром в изданной в США книге «Кто правит конгрессом — президент, большой бизнес или вы?» так говорится о высшем законодательном органе, избираемом гражданами страны: «Американский народ не принимает участия в деятельности своего законодательного органа, перестал доверять конгрессу, и до тех пор, пока не будут предприняты реальные меры, это доверие уже не вернется». Так развенчивается миф о «выборной демократии», миф о еще одном праве американцев.

Самое непосредственное отношение к американскому праву и правам американских граждан имеет проблема так называемого «прайвеси». В переводе с английского это слово значит «уединение», «уединенность». В данном случае оно толкуется шире, примерно так: неприкосновенность личности и ее частной жизни. Идеологи буржуазного общества любят утверждать, что «прайвеси» свято, что на нем, можно сказать, и стоит их мир. Но ведь, как это ни парадоксально, повсеместно мы видим бесцеремонное нарушение святого, казалось бы, «прайвеси». Для начала зададимся вопросом: чем в основном занимается буржуазная пресса, вернее, как и чем завлекает она массового читателя? Рассказами, слухами и сплетнями о жизни тех известных людей, какие интересуют обывателя. В этом постоянном стремлении ворошить чужое грязное белье буржуазная пресса не знает ни границ, ни правил приличия. Правда, в США есть законы, по которым человек, считающий себя публично ошельмованным, может подать в суд на тот орган печати, который, по его мнению, в этом повинен. Подать в суд и потребовать извинения и материальной компенсации за нанесенный моральный ущерб. Это его право. Но не каждый им воспользуется. При судебном разборе такой жалобы обвиняемая газета или журнал сделают все возможное (и даже невозможное!), чтобы еще больше очернить свою жертву или, во всяком случае, безнадежно затянуть процесс, измотать истца дорогостоящей тяжбой, которая далеко не каждому по карману. При этом у газеты или журнала сил и возможностей, как правило, больше, чем у истца, подавшего в суд. И вот имя его будут и дальше трепать на всех перекрестках и на печатных страницах, а его судебные издержки будут неудержимо расти. Кстати, такой метод борьбы в американском суде весьма распространен: одна сторона ведет дело на измор, ее адвокаты затягивают процесс по любым поводам до тех пор, пока у противной стороны не иссякнут средства. В результате прав тот, у кого больше денег!

Жертвами бульварной прессы часто становятся американцы, известные, как правило, в мире кино, телевидения, спорта. Кумиры толпы, созданные всеми средствами информации, они и гибнут потом от тех же, кто создает им рекламу. Сначала закулисные дельцы, вложив деньги в создание такой новой «звезды», рисуют для обывателя ее завлекательный и непорочный образ. Новый кумир завоевывает сердца зрителей и делает деньги для своих хозяев. Но ничто не вечно под луной, время идет, «звезда» выдыхается или просто стареет, а ее создателям хочется заработать на ней еще и еще,

См. «Огонек» №№ 21—24.

приходится как-то подогревать интерес обывателя к увядающему кумиру. Вот в ход и идут действительные и выдуманные подробности личной жизни, любовные истории и связанные с ними скандалы, бесконечные бракоразводные процессы, распри между «звездами» и их детьми и т. п. Вся эта интимная грязь еще какое-то время привлекает внимание толпы к своему идолу. Но, как показывает такая практика эксплуатации «звезд», они часто не выдерживают. Ни слава, ни деньги не спасают их от душевного расстройства, и часто дело доходит до трагического конца. Сплошь и рядом поруганные знаменитости пытаются вступиться за свою честь, подают в суд на светских сплетников, занимающих должности в печати, телевидении и радио, но это только подливает масла в огонь скандала и ускоряет роковую развязку. Так вот и получается очередное издевательство над правосудием: вместо того, чтобы защитить оклеветанного человека, оно превращается в пособника клеветников, и сам процесс становится сценой, где на потребу обывателю разыгрывается очередной номер с участием очередной жертвы — «звезды».

История американского шоу-бизнеса полна именами таких жертв. Одни из них были уничтожены морально, другие — физически. Вспомним прославленную киноактрису Мэрилин Монро, покончившую с собой. Как трепали ее имя любители грязных сенсаций! Вспомним и ее предшественницу на голливудском троне Риту Хейворт, которой лет тридцать назад был вручен приз «Триумф популярности». Триумф обернулся трагедией. Риту Хейворт делали «звездой» по всем правилам шоу-бизнеса: сменили ей и имя и внешность, сделали из брюнетки блондинкой, подправили лицо и т. п. Увеличивались гонорары, росла слава, а потом пошли скандалы, сплетни, громкие бракоразводные процессы... Снотворные таблетки уже не помогали актрисе восстанавливать уходящие силы, она начала пить, затем стала наркоманкой, все это привело к тяжелому психическому расстройству.

Недавно пустил себе пулю в лоб Фредди Принс, «звезда» телевидения, ему было 22 года. У него были и большие деньги и громкая слава, но в оставленной им предсмертной записке он заявил: «Не могу больше тянуть эту лямку». Список таких жертв можно продолжать и продолжать. В последние годы на эстраде и в кино ярко вспыхнула новая «звезда» — Лиза Минелли. Она действительно очень талантлива: драматическая актриса, которая к тому же прекрасно поет и танцует. Как только она набрала силу и к ней пришла слава, она тут же попала на конвейер светских сплетен и дешевых бульварных сенсаций. Ее жизнь с мужем, Джеком Хейли, известным сценаристом и режиссером, стала достоянием толпы. Любопытно, что Хейли как-то сказал в газетном интервью: «Если вы отрицаете сплетни, тогда на это говорят: «Он взволнован, значит, все правда!» Если вы ничего не отрицаете, то это объясняют тем, что слух абсолютно верен. Так или иначе вы в западне». Между прочим, его самой известной работой является фильм о Мэрилин Монро, покончившей с собой. Между прочим, так же ушла из жизни и мать Лизы Минелли, она тоже была очень известной актрисой.

А буржуазные пропагандисты продолжают сочинять сказки о «прайвеси», о том, что американский закон и суд непоколебимо стоят на страже интересов личности и неприкосновенности личной жизни...

В Соединенных Штатах я довольно близко сошелся с одним американцем, который выучил русский язык. Вначале у него это был просто интерес к нашей культуре, затем он понял, что знание русского языка помогает ему по специальности. Не сразу, не вдруг поведал он мне о том, какой бедой обернулось изучение нашего языка. Как только он хорошо освоил его, ему предложили работать на... американскую разведку. Предложили бесцеремонно, настойчиво, можно сказать, ультимативно. Обещали тут же послать на стажировку в Советский Союз. Мой знакомый американец, человек довольно робкий, интеллигентный, был потрясен. Думаю, что именно такое потрясение и заставило его открыться мне. Он был очень напуган и много раз взял с меня слово, что я никому не назову его имени. Судя по тому, как говорили с ним кадровые разведчики, такая вербовка широко практикуется в стране. Его признание сегодня не удивляет. В последние годы было разоблачено немало скандальных дел, в которых самые элементарные права американцев грубо попирались Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) и Федеральным бюро расследований (ФБР). Известный американский публицист Дэвид Уайз в книге «Американское полицейское государство — правительство против народа» писал:

«На протяжении приблизительно четырех десятилетий и семи администраций правительственные разведывательные и полицейские службы нарушали законы и насиловали конституцию. Правительство использовало против народа следующие методы: подслушивание телефонных разговоров, обыски со взломом в отсутствие хозяев и незаконные изъятия, вскрытие писем, перехват телеграмм, визуальное наблюдение, тайные провокации, широкое использование доносчиков, составление списков подозрительных лиц».

Известно, что ФБР является американской охранкой, следит за гражданами страны. До последнего времени меньше было известно о другой стороне деятельности ФБР — провокационной, грубо нарушающей права человека и создающей угрозу обществу и миру на земле. Оказалось, что бюро давно специализируется на раздувании антисоветской истерии, на инспирировании слухов о якобы растущей «советской угрозе», о якобы имеющем место «коммунистическом проникновении» в американское общество. Вся эта подрывная деятельность ведется планомерно, настойчиво, с большой затратой государственных средств и привлечением больших сил государственного аппарата. Эта вредоносная работа бюро идет по самым разным направлениям. Например, ФБР сообщает предпринимателям о том, каких политических взглядов придерживаются их служащие, какой политической деятельностью они занимаются. Другой метод воздействия на неугодных лиц, можно сказать, метод типично американский: ФБР информирует финансовые учреждения о политически неблагонадежных, с его точки зрения, лицах и организациях. Зачем это делается? А затем, чтобы бить по таким лицам и организациям долларом. Финансовые учреждения должны отказывать им в предоставлении средств. Распространение клеветы и провокационных слухов — еще один метод полицейской службы США. Известны имена многих прогрессивных американцев, ставших жертвами именно такого метода преследований. И, разумеется, гораздо больше безвестных жертв, имена которых американцы не знали и не узнали. Расправа такого рода грубейшим образом нарушает неприкосновенность личной жизни в США, о которой разводят демагогию апологеты американского образа жизни. После многих разоблачений деятельности ФБР, следовавших одно за другим, газета «Нью-Йорк таймс» была вынуждена признать:

«Эдгар Гувер, который целые полвека был директором ФБР, имел особый, освященный временем статус. Этим он был обязан не столько своим административным талантам и умению рекламировать себя в печати, сколько тому, что в его руках находились досье, содержащие секретную информацию и сведения о личной жизни различных деятелей».

Известно, что Эдгар Гувер лично добивался дискредитации ведущего американского борца за свободу негров Мартина Лютера Кинга. Американский публицист В. Нэвэски пишет: «Эдгар Гувер вел персональную вендетту против руководителя движения за гражданские права Мартина Лютера Кинга. Сейчас мы знаем, что наряду с другими приемами травли бюро при помощи анонимных угроз пыталось заставить Кинга покончить жизнь самоубийством». Дискредитировать Кинга не удалось. Тогда его жизнь оборвала пуля наемного убийцы...

В 1979 году покончила с собой известная американская актриса Джин Сиберг. В данном случае обстоятельства сложились таким образом, что причина смерти сомнений не вызвала: ее убило Федеральное бюро расследований. Это удалось выяснить досконально. А сколько других подобных актов мести со стороны ФБР осталось неизвестно общественному мнению? По данным специальной сенатской комиссии, занимавшейся расследованием деятельности ФБР, оно провело 2300 подобных операций. Много это или мало для того, чтобы говорить о нарушении прав человека в США? И кто поручится, что в это число вошли все преступления ФБР такого рода? А как они делаются, каков их хитрый механизм, наглядно показывает трагедия, разыгравшаяся с Джин Сиберг.

Белая киноактриса, да к тому же еще «звезда», нарушила одну из тех заповедей, на страже которых свято стоит ФБР, — она выступала в защиту прав американских негров. После смерти актрисы ее бывший муж, писатель Ромен Гари заявил:

— Джин Сиберг стала жертвой ФБР. В 1970 году, когда мы собирались развестись, бюро организовало публикацию в крупной американской газете сообщения, в котором говорилось, что Джин ждет ребенка от одного из лидеров экстремистской организации «Черные пантеры». Лично я никогда не сомневался в своем отцовстве, но клевета губительно сказалась на состоянии Джин — и наша девочка родилась мертвой. С тех пор у Джин началось нервное расстройство. Каждый год в день смерти ребенка она пыталась покончить с собой.

В ответ на вопрос, почему актриса так болезненно реагировала на грязную клевету, он сказал:

— Потому что официально она тогда еще оставалась моей женой, но, главное, Джин боялась, что вся ее борьба будет сведена в глазах общественности к чисто сексуальным мотивам. Она не выносила даже мысли об этом. Вот почему она повезла тело ребенка в Маршалтаун в стеклянном гробике, да и на кладбище во время похорон девочка лежала в открытом гробу, чтобы все могли убедиться, что она была белокожей.

В ходе последовавшего затем расследования это заявление полностью подтвердилось. Оказывается, сам Эдгар Гувер, тогдашний шеф ФБР, был режиссером этой провокации. Он дал такую рекомендацию: «Джин Сиберг оказывает финансовую помощь «Черным пантерам» и должна быть нейтрализована. Ее нынешняя беременность дает возможность для такой попытки». Затем отделение ФБР в Лос-Анджелесе организовало публикацию заметки в газете «Лос-Анджелес таймс», в которой была клевета в адрес актрисы. Эту акцию санкционировал Гувер, наложивший на проект провокации резолюцию: «План, предложенный Лос-Анджелесом, интересен». Из газеты эта клевета перекочевала затем в известный еженедельник «Ньюсуик». Так ФБР с помощью «свободной» американской прессы затравило неугодного властям человека. В связи с подобной грязной деятельностью бюро газета «Вашингтон пост» писала о «постоянно расширяющихся масштабах незаконного вторжения ФБР в частную жизнь, манипулировании прессой и нарушении конституционных прав».

ФБР создает в провокационных целях фиктивные прогрессивные организации, в которых орудуют его агенты, стравливает друг с другом различные левые объединения, шантажирует деятелей прогрессивного движения, дискредитирует их в глазах общественности. Газета «Нью-Йорк таймс» свидетельствует, что «ФБР имеет осведомителей в крупнейших органах массовой информации, университетах и благотворительных организациях».

В одной упряжке с ФБР находится и Центральное разведывательное управление. По идее его функции не должны распространяться на Соединенные Штаты. Так было специально оговорено при создании ЦРУ в 1947 году. Но затем это благое пожелание было предано забвению, и сегодня управление заодно с ФБР травит американских инакомыслящих, раздувает миф о «советской угрозе», пытается подорвать прогрессивное движение в США и обвинить его в «связях с Москвой». Но и этого мало! Есть и другие вполне официальные органи-

зации, ведущие полицейский надзор за американцами. Например, армейская разведка. Казалось бы, ей нужно было бы заниматься совсем иными делами. Но нет, она тоже приглядывает за американцами. Есть еще в США так называемое Агентство национальной безопасности (АНБ), оно тоже бдительно следит за американскими гражданами, хотя его основной задачей при создании был сбор разведывательной информации. Вот сколько полицейских ищеек у американского народа! Их количество и деятельность моральный климат страны отнюдь не улучшают и заметно влияют на быт и нравы. Причем такого рода посягательства на самые элементарные права человека стали нормой не только в полицейском и разведывательном аппаратах США. При президенте Никсоне Белый дом разработал тайный меморандум «Акции в отношении наших политических противников». В этом документе шла речь о необходимости составить «список врагов» администрации Никсона и о методах борьбы с ними. В меморандуме, в частности, говорилось:

«Настоящий меморандум посвящен тому, каким образом мы можем наиболее эффективно использовать факт нашего пребывания в Белом доме для акций против лиц, которые занимают оппозицию по отношению к нашей администрации. Перефразируя то же самое в более резкой форме — как мы можем использовать имеющийся в нашем распоряжении федеральный аппарат с тем, чтобы придавить наших политических противников. Вкратце порядок действия будет следующим: ведущих сотрудников Белого дома следует запросить, кому, по их мнению, мы должны осложнить жизнь. Координатор операции должен затем определить, какого рода связи имеются у данных лиц с федеральным правительством и как мы сможем придавить их наилучшим образом (используя в этих целях федеральные субсидии, федеральные контакты, судебные иски, судебные расследования и т. п.). Координатор операции должен иметь полную поддержку со стороны руководства агентств или министерств при ведении дела того или иного лица».

Этот своего рода выдающийся документ как бы анатомирует всю систему политического сыска и полицейской травли в США, пример которым в данном случае подает Белый дом. Правда, иные могут сказать, что администрация Никсона, мол, исключение, другие не такие. Нет, такие же! После уотергейтского дела американские журналисты более тщательно покопались в истории Белого дома и обнаружили, что политический сыск, подслушивание и тому подобные методы борьбы с политическими конкурентами были на вооружении и других американских президентов.

Вот и получается такая история: в стране, из которой громче всех раздаются призывы в защиту прав человека, положение с этими правами более чем сомнительное. Как бы подытоживая наш разговор на эту тему, американский еженедельник «Роллинг стоун» высказывает следующее мнение:

«Для значительных слоев населения Соединенных Штатов права человека — это «сахар вприглядку», иллюзия с маленьким содержанием. Миллионы американцев не имеют возможности трудиться, лишены достойного жилища, приличного образования, должной охраны здоровья, соответствующего питания и работы в пожилом возрасте. Для всех этих людей права человека просто не существуют... Можно констатировать очевидное: права человека и в самом деле существуют в Соединенных Штатах — для малюсенького меньшинства. Но бревно в нашем глазу, наш фатальный изъян заключается в том, что права «на жизнь, свободу и стремление к счастью» лишены миллионы наших граждан»...

И, наконец, последнее уточнение. Его сделал писатель Гор Видал: «Нет вам в Америке свободы, если у вас нет денег... Практичные люди, сочинившие конституцию в 1787 году, создали утонченный механизм, который — тут подремонтированный, там подправленный — защищает собственность вот уже почти двести лет»

Окончание следует.

ПРОЗА НИКОЛАЯ РЕРИХА

Удивительно современно звучат многие мысли этой книги. А ведь большинство из них родилось и было записано автором на заре века. Еще в начале 1900-х годов поднял Н. К. Рерих свой голос в защиту русских национальных культурных ценностей. «Оборона сокровищ народных» становится одной из основных целей его жизни. Изучив и поняв величие созданного предками, именно Рерих одним из первых сказал то, о чем ныне с большей или меньшей степенью успеха говорят многие писатели, ученые, публицисты, художники, ратуя за бережное отношение к памятникам истории и культуры: «...Пора русскому образованному человеку узнать и полюбить Русь. Пора людям, скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться высоким и значительным, которому они не сумели еще отвести должное место, что заменит серые будни веселою, красивою жизнью.

Пора всем сочувствующим делу старины кричать о ней при всех случаях, во всей печати указывать на положение ее. Пора печатно неумолимо казнить невежественность администрации и духовенства, стоящих к старине ближайшими... Пора вербовать новые молодые силы в кружки ревнителей старины, пока, наконец, этот прорыв не перейдет в национальное творческое движение, которым так сильна всегда культурная страна». Эти слова из очерка «По старине», включенного вдумчивым составителем, исследователем жизни и творчества Н. К. Рериха В. Сидоровым в том избранных прозаических произведений Рериха, мы привели не случайно. К сожалению, и сегодня, на закате века, часто, обидно часто приходится сталкиваться с равнодушием и косностью, когда дело доходит до восстановления того или иного памятного места, здания, усадьбы, где свершались события часто эпохальные для нашей истории и культуры. Нет, конечно, в наши дни мало кто открыто выступает против сохранения и возрождения очагов культуры, но порой узость духовного взгляда, неумение понять значение прошлого для успешного движения вперед стоят на пути многих начинаний. Поэтому так актуальны уроки Рериха, которые можно назвать уроками любви к родной земле, бережному, вдумчивому отношению к ее истории и традициям.

Выпишем лишь несколько мыслей и замечаний Рериха: «Не нужно, чтобы памятники стояли мертвыми, как музейные предметы... Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, в котором он красовался в былое время,— хоть до некоторой степени возвратите! Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и сараями; не допускайте в них современные нам предметы — и многие с несравненно большей охотой будут рваться к памятнику, нежели в музей». «Но мало охранить и восстановить самый памятник, очень важно, насколько это в пределах возможного, не искажать впечатления его окружающим... например, сооружение Больших Гостиных Рядов в Москве (ныне ГУМ.— В. Е.) — дело прекрасное, но отступи оно еще дальше от Кремля, и Лобное Место не стало бы казаться плевательницей, а Василий Блаженный стоял бы много свободнее». Как видим, уже тогда заботила Н. Рериха проблема отношения памятников к окружающей среды в условиях развивающегося города, в частности Москвы. Он одним из первых сказал об этом, и мысли его не только со временем не устарели, а как бы получили вторую жизнь в наши дни интенсивной перестройки Москвы. И многим архитекторам, «новаторски» вторгающимся в историческую застройку столицы, было бы очень небесполезно задуматься над уроками Н. К. Рериха.

Проза Рериха крайне своеобразна. В ней причудливо сплетаются легенда и публицистика, элементы эпистолярного жанра и художественного вымысла. Как бы мы ни определяли его стиль — истоки ясны; они в культуре Древней Руси, сплавленной с традициями русского искусства конца XIX — начала XX века.

Известно, что Н. К. Рерих обладал многими талантами (в этом, кстати, он тоже был типичным представителем культуры рубежа веков). Читая страницы его прозы, постоянно видишь, что одну и ту же тему часто решал Рерих искусством слова и средствами живописи. Особенно зримо такое сопоставление по отношению к уникальному Гималайскому циклу картин и его дневникам, очеркам, книгам об Индии.

В сборник включены интереснейшие дневники художника — «Сердце Азии». Путь через Гималаи оставил след на полотнах Рериха, вехи этого пути и в его прозе. Он не просто грезил об Индии, а затем, узнав ее, восхищался ее людьми, природой, древней философией. Истинный русский патриот Рерих искал и находил общие культурные истоки, общность начального пути. «Через Византию грезилась нам Индия». «Много сходства с российскими равнинами и возможностями. Путешественники замечают это. Сами индусы чувствуют себя на Руси, как дома, и русские в Индии тоже»,— писал художник. Чтобы постичь душу волшебной страны, в которой Рерих проведет семнадцать лет жизни, он совершает труднейшее путешествие, во время которого изучает историю, философию, обычаи, искусство народов, населяющих Центральную Азию. Дневники Рериха несут обширнейшую информацию. Путешественник абсолютно лишен наивного скептицизма по отношению к необъяснимым и непонятным явлениям человеческой психики и загадочным событиям, свидетелем которых ему довелось быть и о которых он слышал в многочисленных сказаниях и легендах во время гималайского пути. Рерих стремится понять и объяснить многие легендарные сведения, ибо, считает он, «знание преображается в легендах. Столько забытых истин сокрыто в древних символах. Они могут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно». Поэтому с таким тщанием и вниманием собирает Рерих сведения о таинственной священной стране Гималаев — Шамбала, ибо в том фольклорном, философском, религиозном пласте, который за тысячелетия сложился вокруг символического понятия «Шамбала», стремится он вычленить реальный и прекрасный источник, «энергией которого дышат поэтические символы сказаний».

Интересная книга избранной прозы Николая Рериха, в которой соединены произведения многих лет и жанров, от сказа до публицистического выступления в защиту культуры, заставляет серьезно задуматься над судьбой его литературного наследства. За последние годы вышло несколько сборников стихов и прозаических произведений Н. Рериха. Видимо, настало время для издания собрания его сочинений, где будут систематизированы и прокомментированы все наиболее значительные литературные произведения замечательного русского художника, ученого, писателя.

Н. К. Рерих. Избранное. «Советская Россия», М., 1979, 384 с.

В. ЕНИШЕРЛОВ

ОЛИМПИАДА-80, НА СВЯЗЬ!

Накануне Олимпиады-80 мы пригласили к беседе заместителя министра промышленности средств связи СССР А. А. КУЗЬМИЦКОГО

— Александр Александрович, прежде всего вопрос общего характера. Каковы роль и назначение средств связи на Олимпиаде-80?

— Главное — четкое, быстрое и емкое по содержанию информирование мировой общественности об олимпийских событиях. В первую очередь с помощью телевидения и радио, как наиболее массовых средств информации.

— А ведь первые олимпийские телесюжеты в мировом масштабе стали создаваться, кажется, совсем недавно?

— По темпам и понятиям нынешнего времени, пожалуй, уже давно — с 1964 года, с Токио. Тогда телевизионные передачи велись через искусственный спутник Земли с низкой орбитой. Передачи были кратковременными, так как могли приниматься только во время пролета спутника над той или иной территорией планеты. Теперь, когда в космосе действуют спутники на стационарных орбитах, появилась возможность принимать продолжительные программы, причем практически в любой точке Земли.

В 1972 году соревнования мюнхенской Олимпиады смотрели около 1 миллиарда жителей планеты. В следующем, 1976 олимпийском году аудитория зрителей Монреальских игр возросла примерно до полутора миллиардов человек. Теперь, спустя четыре года, эта цифра увеличится еще более чем на полмиллиарда. Как видите, это не потому, что выросло народонаселение планеты, дело в развитии техники.

Олимпийские телесюжеты из Москвы будут расходиться над миром примерно двадцатью большими телепрограммами — в определенные страны или регионы. Это намного больше, чем на любых предыдущих Играх.

— Следовательно, в Москве будут одновременно действовать двадцать телевизионных каналов?

— Да, и притом еще 100 каналов звукового сопровождения на многочисленных языках народов мира и столько же радиовещательных каналов.

— Вы обрисовали задачу, которая, очевидно, потребовала создания принципиально новой технической системы.

— Именно. Нашими специалистами разработана и создана такая система — Олимпийский телерадиокомплекс — ОТРК. Он отличается прежде всего «производительностью», о чем я уже говорил. Причем формирование каждой из двадцати телепрограмм требует такой технической оснащенности, какой обладает телецентр... ну, скажем, крупного областного города. А у нас это все создано в одном здании Олимпийского телецентра в Останкине.

— Который, кстати, намного меньше по объему своего «визави» — существующего телевизионного технического центра, теперь уже почти ветерана.

— Да, меньше почти в три раза. И в этом явные черты времени: интеграция схемных решений, микроминиатюризация. Но суть, конечно, не в объемах. Практически вся аппаратура ОТРК является аппаратурой нового (третьего) поколения, которое характеризуется почти полным применением интегральных схем при резко возросшем уровне автоматизации и, естественно, улучшением качества изображения. Существенно расширяются возможности для творческих работников (режиссеров, дикторов, комментаторов и других), заметно улучшаются технические характеристики аппаратуры.

Разумеется, далеко не все это будет видно телезрителю, особенно не искушенному в телевизионной технике. Но он, безусловно, обнаружит, сколь много ему, непринужденно сидящему у экрана, вдруг удается увидеть и узнать. И как необычна будет сама подача телесюжетов. Впрочем, я, кажется, слишком забегаю вперед. Лучше один раз увидеть...

— Александр Александрович, вряд ли можно допустить, что столь масштабная работа, как создание ОТРК, имеет лишь целевое «олимпийское» назначение?

— Разумеется, у нас перспективы куда более далекие. Практически весь ОТРК будет после Игр введен в сеть общесоюзного и международного телерадиовещания.

— То же, очевидно, можно сказать и о других средствах связи Олимпиады-80?

— То же самое. Вот, например, нашими специалистами создана квазиэлектронная автоматическая телефонная станция «Квант». Это новая учрежденческая АТС, которая свою прописку получает в Олимпийском пресс-центре на Зубовской площади. Не побоюсь сказать, что с рождением «Кванта» закладывается основа новых поколений автоматических телефонных станций. В состав «Кванта» входят две мини-ЭВМ, куда вводится программа работы АТС. Программа может быть изменена в зависимости от условий эксплуатации станции. Кроме того, мини-ЭВМ будут автоматически отслеживать исправность узлов и блоков АТС.

— А какие дополнительные услуги получит при этом абонент?

— Скажу о некоторых. Например, сокращенный набор номера путем кодирования ваших основных абонентов. Это, правда, уже знакомо многим работникам учреждений.

Предусмотрена возможность прямого вызова вашего главного абонента, то есть без набора номера, а просто снятием трубки.

Или регистрация звонков в ваше отсутствие. Заказав станции эту услугу, вы узнаете, кто вам звонил, когда вас не было. Или оповещение о том, что во время разговора к вам кто-то безуспешно пытается дозвониться. Не прерывая связи, вы можете узнать, кто это, и ответить абоненту.

Или одновременный разговор трех-четырех абонентов.

Или автоматическое переключение вызова на тот номер, по которому вы будете временно находиться.

Или можете просто заказать станции разбудить вас в положенное время...

В целом до сорока всевозможных услуг сможет оказать новая АТС.

— На сколько абонентских номеров она рассчитана?

— Олимпийский образец — на 1024 номера. А в общем, от 50 до 4 тысяч номеров.

— В печати было упоминание о системе «Алтай», для журналистов на Олимпиаде...

— «Алтай-3М» — система радиотелефонной связи. С помощью этой системы, оборудованной в автомобиле, можно набрать любой номер в Москве, а также связаться с другим городом или страной. Разговор можно вести практически при любой скорости движения. Похожие станции создавались и ранее, но нынешняя в несколько раз меньше и легче, намного возросла надежность ее работы.

— Журналистам справедливо уделено большое внимание. Какими еще средствами связи будут они обеспечены?

— Давайте вернемся к телевидению. На рабочих местах телекомментаторов установлено по два цветных телевизора. Комментатор, ведя репортаж о каких-то состязаниях, сможет, если захочет, одновременно узнать и о событиях на других спортивных аренах.

Нашими специалистами создана и новая аппаратура для организации комментаторских каналов связи. Причем она построена на так называемых «цифровых», наиболее передовых принципах передачи. Аппаратура позволяет использовать уже существующие кабели, она отличается высокой технологичностью, очень удобна в эксплуатации. Так что и в этом случае мы ориентировались на перспективу.

Ну, а что касается пишущих корреспондентов, то на каждой арене спортивных соревнований для них созданы свои локальные пресс-центры с международными переговорными пунктами, факсимильной аппаратурой, предназначенной для передачи корреспонденции или других неподвижных изображений. Эти пресс-центры связаны с главным пресс-центром и центральным телеграфом.

В общем, пропускная способность линий связи вполне удовлетворит запросы даже самых активных рыцарей пера.

— На Олимпиаде в Москве ожидается более полумиллиона туристов, которым тоже понадобится телефон...

— В столице на базе современного оборудования создана новая, крупнейшая в Европе АТС. После Олимпиады все мы хорошо почувствуем это. Так, в полтора раза увеличится количество городов, имеющих автоматическую связь с Москвой.

— Хотелось бы узнать и о других интересных «олимпийских» разработках в области средств связи.

— Их немало. Вот, например, акустические системы на многочисленных спортсооружениях. Особого внимания, на мой взгляд, заслуживает уникальная система озвучивания крытого стадиона «Олимпийский» на проспекте Мира — одного из крупнейших в мире.

Представьте себе замкнутое пространство объемом в 750 тысяч кубических метров. Двухъярусная система трибун с неизбежными акустическими тенями. 45 тысяч зрителей, которые особенно во время спортивных соревнований не всегда молчат. В зале предполагается проведение не только соревнований, но еще и концертов, массовых митингов.

Зал при помощи специального глухого занавеса можно будет разделить надвое и в каждой половине проводить всевозможные спортивные или зрелищные мероприятия. Так что центр действия будет оказываться в самых разных точках. В общем, если нам не разобраться с акустикой, не укротить звук, зрителю трудно будет что-либо услышать и разобрать.

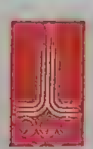
Задача сложнейшая, но, как оказалось, решаемая. В одном из институтов нашего министерства разработана система, включающая целый комплекс систем озвучивания как отдельных участков зала, так и всего пространства в целом. Двести пятьдесят мощных динамиков с широким диапазоном частот установлены под крышей, каждый из них сориентирован в строго заданном направлении. Отдельная акустическая система будет обслуживать нижние ярусы трибун, то есть зону акустической тени.

Впрочем, в данном случае все это лучше один раз услышать...

Создание средств связи для Олимпиады-80 — задача столь ответственная, сколь и сложная, ведь речь идет об аппаратуре, отвечающей самым современным требованиям. Работники нашей отрасли, Министерства связи, Гостелерадио, других министерств и ведомств сделали максимально возможное. Большую помощь оказали нам специалисты стран — членов СЭВ и особенно Венгрии, Чехословакии, ГДР. Закуплены отдельные образцы аппаратуры во Франции, Англии и некоторых других странах. Верю, что итоги всей этой грандиозной работы удовлетворят и спортсменов, и судей, и журналистов, и многочисленных поклонников спорта всех стран и континентов.

Беседу вел **В. ЛЕЙБОВСКИЙ.**

ПОМОСТ РАС

Станислав ТОКАРЕВ

Фото А. БОЧИНИНА

На олимпийский помост выходит гимнастика — одна из старейших дисциплин в программе Игр, одна из самых весомых — 14 комплектов наград.

И замелькали тела в вихре сальто, пируэтов и перелетов, и восхищение наполнило нас, потому что гимнастика — искусство владения телом на земле и в воздухе, и с каждым днем оно все совершенней.

Начнем разговор наш с мужской гимнастики.

В 1952 году, на первой Олимпиаде, в которой участвовали советские спортсмены, абсолютным чемпионом стал 32-летний гимнаст Виктор Чукарин, великий подвижник, солдат Отечественной войны, узник фашистского концлагеря. Второе место занял его товарищ по команде — Грант Шагинян, в недавнем прошлом боевой офицер, раненный пулей в колено, представьте, как трудно было ему по законам гимнастической эстетики в струночку вытягивать ноги. Победили мы тогда и в командном зачете: почти целых семь баллов выиграли у швейцарцев, былых законодателей европейской и мировой моды.

Вот как сразу триумфально все началось. И это не случайно, потому что еще в довоенное время гимнастика была одним из самых популярных видов спорта в нашей стране.

И казалось, что долго никто не будет угрожать преимуществу советских гимнастов. Пятое место сборной Японии, серебряные и бронзовые медали на отдельных снарядах, завоеванные Т. Оно, М. Такемото, Т. Уэсако, не настораживали — спортсмены с солнечным диском на майках походили на прилежных учеников, не более.

А между тем поединок, которому предстояло стать центральным событием в будущей мировой гимнастике, по существу, уже начался тогда в Хельсинки. Четыре года спустя в Мельбурне японцы были уже вторыми, а Такаси Оно отделяли от Чукарина, вновь ставшего чемпионом, только полшага — 0,05 балла. И вот в Риме на Олимпиаде 1960 года снова советский гимнаст, на этот раз киевлянин Борис Шахлин, добился личной победы. И снова на второй ступеньке с разрывом в 0,05 балла стоял все тот же упрямый Оно. Но командное первенство на этот раз завоевали японцы.

С тех пор и до наших дней японские гимнасты олимпийского командного первенства нам не уступали. И об остроте борьбы говорит хотя бы тот факт, что олимпийских наград у нас и у японцев поровну — по 67, а золотых (считая и личное первенство и состязания на отдельных снарядах) у советской сборной всего на две больше — 26.

Во времена первовосхождения японской гимнастики, то есть в начале 60-х годов, родился термин «ультра-си». Так называют особо трудные элементы, которые вроде бы находятся за верхним пределом группы «с» — высшей категории сложности. Эти сверхэлементы считались основным оружием спортсменов Страны восходящего солнца. Но главное преимущество японских гимнастов было в том, что «мозговой центр» японской гимнастики, возглавляемый профессором Акемото Канеко, разработал основы специфической техники, позволявшей легко исполнять эффектные трюки — в так называемой «хлестообразной» манере.

В гимнастике секреты быстро рассекречиваются, становятся общим достоянием. Прошло немного времени, и наши тренеры тоже взяли «хлест» на вооружение, но небольшая временная фора долго обусловливала победы японцев и наши поражения.

Усложнение программ, изобретение новых трюков, процесс, вообще говоря, постоянный, ускорился именно в шестидесятые годы и в дальнейшем двигался по нарастающей. Однако трюк мало придумать и выучить. Надо добиться того, чтобы он делался надежно и стабильно, если не сто раз из ста (сделаем поправку на фактор случайности), то по крайней мере девяносто. И поскольку мы позже основных конкурентов включились в «гонку», то пока наши гимнасты разучивали новое, успевали закрепить и отшлифовать его до блеска, японские гимнасты уходили вперед.

Только во второй половине 70-х годов расстояние между первой и второй командами мира мало-помалу стало сокращаться. На Олимпиаде 1976 года в Монреале наши гимнасты проиграли всего 0,4 балла, на чемпионате мира 1978 года в Страсбурге хоть и побольше — 0,9, но зато выиграли 2,05 балла в произвольной программе, а это значило, что сложность комбинаций, виртуозность их исполнения у нас уже выше.

В Монреале и Страсбурге произошел, пожалуй, психологический перелом во взаимоотношениях двух команд. Наши спортсмены, которые были много моложе, почти мальчики рядом с такими львами, как кряжистый, похожий на кузнеца Савао Като, элегантный Эйдзо Кенмоцу, уверенный в себе Мицуо Цукахара, увидели, что японцы тоже могут бледнеть, что и у них порой дрожат мускулистые ручищи.

Абсолютным чемпионом в Монреале стал Николай Андрианов, 23-летний, бесстрашный, озорной. Он не просто победил, он разгромил тогда всех, и прежде всего Като, и как разгромил! За шесть предыдущих Олимпиад не было случая, чтобы первый выиграл у второго целый балл. И вот теперь по милости политиканов замечательные японские гимнасты оказались вообще вне игры. Нет, не заслужили они такой участи.

Говоря об Андрианове, надо сразу же подчеркнуть его огромную роль в поступательном движении всей нашей мужской гимнастики.

«Звонкий» — есть такой термин в гимнастическом спорте. «Звонкий» гимнаст тот, кто всегда в нужный момент на пике формы. Андрианов сразу «прозвенел», когда пришел в сборную, дерзкий провинциал, жаждущий всему миру доказать владимирское свое первородство. Старшие его товарищи устали тогда проигрывать, японцы казались им недосягаемыми, а Андрианов никого не боялся и ни перед кем не преклонялся. Он был как сигнал атаки, и он проложил дорогу новому поколению, новой команде, той самой, которая победила наконец на первенстве мира в семьдесят девятом.

Можно долго рассуждать о том, что обеспечило эту победу, анализировать методику, организацию дела, но, чтобы не затягивать разговор, упомяну только о главном. Оно в том, по-моему, что тренерский коллектив сборной, возглавляемый Леонидом Аркаевым, научился, внимательно изучая поиски японцев, самим работать с опережением, вести спортсменов более крутой, но более короткой дорогой.

Не всем и не всегда нравилось, что на наших внутренних соревнованиях судьи предъявляли гимнастам требования по части сложности и чистоты исполнения более суровые, чем на международном помосте. Но это стало одним из главных факторов победы. А вторым фактором — проистекающим, по существу, из первого — явилось то, что за последнее олимпийское четырехлетие в сборной сформировался крепкий костяк из почти равноценных спортсменов.

Это ленинградец Александр Дитятин, рослый юноша с мужским характером, поразительно умеющий словно бы собирать в кулак все мастерство, когда надо, и выступать тем лучше, чем важнее состязания. Он абсолютный чемпион мира 1979 года.

Это воронежец Александр Ткачев, мягкий, незлобивый, славный парень, но в состязаниях упругий, как мяч, способный на самые лихие трюки, которые вроде бы не представляют для него никакой сложности. Всем известен его уникальный перелет через перекладину спиной вперед. (Однажды на пресс-конференции он искренне сказал, что это вовсе не трудно, надо только успеть руками за гриф уцепиться.) Он второй гимнаст мира, чемпион страны нынешнего года.

Это москвич Владимир Маркелов, умеющий на помосте трудиться так же спокойно и деловито, как на рядовой тренировке, что и сообщает его манере универсализм и стабильность. Он абсолютный чемпион Европы 1977 года.

И это, наконец, знакомый нам Николай Андрианов, но ко всем уже перечисленным мною его достоинствам надо присовокупить еще одно, для команды главное: он лидер, он умеет сплотить и повести за собой младших товарищей. Если же добавить, что в этом строю стоят такие молодые мастера, как Богдан Макуц, Артур Акопян, Эдуард Азарян, Федор Кулаксизов, Сергей Хижняков и другие, то станет ясно, что в будущее мы можем смотреть с уверенностью.

Все эти гимнасты — настоящие многоборцы. Они обладают ценнейшим психологическим достоинством — способностью к самонастрою. Разные снаряды предъявляют к гимнасту разные требования. На одних превалирует сила, на других — скорость, на третьих — координация. И вот в крат-

Лидер советской сборной Нелли Ким.

На кольцах Н. Андрианов, А. Дитятин, А. Ткачев и Э. Азарян.

кие промежутки между подходами к снарядам гимнаст должен совершенно отключиться от одного снаряда и запрограммировать себя на другой. Кто владеет этим умением, тот и есть истый многоборец.

Но, кроме абсолютного первенства, медали разыгрываются на каждом снаряде, цена каждой тоже олимпийская — 7 очков. Причем надо заметить, что спортсмены-«однолюбы» во многом и служат в гимнастике, если можно так выразиться, моторами прогресса. Конкуренция на снарядах особенно высока, потому что в ней участвуют представители значительно большего числа стран, чем в борьбе за абсолютное первенство. Вспомним, как много в свое время дал развитию мастерства на коне югослав Мирослав Церар своими великолепными махами, а после его ухода на этом снаряде было нечто вроде застоя, пока не появился венгр Золтан Мадьяр, обогативший программу «вертушками». Вспомним, какую высоту, воздушность вольным упражнениям придал итальянец Франко Менникелли, а в последнее время сказал свое слово в упражнениях американец Курт Томас.

К слову сказать, то, что мы не увидим на олимпийском подиуме гимнастов США, наносит вред прежде всего самим американцам. Гимнастика—новый вид спорта в США, она стала развиваться совсем недавно, и мужская и женская команды как раз начали многообещающий подъем, и нам остается лишь пожалеть молодых американских гимнастов, оказавшихся по вине вашингтонской администрации за олимпийскими пределами. Это, без сомнения, задержит их рост.

Перейдем к женской гимнастике, начав тоже с приятных воспоминаний. В 1952 году в Хельсинки звания абсолютной чемпионки добилась Мария Гороховская, в 1954 году наш дебют на первенствах мира принес победу Галине Шамрай, а дальше наступила эра блистательной Ларисы Латыниной, чей рекорд — 18 олимпийских медалей — до сих пор никем в мире не побит. Латынина выиграла первенство на Играх 1956 и 1960 годов, на мировых чемпионатах 1958 и 1962-го, пока в 1964-м в Токио ее не лишила высшей награды Олимпиады чехословацкая спортсменка Вера Чаславска.

Если наши мужчины не знали иных соперников, чем японцы, положение советских гимнасток было сложнее. В пятидесятых годах с ними спорили сильные венгерские спортсменки, в шестидесятых — гимнастки Чехословакии, в начале семидесятых — быстро поднимавшиеся гимнастки ГДР, а со второй половины и по сию пору — блестящие гимнастки Румынии.

И хотя внешне все обстоит довольно благополучно — олимпийского командного первенства, во всяком случае, мы никому не уступали,— на самом деле путь нашей женской сборной далеко не гладок.

Победа Веры Чаславской на Олимпийских играх в Японии показала, что рождается новая гимнастика в отличие от прежней, классической, лиричной, более стремительная, насыщенная акробатикой, я бы сказал, боевая. И чтобы успеть за ходом событий, нам понадобилось резко обновить ряды ведущих гимнасток, отдав предпочтение девочкам, не знавшим влияния прежней школы и смелым от неведения ожидавших их трудностей. «Новой волной» называли их, «поколением Кучинской», но беда той юной, самоотверженной, пылкой команды была в том, что она не смогла выдвинуть прочного лидера, способного поспорить с Чаславской. И вот в 1966 году на чемпионате мира в Дортмунде мы потеряли и абсолютное первенство и командное. Чехословацкая сборная обогнала нас на 0,038 балла. Правда, на Олимпиаде в Мехико командой мы выиграли, но в личном первенстве Чаславска была впереди. Однако уже вышла на помост Людмила Турищева. Вслед за Латыниной она сумела взять на себя трудный удел лидерства и доблестно несла эту ношу четыре года, став лучшей на Олимпиаде в Мюнхене и дважды в мире.

Когда Людмила выиграла во второй раз — в 1974 году в Варне,— ведомая ею команда почти на 8 баллов обогнала команду ГДР. И в той нашей сборной в роли второго лидера выступала Ольга Корбут, чье искристое дарование в дальнейшем неизмеримо много дало гимнастическому миру.

И, как когда-то нашим тренерам, работавшим с мужчинами, так и тренерам, готовящим гимнасток, казалось, что нет и не будет конца победам. А год спустя на первенстве Европы появилась на помосте и поразила специалистов 14-летняя румынка Надя Комэнеч.

Как в свое время тренер Чаславской — Владо Пророк, так и тренер Комэнеч Бела Кароли все лучшее взял у нашей гимнастической школы, бережно и вдумчиво развил, и на Олимпиаде 1976 года в Монреале Комэнеч отличалась от всех не только сложностью своей программы, но и технической безукоризненностью, безошибочностью исполнения.

Забегая вперед, скажу, что Комэнеч могла дать мировой гимнастике значительно больше. Два чемпионата мира она подряд проиграла — в прошлом году, правда, из-за травмы, а в позапрошлом — по собственной вине: ушла от Кароли, выпестовавшего ее, потом вернулась, но было уже поздно.

И сейчас, накануне Олимпиады, Надя снова покинула своего требовательного наставника. Этот выдающийся специалист из маленького городка Дева теперь растит новых чемпионок. Так, на двух юношеских первенствах Европы в первый раз победила румынка Э. Эберле, а во второй раз — в нынешнем году — первенствовала гимнастка из Девы — Е. Сабо.

Но вернемся к нашим гимнасткам. Как известно, в позапрошлом году они выиграли чемпионат мира блестяще — и командой и в личном зачете, причем на пьедестал почета поднялись три советские спортсменки: Елена Мухина, Нелли Ким и Наталья Шапошникова. А вот в прошлом году хоть в многоборье и победила Ким, но сборная уступила румынской команде 0,625 балла, и вдобавок мы не выиграли ни одного снаряда — первый случай за всю историю.

В чем же дело? В том ли, что с позапрошлого года состав сборной обновился ровно наполовину — отсутствовали по разным причинам Елена Мухина, Татьяна Аржанникова и Светлана Агапова? Но ведь нельзя сказать, что у нас, выражаясь баскетбольным языком, «короткая скамейка». Наоборот, талантливых девочек может хватить с избытком на несколько сборных. Но, как это ни парадоксально, избыток-то, по-моему, и навредил.

Молодым гимнасткам не хватило стабильности. Множество ошибок на снарядах, допущенных ими, объяснилось тем, что сверхсложные элементы оказались недоученными. Недоученность же возникала от спешки, оттого, что многим тренерам очень уж хотелось быстрей, как можно быстрей привести учениц в сборную. Появление юной Комэнеч стало в мировой гимнастике новым — после триумфов Корбут — стимулом усложнения программ. Вот тренеры и поставили перед собой задачу догнать и перегнать ее, стали поощрять изобретательство и отвагу. Как выполнить, приземление не важно — стабильность, мол, придет потом. И вот в прошлом году новички сборной вышли на помост недоученными.

В этой суматохе на время словно бы затерялась Нелли Ким, двукратная — на снарядах — чемпионка Монреаля. Она была старше всех, ей 22, а это по нынешним временам много, от нее особых подвигов и не ждали. Нужен был упрямый, оптимистичный характер Ким, чтобы упорно и неторопливо, как подобает опытному бойцу, исподволь обновлять комбинации, бороться с сомнениями, выходить на помост такой, как всегда,— сияющей, обаятельной, женственной. Став в прошлом году чемпионкой мира, а в нынешнем чемпионкой страны (это, пожалуй, было не легче), Ким доказала, что именно она лидер команды. Ей и вести на помост Московской Олимпиады подруг — Наталью Шапошникову, Елену Мухину, Стеллу Захарову, Елену Давыдову и других, чьих имен мы пока не знаем.

СУДИТ ВСЕХ

ПОЛЬСКОЕ ЛЕТО

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

Лариса ДРУЗЕНКО

Летом 1958-го их было только шестеро. Всего через год — стало в триста раз больше. А нынешним летом уже 280 тысяч польских юношей и девушек намереваются часть летних каникул провести за работой на предприятиях, стройках, полях страны. На помощь молодежи рассчитывают двадцать три отрасли народного хозяйства.

Я побывала в нескольких городах и селах одного из воеводств страны — Калишского (на юго-западе ПНР). Исходной точкой стал город Плешев, а в нем — учебно-производственный комплекс имени народного героя Польши Кароля Сверчевского. В него входят профессионально-техническая школа, лицей и три техникума.

Ребята охотно откликнулись на мою просьбу рассказать о своих трудовых каникулах.

Ветеранов, даже самых молодых, обычно просят поделиться воспоминаниями. Прошу и я.

— Какими? — спрашивает Кшиштоф Вескич.— О самом высоком заработке или самой тяжелой работе?

— Надо думать, они не находятся на разных полюсах?

— Это так.— Кшиштоф уже серьезен.— Только, знаете, мы, будущие электротехники, получаем от предприятий предложения на исполнение работ, требующих известной квалификации. В этом случае труд физически легче, хотя напряженнее, и оплачивается лучше.

— Наши ребята,— вступает Дариуш Шустер,— занимались даже монтажом на автомобильном заводе. Но такое, конечно, не всякому учащемуся доверят...

— Вот и возьмем «нормальных», неквалифицированных учеников.

— Значит, нас,— решает Анджей Чишак,— правда, такими, какими мы были пару лет назад. Помню, направил нас Добровольный отряд труда.

— Что это такое?

— С ним в Польше знаком каждый старшеклассник, каждый учащийся техникума или вуза. В добровольные отряды труда записываются те, кто намерен во время летних каникул поработать. Отряд выбирает коменданта, им может быть и учитель и ученик. Школьный штаб и коменданты договариваются с предприятиями о характере и сроках работ. Вот наш штаб и договорился с местной семенной станцией о сортировке зерна. Нас с Кшиштофом это устроило, хотя знали: труд не из легких. Проработали больше месяца. Заработок наш был тогда одним из самых высоких. У меня — шесть, а у Кшиштофа даже семь тысяч злотых!

Эмоции понятны: цифры превышают среднемесячную зарплату по стране. На что же были потрачены эти деньги?

— На то, на что зарабатывали,— замечает Кшиштоф.— Я купил радиокомбайн.

— А я,— Анджей немного смущен,— просто оделся. Модно и с ног до головы! Многие ребята поехали на свои собственные деньги отдыхать или путешествовать. У нас и лозунг такой есть: «Каникулы — за свой счет!»

В Гдыне, на верфи, уже несколько лет за плешевскими ребятами закреплен участок, на котором им предоставляют разного рода работы: красить, строгать, грузить. Словом, в Гдыне нужны крепкие мускулы, и едут туда парни. А слабый пол имеет свой выбор: молочный завод, теплицы, овощеперерабатывающие предприятия. И труд полегче, и здесь же, в Плешеве, под боком у мамочки.

Кстати, о мамочках. Как-то чувствуют они себя в те прекрасные летние дни, когда в лесу поспевают земляника и черника, на пляжах дымятся почерневшие спины, а дети в это время на другом конце страны орудуют молотками или моют посуду?

Хелена Рутович из небольшого городка Опатувек:

— Дочке почти семнадцать, она уже работала во время каникул. Была на сборе черешни, выполняла подсобные операции на швейной фабрике. Мы не заставляли ее делать это, но когда дочь записалась в отряд: «Все работают, а я разве хуже?» — мы не возражали. А теперь у нас в семье уже повелось, если говорим: купим тебе радиолу,— то само собой разумеется, что покупка будет частично оплачена дочерью. Это для нее уже вопрос самолюбия и, как мне думается, еще и отношения к родителям.

Муж Хелены Рутович — Здислав — партийный работник. Вот его точка зрения:

— Любой ребенок вступает в семье в конкретные материальные отношения с родителями. Но далеко не каждый из нас, родителей, достаточно мудро отлаживает эти отношения. Кто-то слишком мягок, кто-то слишком жесток в «финансовой политике» по отношению к детям... На мой взгляд, добровольные отряды труда успешно и вовремя корректируют эту политику.

Основные правила здесь — не ловчить, не жить за счет другого, не пренебрегать общими интересами в своих целях. И если кто-то погнался за большим заработком, занялся «халтурой» — такого отряд строго карает: может отстранить от работы, не принять в следующем сезоне. Может не дать согласия на его участие в экскурсии или поездке, организованной на заработанные деньги. Все это решают сами ребята: право на самоуправление — одно из первейших прав. Члены отрядов сами решают, кого отметить за хорошую работу; среди коллективов идет соревнование. Учитываются количество, качество и общественная значимость проделанной работы. Для победителей предусмотрена система поощрений: почетные значки, дипломы, премии.

Очень важно, как распределяются деньги, заработанные ребятами. Скажем, в зимние и весенние каникулы предприятия частично отчисляют заработок учащихся в банки на специальные счета отрядов. Эти средства расходуются по решению ребят: на экскурсии, спортинвентарь, музыкальные инструменты. Вклад каждого в этот общий «капитал», конечно же, различен. И, скажем, Дариуш может поехать на экскурсию в Краков «частично» за счет Анджея, потому что тот больше заработал на монтаже автомобильных узлов, чем его приятель на окраске стен. Заработанные деньги идут не только на развлечения. Отряды труда делают вклады и в фонд Центра здоровья ребенка и на восстановление архитектурных памятников.

В главном штабе добровольных отрядов труда в Варшаве работают экономисты, юристы, инженеры, историки. Их непосредственные партнеры — министерства, воеводские административные работники. Что же касается проблем, решаемых здесь...

— Наша программа гораздо шире простой организации труда молодежи во время каникул,— подчеркнул один из руководителей главного штаба, Ежи Борисевич.— Кроме так называемых «каникулярных» отрядов, существуют такие, где ребята работают на предприятии, живут в его интернате и получают профессиональные и общеобразовательные знания в училище при том же предприятии. Есть и отряды, которые через десять трудовых месяцев дают «балл» на поступление в вуз для тех, кто раньше уже сдал экзамены, но не прошел по конкурсу. Действуют и отряды, в которых молодые люди проходят за два года военную подготовку и получают право не служить в учебных войсках. Занимаемся мы и организацией труда для девушек, а также для тех, кто не может выезжать на традиционный месяц, а предпочитает работать на месте всего неделю — дней десять.

Этим летом, например, три с половиной тысячи учащихся приедут из разных концов Польши в город Замостье, чтобы участвовать в реставрационных работах. Для польской молодежи это стало уже традицией. Немало ребят будут заняты на подготовке олимпийских шоссейных магистралей, проходящих через Польшу. И новое крупное дело начнут они в предстоящем трудовом сезоне: примутся за работы по преображению Вислы. Эта общегосударственная программа рассчитана на десятилетия.

По предложению президента города Калиша Анджея Спыхальского, который в прошлом сам прошел школу трудовых отрядов, в воеводстве организован «банк работ», куда директора предприятий дают заявки на работу для молодежи.

— У нас тут,— весело улыбается президент,— как на аукционе. Ребята нарасхват!

Добровольные отряды труда помогают решать такую серьезную проблему, какой стал дефицит кадров. Предприятиям, стройкам, сельхозкомбинатам позарез нужны рабочие руки, особенно летом, в пору отпусков. Трудно найти желающих выполнять работу, не требующую особой квалификации. Отсюда такой спрос на добровольцев.

— Ребята,— продолжал Анджей Спыхальский,— идут охотнее всего не туда, где высокие заработки, а туда, где выше культура производства. Даже микроклиматом в бригадах интересуются. И это правильно, я бы даже сказал — полезно: требования молодых порой стимулируют директоров.

В музее учебно-производственного комплекса имени К. Сверчевского мне показали трофеи отрядов труда. Сияющие кубки, дипломы, памятные медали, великолепная ваза — приз министерства морского хозяйства и внешней торговли. «За Гдыню», пояснил директор. Золотые, серебряные и бронзовые колосья — за участие в сборе урожая. А поверху, над всем этим богатством, алел лозунг: «Отчизне, всем, себе!»

Калиш — Варшава.

Каникулы на верфи и в поле.

А. Яковлев. ЖЕНЩИНА МГОГО С РЕБЕНКОМ.

А. Яковлев. ВОИНЫ ДЖЕРМЫ.

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

10

— Это наш Игорек, — сказала женщина и ласково погладила мягкой ладонью фотографию, взятую Тадавой из дела. — Его убили в Бреслау...

— А рядом с ним кто, Серафима Николаевна? — спросил Тадава.

— Это мичман Громов, его тоже убили в Бреслау, Лидочка погибла там же, а Гриша Милинко пропал без вести, так его мама ответила...

В колхоз «Светлый путь» Осташковского района участковый Гришаев приехал вечером следующего дня — с копией той фотографии, на которой были сняты Игорь Северский (Шахов был его дедом по матери), мичман Василий Громов, сестра милосердия Лидия Жженова и Григорий Милинко.

— Конечно, Гриша, — ответила старуха Милинко. — Это и есть мой сын.

В избе ее покосившейся — два окна забраны фанерой — было холодно, не прибрано, почти пусто.

— Так он что ж, так и не приехал? — спросил участковый.

— Бумага заместо него приехала, что он без вести пропал. Муж помер, не убили — помер! А Гришенька... Сейчас-то уж забылось, а раньше как глядели — у других по-честному погибли, только мой, вишь, без вести... А что приехал-то? Может, чего хорошее скажешь?

— Есть смысл, — угрюмо ответил Жуков, — днем раньше, днем позже, а дело только выиграет, если погодить.

— Я сводки ваши читаю, нет в них ничего. Едем, я чувствую, надо ехать.

— Вы хоть при молодежи про чувства не говорите, я ведь воспитываю их: «Чувства девице оставьте, логикой жить надо»...

— Логика, между прочим, тоже чувственна. Сначала чувство, а уж потом его исследование. Когда наоборот, тогда идея в реторте, неинтересно... С художников надо брать пример, с писателей — они умнее нас и знают больше, потому как обесхоженные, то есть чувственные. У нас с вами под рукой и сводки, и донесения, и таблицы, а все равно они точнее все ощущают, тоньше, следовательно, вернее. А почему? Чувство, Жуков, чувство!

— Так и начнем сажать кого попало — чувствую, и все тут!

— Сажать — чувства не требуется. Я ж не сажать Журавлева хочу, а, наоборот, вывести из-под подозрения. Разве до них не может дойти, что вы ими интересуетесь? Думаете, они тогда спокойно спать будут? Когда честного человека долго подозревают — ненароком можно его в преступника превратить...

11

— То есть как не знаю? — удивился Журавлев, усадив на диван Костенко и Жукова,— Михаил родом из Весьегонска, и мы оттуда же. А в чем дело?

С кухни, вытирая руки ослепительно белой медицинской салфеткой, вышла красивая, высокая женщина. В отличие от загибаловской жены глаза ее были обычны, тусклы даже, однако высокий лоб, вздернутый веснушчатый нос и очень красивый рот делали лицо женщины запоминающимся, как-то по-особому зовущим.

— Товарищи из милиции,— пояснил Журавлев.— Интересуются Мишей.

— Мы им тоже, кстати, интересуемся,— ответила женщина.— Обещал передать посылку маме, да так и не передал... Копченая колбаса и две банки красной икры...

— Он не писал вам больше? — спросил Жуков.

— А он никогда не писал. Он только телеграммы отправлял, образованием не замучен,— усмехнулся Журавлев и повторил: — А живаться, а это ведь плохо. «Впрочем,— подумал он,— с кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой».— И тут же себе возразил: — Но это Пастернак писал о художнике, а здесь мы имеем дело с красивой ветеринаршей, две большие разницы, как говорят в Одессе».

— Я замечал это,— ответил наконец Костенко,— и согласен с вами, но мой коллега не думал обидеть память мамы вашего друга. Просто, увы, мы привыкли говорить языком протокола, а в протоколе слово «мама» не употребляется, как и «папа», впрочем. А пришли мы к вам вот с каким вопросом: когда вы в последний раз видели Минчакова? С кем? Что он вам рассказывал о себе, о своих планах, друзьях? был ли он с похмелья? Весел? Грустен?

— Да вы объясните, в чем дело,— капризно рассердилась женщина,— иначе вспоминать трудно.

— Вот если мы объясним, в чем дело, вы как раз и можете все напутать,— ответил Костенко.— Вы станете — хотите того или нет — подстраиваться под то, что мы вам откроем. Чуть позже мы все скажем...

— Ничего не понимаю,— резко повернувшись, женщина вышла на кухню.

— Гражданка Журавлева,— скрипучим голосом сказал Жуков,— вы вернитесь, пожалуйста, в комнату, потому что мы к вам не в ладушки пришли играть, а работать. Если желаете, могу вас официально вызвать в угрозыск для допроса...

— Так я к вам и пришла,— усмешливо откликнулась женщина с кухни.

Жуков посмотрел на Костенко, пожал плечами: «Доигрался, мол, полковник, в демократию, вот теперь и выходи из положения».

— Вас доставят в милицию приводом,— сказал Костенко.— Пожалуйста, сядьте рядом с мужем, и мой коллега начнет записывать ваши ответы.

— Дина,— сказал Журавлев,— ну, успокойся, иди сюда.

— А с чего ты взял, что я неспокойна?! — спросила женщина, возвращаясь в комнату (белая салфетка по-прежнему была в ее тонких, красивых пальцах).— Рассказывай, я буду добавлять, если что не так...

— Миша приехал к нам вечером,— начал Журавлев.— Не помню, в какое время, но уже давно было темно, да, Дин?

— Да я и сам ничего не знаю, мамаша... Велели показать фото, чтоб ты опознала, вот я и прибыл... Вот тут распишись, мол, все верно, он и есть мой сын Григорий.

Магаран. Работа-IV.

Костенко выслушал Тадаву, подул в трубку, спросил:

— Участковый только фото показал? Не поговорил с матерью? Фронтовых карточек Милинко попросил?

— Я его не сориентировал, моя вина...

— Вот вы ее и исправьте.

Заключение магаранской экспертизы принес Жуков. «Скорее всего, труп Минчакова был расчленен неспециалистом, однако в связи с давностью совершения преступления категорического ответа на поставленный вопрос дать не можем».

— Ладно, едем к Журавлевым, — сказал Костенко, выйдя с Жуковым из городской клиники, — больше тянуть смысла нет.

в чем дело, почему вы им заинтересовались? Попал он в тюрьму случайно, вышел, работал, как я знаю, отменно...

— У него родных нет? — спросил Жуков.

— Отчим, по-моему, есть, но он с ним не дружит,— ответил Журавлев,— тот вроде бы с матерью его был груб, Миша его винил в смерти Аграфены Васильевны...

— Это кто такая? — спросил Жуков.— Мать, что ль?

— Да, мама,— ответила Журавлева, посмотрев на Жукова сузившимися глазами.

— Обиделись на слово «мать»? — Костенко вздохнул.— Меня тоже коробит, хотя, позволю напомнить, название романа Горького кажется нам прекрасным — «Мать».

— А вы замечали,— ответила женщина,— что слово написанное и слово сказанное разнятся друг от друга?

Костенко подумал, что Журавлева представляет собой такой тип женщин, настроение которых меняется мгновенно; люди, столь остро реагирующие на слово, относятся, как считал Костенко, к числу самоедов, с ними трудно, постоянно надобно выверять себя, подла-

— А какая разница? — пожала она плечами.— Правильно, вечером...

— Снег еще пошел.

— Снег с дождем,— уточнила женщина.

— Да, верно, снег с дождем.— Журавлев закурил, сцепил пальцы, вывернул их. Хруст был ужасен. Костенко поморщился.— Он спросил, готова ли посылочка для мамы, но Дины еще не было дома; я сказал, что она сегодня должна все собрать, попросил его приехать попозже или завтра утром, а он ответил, что тогда опоздает на самолет. Я ему предложил перенести вылет на завтра, чтобы Диночка не бегала с посылкой, спешка нервирует, потом в себя не придешь...

— А вы где были? — не глядя на женщину, спросил Жуков.

— Это кого спрашивают? — поинтересовалась Журавлева.

«Ну, змея,— подумал Костенко,— не баба, а змея, ей-богу».

— Это вас спрашивают,— сказал Костенко.— Вы когда пришли?

— Не помню... Когда я вернулась, Миша все еще не хотел оставаться, но я сказала, что

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—24.

встретила его подругу и она им очень интересуется. После этого я поняла, что он задержится...

— Он был сильно пьян?

— Нет.— Журавлева быстро взглянула на мужа.— Я, во всяком случае, не заметила.

— Как зовут подругу? — спросил Жуков.

— Дора,— ответил Журавлев, глянув на жену,— Дора Кобозева.

— Дора Кобозева? Она черненькая? Миниатюрная? — легко спросил Костенко.

Журавлева усмехнулась:

— За глаза ее зовут «Бульдозер»... Она огромна... И очень не любит свое имя, просит, чтобы звали, как меня,— Дина.

— Дора Семеновна, кажется, так? — продолжал свое Костенко.

— Дора Сергеевна, если уж точно,— отчего-то обрадовался Журавлев,— не Семеновна, а Сергеевна.

— Она что — подруга ваша? — спросил Костенко Журавлеву.

— Нет. Знакомая. Раза два Миша, когда приезжал сюда с рудника погулять, приводил ее к нам.

— Они у вас ночевали? — спросил Жуков.

— У меня семейный дом,— ответила Журавлева, и глаза ее снова сузились.

— У нее, значит, спали? — уточнил Жуков.

— У нее нельзя,— суетливо ответил Журавлев,— одна комната, ребенок и мать ее первого мужа.

— А откуда вы все о ней знаете, если видели всего два раза? — спросил Жуков.

— Я приезжал к ним на квартиру, когда гуляла их собачка — карликовый доберман... Тогда, кстати, Миша с нею и познакомился,— он был у нас в гостях; я предложил ему поездить со мною, помочь, если придется оперировать на дому...

— А где Дора Сергеевна работает? — спросил Костенко.

— Вы меня спрашиваете? — снова уточнила Журавлева.

Костенко поднялся, сказал:

— Миша, ваш знакомый, убит, обнаружен недалеко от аэропорта...

— Ой,— прошептала Журавлева,— Рома, Рома, какой ужас...

Журавлев вскочил с кресла, обежал вокруг стола, схватил жену за руки:

— Диночка, что с тобой?! Дать валидол?! — Он обернулся к Костенко.— У нее ж порок сердца, зачем вы так?! Смотрите, как она побелела!

— Сами спрашивали, «что случилось»,— ответил Жуков.— Завтра приходите к девяти, пропуска вам будут выписаны. Или повестку прислать?

— Погодите же,— сказала Журавлева.— Погодите... Дайте мне успокоиться, сядьте, пожалуйста, хорошо, что вы сказали эту страшную правду... Присядьте, сейчас я буду все вспоминать, вам же каждая мелочь важна... Рома, принеси воды...

Журавлев выбежал на кухню. Жуков посмотрел вопросительно на Костенко: тот опустился на стул; майор тоже сел, не скрывая неудовольствия.

— Это было осенью, в октябре, да, в октябре,— начала рассказывать женщина,— действительно, шел мерзостный снег с дождем. Когда я вернулась из парикмахерской, Миша собирался уходить. «Нет, нет,— говорил,— я полечу, мечтаю завтра в море выкупаться, может, кто другой передаст вашим посылочку, не сердитесь».

— В каком еще море? — спросил Жуков.— Он же в Москву летел!

— Нет, нет, у него было два билета: Магадан — Москва, а потом Москва — Адлер, в Весьегонск он должен был заехать на обратном пути или же отправить посылку из Москвы, отсюда очень дорого, только самолетом...

— У вас в доме телефон есть? — спросил Костенко.

Журавлев, вернувшись со стаканом воды, который жена его, не пригубив даже, поставила на стол, ответил:

— На пятом этаже, в семнадцатой квартире, там заведующий овощной базой, ему протянули воздушку.

— Позвоните по поводу Доры,— сказал Костенко Жукову,— чтобы к нашему возвращению что-нибудь было уже.

— Сколько этой Доре лет? — спросил Жуков, по-прежнему не глядя на Журавлевых.

— Лет тридцать, не больше.

— Живет где?

— Не помню,— ответил Журавлев,— не стану вводить вас в заблуждение, где-то на окраине...

— Когда хотите, можете культурно говорить,— пробурчал Жуков,— а то ведь словно с нелюдями какими обращались...

— Но я не знала, в связи с чем вы пришли!

Костенко поморщился:

— Это изящная словесность. Мой коллега интересуется адресом Доры. Нам надо ее найти, обязательно найти сегодня же, это, надеюсь, вам понятно?

— Да, да, а как же! — ответил Журавлев.— Она очень важный свидетель.

— А вы что — не важные? — заметил Жуков, поднимаясь.— Тоже важные. Вы его назавтра видали?

— Конечно. Он приезжал за посылкой,— ответила Журавлева.

— Один? — спросил Костенко.

— Один.

Жуков вышел из квартиры — звонить.

— Что из себя представляет эта Дора? Какая она? — рассеянно продолжал Костенко.

— Никакая,— ответила Журавлева, и что-то жестоко-презрительное промелькнуло в ее глазах.

— Как понять? — спросил Костенко.

— Пегая она... Крашеная...

— Минчаков с чемоданом пришел?

Журавлевы переглянулись.

— По-моему, без,— сказал Журавлев.

— Нет, с чемоданом,— возразила женщина,— мы еще смотрели, не уместится ли в его чемодан наша посылка, ты что, забыл?

— Да, забыл,— сразу же согласился Журавлев.

— Что у него было в чемодане?

— Я не помню,— ответил Журавлев.

— Там были рубашки,— ответила женщина.— Белая и синяя. Бритва была, электрическая бритва и новые черные туфли с длинным носком.

— Это все, что вы запомнили?

— Да, это все.

— Простите, вы первым браком женаты? — спросил Костенко.

— Да,— ответили Журавлевы одновременно.

— А Минчакова помните еще с Весьегонска?

— Да,— ответил Журавлев.

— Вы там дружили?

Журавлевы снова переглянулись.

— Он там был моим соседом,— ответила женщина,— очень услужливый человек Миша Минчаков: подвезти, помочь — всегда готов.

— Вы знали его еще до знакомства с вашим мужем?

— Да, а что? — тихо спросила женщина.

— У него в Весьегонске никаких романов не было? Увлечений?

— Он же очень маленький, невероятно страдал от этого, как ребенок, переживал, что не вышел ростом,— ответила Журавлева.— Он ведь очень красивый... Когда сидел за столом и не видно было, какой он маленький, просто глаз от него не отведешь — так он был мил...

— Понятно,— задумчиво протянул Костенко.— Теперь давайте подытожим... Пришел к вам Минчаков в середине октября, точную дату вы не помните, видимо...

— Это была середина месяца,— сказала Журавлева.— Погодите, я ж накануне получала аванс, да, да, это было пятнадцатого или шестнадцатого октября...

— Значит, по вашей просьбе Минчаков пе-

ренес вылет на шестнадцатое или семнадцатое, так?

— Да,— ответила женщина и сделала маленький глоток из стакана; рука у нее теперь чуть дрожала.— Он поехал за Дорой...

— А в день вылета Минчаков приехал к вам вечером, взял посылку, и больше вы его не видели?

— Нет,— сказала Журавлева.— Не видали.

— Как вы упаковали посылку?

— В сумочке. Обшили материалом, крепко перевязали, нести удобно, совершенно негромоздко.

— Теперь постарайтесь вспомнить: о чем вы с ним говорили во время последней встречи?

— Да ни о чем,— ответила Журавлева.— «Спасибо, Мишенька. Как погулял с подругой? Когда вернешься? Может, ее с собой возьмешь в море купаться?» Посмеялись — и все...

— Вы ему задавали эти вопросы, а что он вам на них отвечал?

— Ответил, что хорошо погулял,— сказал Журавлев, не отрывая глаз от жены,— сказал, что Дору с собой не возьмет...

— «С ней, сказал, самолет не взлетит,— усмехнулась Журавлева,— такая она стала толстая, не следит за собой, хлеба ест по батону за один присест»...

— Какая у вас девичья фамилия? — спросил Костенко.

— Кузина.

— А отчество?

— Сергеевна.

— Сколько времени Минчаков пробыл у вас в последний вечер?

— Он даже в квартиру не зашел,— ответила Журавлева, вздохнув,— мы обмолвились парой слов на пороге...

Вернулся Жуков, кивнул Костенко, но садиться не стал.

— Что-нибудь новое?

— Да.

Костенко поднялся:

— Вы постарайтесь сегодня вспомнить все, что можете, начиная с того дня, когда познакомились с Минчаковым, хорошо? Завтра с утра вы должны быть готовы к разговору, нас интересует все, абсолютно все...

Спускаясь по лестнице к машине, Жуков пробурчал:

— Ваш помощник, грузин этот, только что доложил из Москвы — по минчаковским аккредитивам он же, Минчаков, получил двадцать третьего октября деньги, все пятнадцать тысяч, в Адлере и Сочи.

— Для экспертизы образцы подписи взяли?

— Этого он не сказал.

— Взяли, наверное... Теперь надо ваших в аэропорт отправлять, поднимать архивы билетных касс, что с минчаковским билетом сталось.

— Журавлевы дату точно назвали?

— А бог их знает. Надо смотреть начиная с пятнадцатого октября, день за днем...

— Нахлебаемся,— вздохнул Жуков.— Темное дело, просвета не вижу. Кобозевых этих семых Дор двенадцать...

— «Бульдозер» один,— усмехнулся Костенко,— надо, чтоб ее сегодня же установили... А Журавлева покойника к Доре ревнует... И по пьянке он не Дору называл Спиридону, а Дину... И по инициалам одинаковы: ДСК.

— Коротышка — и с такой кралей, думаете, шуры шуровал?

— Э, майор, секс — такое дело, где черт ногу сломит, да и мы никак с Фрейдом до сих пор не разберемся...

— Фрейд снами занимался, а ведь черт не дремлет, пока господь почивает.

— Ставлю «отлично» — за избыточный интеллектуализм,— сказал Костенко.— Пока Дору-бульдозер ищут, едем к вашей благоверной — пирожки есть.

12

Жена Жукова выглядела старше майора. В ней, однако, было заключено какое-то умиротворенное спокойствие — это сразу бросалось в глаза; весь облик женщины как бы располагал к тишине и отдыху.

— Молодцы какие, что вырвались,— сказала она, и не было в ее голосе ничего наигранного (она, конечно же, знала, что Костенко из Москвы, большой начальник), но встретила его просто, как и положено, видимо, было в этом доме встречать мужа и его гостей.

— Пирожки с чем? — поинтересовался Жуков, провожая Костенко в ванную комнату.— Лук с яйцом?

— Лук с яйцом,— женщина добродушно передразнила «мужа»,— мясо выбросили, говядину.

Костенко тихо спросил Жукова:

— Как супругу величают, вы ведь нас не представили.

— Она знает, как вас зовут, у всех сейчас на языке. А ее — Ирина Георгиевна...

— Врач?

Жуков улыбнулся:

— Учитель.

Когда вернулись из ванной, Ирина Георгиевна уже разлила борщ по тарелкам, поставила на стол пирожки и горячую картошку, присыпанную луком.

— По рюмочке выпьете? — спросила она.

— Нет,— ответил Жуков,— в сон потянет, а у нас работы невпроворот.

— А ты чего за гостя говоришь? — сказала женщина.— Мильтон, одно слово!

Костенко рассмеялся:

— Ирина Георгиевна, второй мильтон тоже, увы, откажется: работы действительно много.

— Наше дело предложить,— сказала она.— Угощайтесь, пожалуйста.

— Борщ отменный,— сказал Костенко,— как украинец свидетельствую.

— Будто у вас борща не варят,— заметил Жуков.— Было б мяса поболее да сала, русские борщ вкуснее сделают...

— Тебе б все спорить, Леня...

«А я и не знал, что его зовут Леня»,— отметил Костенко.

— Еще подлить, Владислав Романович?

— Спасибо, с удовольствием. Вы, простите, что преподаете? Литературу?

— Нет. Математику.

— Всегда боялся математики,— вздохнул Костенко.— До сих пор страшные сны снятся — будто завтра надо сдавать тригонометрию, а я ни в зуб ногой.

— А сейчас программа невероятно усложнилась, мне ребят жаль...

— Ты себя лучше пожалей,— сказал Жуков; пояснил гостю: — До трех часов ночи готовится к уроку...

— Ну уж и до трех... А вообще, мне кажется, зря мы так жмем ребят... У меня, знаете, мальчик есть в девятом «А», Коля Лазарев, и в самодеятельности талантливый и стихи прекрасные пишет, а в математике — тоже, как вы, слаб. Вот мне и кажется, надо бы специализацию вводить смелее, больше прав давать ребятам — еще в начальной школе выявлять себя, а то мы их стрижем под одну гребенку...

— А может, разумно это? — задумчиво, словно бы себя спрашивая, откликнулся Костенко.— Мы хотим — причем везде и во всем — наибольшего благоприятствия. И растим безмускульное поколение... Сильный выбьется; учителя помогут, да и потом районо вам второгодника не простит, перетащите в следующий класс, на экзамене подскажете, шпаргалку не заметите... Так что, думаю, ваш Коля Лазарев, если только не развлекается, а действительно пишет стихи, то есть работает, трудно работает,— выбьется.

— Про безмускульность верно,— согласился Жуков.— Но и тому, чтобы поколение умело наращивать мускулы, надо помогать. Вот я из деревни родом, да? Так я еще мальчишкой застал время, когда с дедом на базар ездил, сливы продавал — доволен был, за прилавком стоял, з а р а б а т ы в а л, а теперь считается, что, мол, детям зарабатывать ни к чему. Неверно это, баловнями растут, на родительских шеях сидят, полная безмускульность. Надо ж сказать — громко и открыто: «Валяйте!» Вон, семнадцатая статья Конституции — открывай себе кафе или пошивочную мастерскую — прекрасно! А подите-ка в финотдел, спросите разрешения?! Затаскают по столам, замучают, пропади это кафе пропадом! А как бы нам всем жить стало легче, открой таких кафе в городе штук пятьсот! Семейное кафе, дом, там хулиганство как-то в схему не укладывается, в семейном кафе и стены добру помогают...

— Заберу я вашего благоверного в Москву,— сказал Костенко женщине,— говорит так, будто мои мысли читает...

— Слишком уж разошелся,— сказала Ирина Георгиевна,— сейчас все такие смелые стали...

— Разве плохо? — удивился Костенко.— Помоему, замечательно, что стали смелыми...

— Поди выпори смелого,— улыбнулась Ирина Георгиевна.— А нас пороть надо... У меня в прошлом году окончил десятый «В» Дима Романов, пришел через три месяца на вечер в школу и говорит: «Я теперь в «ящике» работаю, больше вас получаю, Ирина Георгиевна, сто шестьдесят — отдай и не греши!» А от него вином несет, от чертенка! Я ему говорю: как же можно в школу приходить пьяным, а он мне: «Я рабочий, гегемон я, нам все права, Ирина Георгиевна,— ваше время кончилось».

— Я б такого гегемона за чуб оттаскал,— сказал Жуков.— Дрянь этакая!

— За чуб таскать — старорежимно,— хмыкнул Костенко,— а вот гнать с работы за пьянство давно пора, иначе поздно будет. Причем я бы в три приема гнал: за первый случай пьянства на работе или перед нею — увольнение на месяц с выплатой четвертой части зарплаты, чтоб семья не осталась без средств. Второй случай — карать увольнением на месяц, но без выплаты пособия, а за третий раз — волчий билет! Разве можно представить себе, чтобы сельский врач, получающий восемьдесят рублей в месяц, или учитель со своими ста двадцатью рублями пришел на работу с похмелья или в перерыв поправился махонькой?!

Когда Ирина Георгиевна принесла чай, Костенко спросил Жукова:

— А вы заметили, что сейчас, когда три человека собираются, сразу начинают говорить о том, что наболело, всех беспокоит?

— Толк каков?

— Есть толк,— убежденно ответил Костенко.— Количество говорящих о том, что болит, не может не перейти в качество, то есть в открытую борьбу против тех очевидных глупостей, которые нам мешают, словно гири на ногах висят. А вообще проблема «думского дьяка» — родоначальника нашей бюрократии — область, еще социологами не изученная, от него, от бюрократа, идет постепенность, а она не всегда угодна прогрессу. Я не могу взять в толк — и ни один директор завода в толк взять не может,— отчего нельзя пьяницу и лентяя прогнать, а его зарплату передать другим членам бригады? Ну почему? Где логика? Дьяк не может позволить, чтобы произнеслось слово «безработный». «Как это так, а где завоевания революции?!» В том они, завоевания-то, что рабочих на каждом предприятии с руками рвут, а гнать надо тех, кто пьет, а не работает, но при этом рубашку на груди рвет: «Я — гегемон!»

Зазвонил телефон.

Жуков затянул галстук, поднялся:

— Про нашу душу, полковник, едем.

11

—По-моему, именно эта дама и есть Дора-бульдозер,— сказал Костенко, отложив одну из двенадцати фотографий.— Вам не кажется, майор?

— А бог ее знает. Поедем, выясним.

В машине Костенко, зябко закутавшись в плащ, спросил:

— Кстати, по отчеству вас как?

— Иванович.

— Леонид Иванович?

— Алексей Иванович. Леней меня только жена называет.

— Ну, значит, с Мишей Минчаковым я познакомилась у меня дома,—рассказала Дора,— он с ветеринаром Журавлевым приезжал... А потом я его к Григорьевым пригласила, он им после мясо с рудника привозил, оленину; брал недорого, по пять рублей за кило... Ну, значит, слово за слово. Он деньги получил и говорит: может, сходим в кино? А это в субботу было, ну, я и согласилась. Мы «Гамлета» смотрели и «мультики». Потом он говорит: может, посетим ресторан? Но там мест не было, в кафе тоже очередь стоит, поговорить, значит, негде. Ну, он и говорит: может, к Григорьевым зайдем? И зашли, конечно. Посидели, поговорили, выпили немножко... Он потом, как приезжал в город, всегда меня через Григорьевых находил. А в чем дело-то?

— Сейчас объясним,— сказал Жуков.— Только сначала давайте уточним: вам тридцать три года, родились вы в Иркутске, сюда приехали семь лет назад, здесь развелись, работаете в ателье мод, живете с дочерью от первого брака и с матерью мужа. Верно?

— Верно.

— С Диной Журавлевой давно познакомились? — полюбопытствовал Костенко.

— Ну, значит, точно сказать не могу, год, наверное, он меня с ней в магазине познакомил, когда мы брали вино и сырки, к Григорьевым шли гулять...

— Вы давно Мишу не видали? — спросил Жуков.

— Давно! С осени. Он как в отпуск улетел, так и не вернулся.

— Вы что, на аэродром его проводили? — поинтересовался Костенко.

— Нет, мы его в такси посадили.

— Это кто «мы»? — спросил Жуков.

— Григорьевы и Саков.

— Григорьевы где живут?

— Григорьевы-то? Ну, значит, как с улицы Горького повернете, так второй дом, они на седьмом этаже, у них еще балкон с навесом, они там зимой мясо держат...

— Дом девять, что ль? — спросил Жуков.— Блочный, серый?

— Он,— обрадовалась Дора,— точно описали!

Жуков вышел. Костенко предложил женщине сигарету, она закурила.

— Вспомните, пожалуйста, вашу последнюю встречу, Дора Сергеевна,— сказал Костенко.— Это когда было? Пятнадцатого октября? Или шестнадцатого?

— Так я не могу... Так точно-то... Вроде бы в октябре, дождь со снегом шел, а когда именно, не помню... Он приехал грустный, с похмелья, сказал Григорьевым, что летит на море, в отпуск; спросил, где я, они сказали: на работе. Ну, значит, он пришел и спрашивает, не хочу ли я с ним встретиться. Я ответила: а чего ж нет? Давай. Он говорит, значит, у Григорьевых останемся, а я ответила: ладно. Ну, он купил закуски, вина, у меня смена пораньше кончилась. Пошли к Григорьевым, остались у них, Высоцкого играли, Саков пришел. Потом выпили на посошок, ну и распрощались...

— Он никуда не собирался заехать по дороге на аэродром?

— Нет, он только хотел какую-то металлическую мастерскую найти, у него замок на чемодане сломался, боялся, как бы в багажном отделении не раскрылся, а он туда аккредитивы сунул, чтоб с корешками вместе не держать, так все советуют — корешки от чеков поврозь.

— Когда у него был рейс, не помните?

— Да вроде в двадцать три двадцать...

— А чего ж он в семь уехал?

— Ну, значит, во-первых, пойди такси поймай, а потом он в мастерскую хотел...

— Телефона у Григорьевых нет?

— Откуда? Они повара, на кой им телефон?

— А вы у Григорьевых потом долго сидели?

— Да нет... Музыку еще маленько послушали и разошлись.

— А Саков? Он первым ушел?

— Нет, он остался, он промерз, когда таксисту помогал мотор чинить. Миша-то волновался — такси есть, а не едет... Ну, а Саков помог... Остался у Григорьевых — чайку с коньяком попить. А я пошла к ребенку, ночью-то не была, надо узнать, как там... А в чем дело?

— Дело в том, что Минчакова в тот день, когда он от вас уехал, убили.

— Ох! — Женщина даже сделалась меньше ростом — так осела она на стуле.— За что ж, маленького-то, а?! Такой ведь хороший был человек, тихий... Вот судьбина проклятая, только увидишь доброе сердце — так нá тебе...

12

С Григорьевыми работал Жуков; Сакова — заместителя начальника отдела главного технолога — разыскали только в одиннадцать часов; разбудили — он рано ложился спать, потому что на фабрику приходилось добираться сорок минут, а смена начиналась в восемь; привезли в управление.

Костенко тянуть не стал, начал с вопроса:

— Вы шофера, который Минчакова увез, помните?

— Какого еще Минчакова? — не понял Саков.

— С которым в прошлом году у Григорьевых встретились?..

— Ах, этó такой маленький, в сером костюме?

— Именно.

— Как вам сказать? Конечно, много времени прошло, трудно точно ответить... Я больше в моторе ковырялся, свечи барахлили... Кряжистый мужик, лет пятидесяти, вежливый...

— Волосы какие?

— Не седые еще... Нос не очень большой, вроде как боксерский; в кожанке... Хотя они тут все в кожанках, это у них как униформа...

— Номер машины запомнили?

— Да нет же, зачем? А отчего вас все это интересует?

— Нас это все интересует потому, что вы и Григорьевы были последними, шофер, конечно, тоже, кто видел Минчакова живым. Он до аэродрома, видимо, не добрался, его труп нашли на полдороге, расчлененный труп...

— Вот ужас-то! Так, погодите, погодите-ка, кольцо вроде бы у шофера было на руке... Или я с другим путаю?

— Ну, а что еще?

— Знай, где упадешь — соломки б подстелил...

— По фотографии легко узнаете? — нажал Костенко.

— Узнаю наверняка, в нем что-то такое есть...

— Зловещее?

— Нет, не так. Запоминающееся.

«Про «легко» я ввернул вовремя,— удовлетворенно подумал Костенко,— я помог ему увериться в себе самом. Если бы я просто спросил: «вспомните ли», он мог заплавать, начал бы сомневаться. Всегда надо давать человеку не один шанс, а два».

— Когда вы вернулись домой в тот день?

— Вы подозреваете меня?!

— Я выясняю обстоятельства дела. Вы, Дора, Григорьевы, Журавлевы и шофер были последними, кто видел Минчакова. Понимаете, отчего я так интересуюсь всеми подробностями, малосущественными на первый взгляд?

— Но я ничего не помню, товарищ полковник! Опросите соседей, может, они вам помогут! Почему б не спросить Григорьевых? Дору?!

— Спросили.

— Так она ведь должна помнить больше! И Григорьевы давно его знают.

— С Григорьевыми сейчас беседует мой коллега... Не помните, о чем шла речь у Григорьевых, когда вы пришли туда, чтобы проводить Минчакова?

— Да не провожал я Минчакова! Я его в первый раз увидел! Я случайно к Григорьевым зашел! Ну, помог пьяному человеку поднести чемодан, ну, в моторе таксиста поковырялся... А о чем говорили? Пустое, болтовня... Я ведь к Григорьевым захожу только потому, что мы с ним вместе на рыбалку ездим, он незаменим как рыбак... Общих интересов у нас нет... Высоцкого слушали — это я помню, но сейчас, по-моему, его все слушают: и те, кто хвалит, и те, которые ругают... Мне кажется, Минчаков рассказывал, как он мечтает залезть в теплое октябрьское море... Ну, убейте, не помню больше ничего!

— Убивать не стану,— пообещал Костенко,— но попрошу напрячь память и сосредоточиться.

— А вы можете вспомнить подробности беседы, которая состоялась полгода назад с людьми, вам совершенно неблизкими?

— Если бы мне сказали, что один из этих людей был убит через час или два после того, как я посадил его в такси,— вспомнил бы.

— Ну, хорошо, ну, погодите... Я пришел, они сидели за столом, дым коромыслом, сразу видно, с утра гуляют... «Садись, дорогой, будешь гостем!» «Да нет, надо ж домой, сегодня свободный вечер, хочу грузил наделать и крючки посмотреть на форель, эти слишком блестящие, может, покалить стоит». «Не надо, я банку красной икры достал, форель ее с пальца хватать будет... Знакомься». Познакомились. Минчаков этот пьяный был... Грустный какой-то... Может, и не убивали его, а сам погиб?

— Сам же себя на куски и разрубил?

— Да, идея никуда не годится... Нет, положительно, кроме разговора о крючках для форели и банке красной икры, я ничего не помню... И Минчаков этот самый и Дора какие-то безликие. Она все время к нему приставала, он ее рукой отводил: «Погоди, скала, дай мне отдохнуть, ну что ты такая настырная? Женщина должна отказывать, тогда она в цене»...

— Дора обиделась?

— Нет, по-моему. Смеялась. «Дурачок, чего от добра добро ищешь? Цени тех, кто к тебе льнет».

— Вот видите, как много вы вспомнили,— заметил Костенко.— А что было, когда уехал Минчаков?

— Дора ушла чуть не сразу... Я побыл еще часок, отогрелся и поехал домой... Погодите, погодите, когда я уходил от Григорьевых, их сосед из квартиры напротив, его зовут Дима, он с нами иногда ездит на рыбалку, сказал нам: «Парни, есть возможность достать японскую леску. Войдете в долю?»

— Ну? Вы вошли?

— Конечно. И я и Григорьев.

— Деньги отдали сразу?

— А он просил не в деньгах... Коньяком просил.

— Когда вы ему принесли коньяк и сколько?

— Назавтра. Две бутылки армянского, три звездочки...

Продолжение следует.

СЕКРЕТЫ КРАСОТЫ

В. МОРОЗОВА

На страницах «Огонька» мы уже вели разговор о косметике — искусстве украшать внешность человека, маскировать всевозможные недостатки кожи. Сегодня мы расскажем о косметологии[1] — науке, которая стоит на страже красоты женщины, помогает сохранить ей то, что природа щедро дает нам в молодости, а также исправляет ее огрехи, то есть косметические недостатки.

История косметологии насчитывает не одно тысячелетие.

Выдающийся древнегреческий врач Гиппократ, один из основоположников античной медицины, высказывал истины, непреложные и в наши дни. Он считал, что красивым и здоровым можно быть, лишь соблюдая диету, используя солнечный свет и выполняя физические упражнения. В своих трудах о кожных болезнях он уделил внимание и косметологическим недостаткам. Для освежения увядающей красоты он предписывал женщинам особые притирания. Его ученики продолжили свои исследования по косметике, введя массажи, масла и мази для смягчения кожи. Появились специальные труды, посвященные уходу за волосами, кожей лица, глазами, руками, зубами. Римляне широко использовали для улучшения внешнего вида гимнастические упражнения, массажи, ходьбу, купания в целебных источниках, уход за кожей.

Появился очень интересный учебник по косметологии Клавдия Галена, широко образованного для своего времени ученого. Позднее вышел знаменитый «Канон врачебной науки» Авиценны.

Было в истории этой науки и много курьезного.

В середине XVI века, например, была очень модна книга Жираламо Русселн «Секреты синьора Алексиса». Вот один из его рецептов: «Возьмите белых голубей и кормите их сосновым семенем в течение 15 дней. Затем прирежьте их, оторвите головы, ноги, вытащите внутренности; пропустите их через перегонный куб, затем добавьте туда мякоть белого хлеба, смоченного в миндальном молоке, 400 граммов телячьего мозга и топленое свиное сало. Все это вскипятите на медленном огне, и вы получите великолепное средство для протирания лица».

В России первый институт врачебной косметики был открыт в 1910 году. В годы Советской власти были открыты несколько специализированных врачебно-косметических учреждений. В 1949 году начал свое существование институт косметики в Киеве и в 1952 году институт врачебной косметики в Москве (ныне Московский институт косметологии).

Основная задача института — изучение причин возникновения косметических недостатков и разработка методов их лечения.

Лицо женщины — зеркало здоровья, и поэтому забота о сохранении его естественной красоты — одновременно средство поддержания общего здоровья, жизненного тонуса, энергии, настроения и трудоспособности.

[1] В 1935 году на Международном конгрессе дерматологов в Бухаресте было предложено заменить слово «косметика» термином «косметология», имея в виду самостоятельную отрасль медицины, разделив таким образом два понятия

Интерес к косметологии сейчас огромен, но, к сожалению, не все имеют возможность посещать косметические кабинеты. К тому же жизнь современной женщины так насыщенна, так активна, что времени ни на что не хватает. Именно поэтому многие читательницы обращаются в нашу «Страничку» с просьбой посоветовать, как ухаживать за кожей лица в домашних условиях.

Ответить на вопросы Н. Константиновой из Елани, Г. Ф. Авсиевич из Гурьевска, О. Иваненко из Сыктывкара и многих других мы попросили заведующую отделением косметологии Московского института косметологии Ольгу Сергеевну Рождественскую. В этой беседе мы затронули только одну сторону косметологии, гигиеническую, не касаясь вопросов серьезного лечения.

ВОПРОС. В одном из писем наши читательницы просят их научить правильно умываться. Действительно ли умывание такой уж важный ритуал в уходе за кожей лица?

О. Рождественская. Неправильная манера умывания и вытирания лица, во время которых безжалостно во всех направлениях растягивается кожа, приводит к преждевременному старению. Температура воды должна быть равна температуре тела. Умывание горячей водой расслабляет кожу, а низкая температура суживает кровеносные сосуды, ухудшает питание кожи кровью.

Умывать лицо надо легкими, скользящими движениями, наплескивая воду на лицо, а вытирать промокательными движениями, не растягивая кожу. Если вы почувствуете легкое стягивание, то смажьте лицо питательным кремом. Делать это надо тоже умело. Крем растирается на ладошке, согреваясь и чуть размягчаясь от ее тепла. Затем промокательными движениями он наносится на чистое лицо и вбивается кончиками пальцев в кожу.

ВОПРОС. Известно, что существует три типа кожи: нормальная, сухая и жирная. Каким должен быть уход за каждой из них?

О. Рождественская. Как ни странно, нормальная кожа встречается очень редко, в основном у сельских жителей. Она требует наименьшего ухода, хорошо переносит воду и мыло. Тем не менее после умывания с мылом необходимо нанести смягчающий крем в область глаз типа «Восторг», «Люкс», «Атласный», «Ланолиновый», «Вечер», «Виктория».

Жирная кожа, чаще встречающаяся у молодых, обычно хорошо переносит умывания: утром прохладной водой с мылом, после чего еще можно протереться вяжущим или обезжиривающим лосьоном «Старт», «Огуречный», «Утро». Лосьон можно приготовить самим: равные части воды и водки, пол чайной ложки квасцов и пол чайной ложки глицерина. Вечером хороши контрастные умывания попеременно теплой и прохладной водой, особо загрязненные места промыть губкой или кусочком махровой ткани, обильно пропитанной мыльной пеной, перекисью водорода, смешанной с питьевой содой и мелкой солью. После умывания — крем «Улыбка», «Маска», «Нектар». Очень полезно два-три раза в неделю перед умыванием наносить на лицо простоквашу, кефир, ацидофилин, кислотный барьер препятствует жизнедеятельности микробов. Свежий воздух, соблюдение диеты — ограничение жирных, сладких блюд, соленой пищи и яиц — также необходимые условия при уходе за жирной кожей.

Сухая кожа. Матовая, тонкая, почти прозрачная, она очень красива, но и капризна, совершенно не переносит мыла и воды. Поэтому умываться надо только мягкой, лучше кипяченой водой с добавлением щепотки соды, лимонного сока, буры или глицерина. Хорошо очищать сухую кожу предварительно прокипяченным подсолнечным маслом, лосьонами «Утро» (розовый), «Флора», «Вимолен», «Косметическое молочко». Сухая кожа особенно нуждается в питании, ей недостает влаги и жира. За два часа перед сном хорошо, смочив чуть подсоленной водой кожу, нанести питательный крем «Янтарь», «Аленушка», «Вечер», «Люкс».

ВОПРОС. В фильме «Москва слезам не верит» есть эпизод: молодая героиня наносит маску из свежей клубники на лицо. Окружающие относятся к этому несколько иронично. И это не редкость. Еще можно услышать такие слова: что, мол, добро переводить зря, ты и так красивая. Что вы можете сказать по этому поводу?

О. Рождественская. Уход за кожей лица надо начинать с юных лет. И, главное, регулярно. Для молодых достаточны питательные, смягчающие кремы «Янтарь», «Ланолиновый», «Чебурашка», «Березка», после 30—40 лет требуются более сильные средства: кремы с биодобавлением — «Грезы» с экстрактом хмеля, «Нектар» с молочком пчелиной матки, «Лада», содержащий биоактивный препарат «Апилак», «Вечер» с экстрактом петрушки, витаминов А и Е.

Но без масок косметологии не существует. Если вы едите, не задумываясь порой даже о том, чтобы ограничить себя как-то в еде, то не пожалейте кусочка огурца для лица. Маски прекрасно питают кожу, снабжают ее витаминами. Зимой их можно делать из творога, кислого молока, яиц, дрожжей, растительного масла, льда, сока столетника, отрубей, овсяных хлопьев (хлопья на 15—20 минут опустить в теплое молоко для разбухания). Летом выбор богаче: огурцы, клубника, смородина черная и красная. Нужно сделать из них кашицу и нанести на чистое лицо на 15—20 минут. При этом никогда не забывайте о шее, ведь именно она первая выдает возраст женщины. Веки глаз обязательно предохранять питательным кремом.

ВОПРОС. Ясно, что в одной статье мы не решим всех проблем, но вот последнее. Наступила пора летних отпусков. Многие устремились к югу, к жаркому солнцу. Как относятся косметологи к загару? Кроме чисто внешнего эффекта, что дает коже интенсивное воздействие солнечных лучей?

О. Рождественская. Солнце — это жизнь, здоровье, положительные эмоции. Это всем известно. Но в то же время оно может доставить человеку и много огорчений. Солнце отчетливее выявляет дефекты кожи, сушит лицо. Не говоря уже о возможных тепловых ударах, ожогах. Поэтому длительное пребывание на солнце опасно, особенно после тридцати.

Режим ухода за кожей лица в зависимости от ее типа в целом остается прежним, но требует еще большего внимания!

Наиболее эффективны солнечные ванны с 8 до 9—10 часов утра и после 5 вечера. В это время суток особенно много ультрафиолетовых лучей, которые способствуют выработке биологически активных веществ в организме, очищают лицо от угрей, сыпи, понижают жирность кожи. Но держать лицо под прямыми солнечными лучами более 20—30 минут не рекомендуется. Если же появляется краснота, хорошо смазывать лицо специальными маслами для загара, которые содержат, с одной стороны, фотозащитные вещества, а с другой — способствуют более интенсивному восприятию солнечных лучей. Загар получается ровный. Если вы не прикрываете лицо шляпой с широкими полями, темными очками, защищайте лицо, особенно с сухой тонкой кожей, кремами «Молодость» (дневной), «Снежинка», «Лотос», «Людмила», а потом припудривайте пудрой.

ВОПРОС. Очень многих женщин волнует вопрос веснушек, известно, что весной, летом они становятся более заметны. Что можно конкретно порекомендовать нашим читательницам для их устранения?

О. Рождественская. Веснушки часто идут молодым женщинам, придавая им задорность, особую привлекательность, пикантность. Но если вы все же хотите избавиться от них или хотя бы ослабить интенсивность окраски, применяйте кремы, выпускаемые нашей промышленностью, «Мелан», «Молочай», «Весна», «Подорожник», болгарский крем «Ахромин». Существуют и домашние отбеливающие средства. Это прежде всего свежий огурец, петрушка (нарубить листья петрушки и смешать с простоквашей и применять в виде масок), отвары из петрушки (3 столовые ложки петрушки залить 200 граммами кипятка). Хорошее отбеливающее средство — маски из клубники, черной и белой смородины, протирания кусочком лимона. Есть и другое старое народное средство, отбеливающее кожу, — ржаная вода, настоянной на ржаном хлебе (кусочки хлеба залейте крутым кипятком, дайте постоять двое-три дня, процедите и умывайтесь несколько раз в неделю). Эффект наступит не сразу, так что наберитесь терпения.

Итак, дорогие женщины, если хотите быть красивыми, берегите этот дар природы смолоду, регулярно и терпеливо ухаживайте за собой.

ИЗ ИСТОРИИ ОЛИМПИАД

С ВОСХОДОМ ОРЛА

Игры в древней Олимпии начинались с заходом созвездия Дельфина и восходом созвездия Орла. Этот момент нашел символическое отражение на городском ипподроме, который был сооружен в 680 г. до н. э. По знаку, подаваемому судейской коллегией, механический дельфин, украшавший ипподром, «нырял», а бронзовый орел взмывал ввысь. Тотчас же на старт выезжали колесницы.

Древнегреческий ипподром представлял собой беговую дорожку в виде длинного прямоугольника, на закруглении которого была врыта мета — поворотный столб. По дорожке мчались сразу несколько колесниц, запряженных обычно четверками лошадей. Каждому вознице надлежало 12 раз обогнуть мету, пройдя дистанцию в 72 стадия (более 13,5 км). Для этого надо было обладать немалым опытом и хладнокровием, чтобы не налететь на соперника, не зацепиться за столб, не опрокинуть легкую колесницу и не оказаться затоптанным лошадьми. По оси бегового поля возвышались три каменных столба с высеченными на них следующими обращениями к колесничим:

«Будь решителен!»
«Не медли!»
«Успей повернуть!»

Но подлинной азбукой состязавшихся служили наставления из «Илиады» — древнейшей поэмы греков, созданной задолго до Олимпийских игр:

Быстро примчавшись
к столбу, на бегу
заворачивай коней
Сам же, крепко держась
в колеснице,
Влево слегка наклонись,
а коня, что под правой рукою,
Криком гони и бичом,
совершенно вожжи ослабив
Левый же конь твой пусть
около самой меты обогнется
Так, чтоб казалось, будто
поверхность столба
колесо очертило.
Но берегись, не ударься
о мету
Можешь коней изувечить
и раздробить колесницу.

Стремительный финиш одного из возниц выразительно отображен на греческой монете: счастливца увенчивает сама крылатая Победа.

В программу Игр входили и верховые скачки. Всадники, состязавшиеся в быстроте на один круг, должны были вскочить на мчащуюся лошадь. При этом их обязывали сохранить легкость и изящество посадки.

...«Харм, победитель на Истмийских играх,— взывал некий грек к Посейдону, покровителю конного спорта,— посвящает тебе шпоры и узду, украшения сбруи и арапник. Прими же милостиво эти приношения и даруй мне награду также на великих празднествах в Олимпии».

В. БРАБИЧ, Г. ПЛЕТНЕВА,
старшие научные сотрудники Государственного Эрмитажа

ЗАПОМИНАЮЩИЙСЯ СПЕКТАКЛЬ

Пьеса болгарского драматурга Ивана Радоева «Красное и коричневое» — документальное публицистическое произведение. Оно красноречиво свидетельствует о несгибаемом духе верного ленинца, убежденного интернационалиста Георгия Димитрова и яростно обличает германский фашизм, раскрывая духовное убожество палачей народов Европы.

События пьесы связаны с тем периодом жизни Георгия Димитрова, когда он, выиграв Лейпцигский процесс, ждет освобождения. Все пытаются сделать власти, чтобы расправиться с большевиком, но он своей выдержкой и непреклонностью выигрывает еще один поединок с фашизмом.

Именно эта тема поединка коммуниста, революционера с коричневой чумой — главная тема спектакля, поставленного в Ульяновском государственном драматическом театре молодым болгарским режиссером Милко Стояновым. Спектакль стал принципиальной творческой удачей ульяновцев, постоянно, активно работающих над историко-революционной темой. Ключевыми сценами становятся диалоги Димитрова и Геринга. Решая эти сцены как битву двух идеологий, режиссер и исполнители ролей В. Шур и В. Румянцев стремятся резко противопоставить самый способ ведения этой битвы. Димитров В. Шура — интеллигентный, мягкий в обращении, внешне спокойный, уравновешенный человек. Но спокойствие дается нелегко. Герой должен разгадывать провокационные ходы гитлеровцев, не давая им повода для расправы... Вера, убежденность в своей правоте есть и оружие и способ защиты для Димитрова; обаяние и простота, задушевность и строгость исполнения делают работу артиста большой удачей спектакля.

Геринг, как он написан у И. Радоева и каким его играет В. Румянцев, ничем не стеснен в диалоге с Димитровым. А потому он жесток и неистов, цинично откровенен, безапелляционен: за ним власть и сила. Но это не карикатура на фашиста; он живой человек во всей его фанатичной самовлюбленности, как и в ярости, в бессильной злобе.

Постановка передала атмосферу тех лет, чему способствует интересная сценография спектакля (оформление художника А. Клименко).

Самых добрых слов заслуживает актерский ансамбль спектакля. Запоминаются точным и острым рисунком ролей Г. Юченков в роли надзирателя Фрика, Г. Муромский — Бюнгер, В. Рыжиков — Геллер, Б. Александров — помощник Гитлера Дильс, В. Савостьянова — Эдель, З. Самсонова — Ева Рильке.

Особенно выделяется здесь образ Параскевы — матери Димитрова, созданный К. Шадько. В сцене недолгого свидания сына и матери в тюрьме актриса раскрывает такое богатство и величие души простой, скромной женщины, что этот маленький эпизод становится нравственной, эмоционально яркой кульминацией спектакля.

Не все в нем равноценно, как, впрочем, и в самой пьесе. Некоторые персонажи, очерченные строго документально, словно не хотят, чтобы их обвинили в пристрастности, предвзятости. И комментарий становится суховатым, хотя весь строй спектакля давал театру право на больший гражданский темперамент исполнения всех ролей.

В целом же постановка ульяновцев — талантливая, умная работа. Именно поэтому она была показана в юбилейные ленинские дни в Москве, когда в столице шли творческие отчеты театральных коллективов страны — участников Всесоюзного фестиваля театров, посвященного 110-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В. ДЕМИН,
кандидат искусствоведения

ЖИЗНЬ В ДОКУМЕНТАХ

Вышел в свет альбом, в котором жизнь и творчество Горького представлены в портретах, документах, фотографиях и иллюстрациях к произведениям писателя.

Изобразительные материалы, использованные в альбоме, хранятся в Музее Горького в Москве, в Государственной Третьяковской галерее и в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук СССР в Ленинграде.

Авторы-составители этого интересного издания Е. М. Герасимова, С. А. Головина, Н. И. Головицкая, В. Н. Чернухина, редактор, кандидат филологических наук М. Б. Козьмин поставили своей целью помочь школьным преподавателям и всем тем, кто изучает и интересуется творчеством писателя, яснее представить его духовный облик, время, когда он жил, и роль его личности в изобразительном искусстве.

Структура альбома включает три раздела: «Материалы к изучению биографии А. М. Горького», «Материалы к изучению произведений М. Горького» и «А. М. Горький и наша современность».

Отбирая и группируя листы альбома, можно использовать их для лекционного обозрения жизни и деятельности писателя, и для характеристики того или иного произведения, и для иллюстрирования определенной горьковской темы.

Количество материалов, связанных с жизнью и творчеством великого писателя, огромно, так как горьковская тема в изобразительном искусстве развивалась и многими известными художниками. Только после Октябрьской революции иллюстрированием его произведений занималось более трехсот авторов. Нужен был тщательный отбор наиболее значительных работ. В альбоме показаны шедевры портретной живописи, уникальные фотографии Горького и его современников, материалы, связанные с жизнью писателя, рукописи первого издания очерка «Владимир Ильич Ленин», иллюстрации к различным произведениям. Все это приближает к нам Горького-человека и Горького-писателя.

Альбом вызвал большой интерес, который не в состоянии удовлетворить даже тираж в 50 тысяч экземпляров. В последующих изданиях, а они необходимы, хотелось бы видеть больше иллюстраций в цвете, жаль, например, что портрет Горького кисти художника В. А. Серова дан в черно-белом варианте. А ведь он является жемчужиной горьковской иконографии. Можно дополнить альбом и пластинками с голосом великого писателя.

И. ЕРЕМИНА

Альбом «А. М. Горький». «Просвещение». М., 1979.

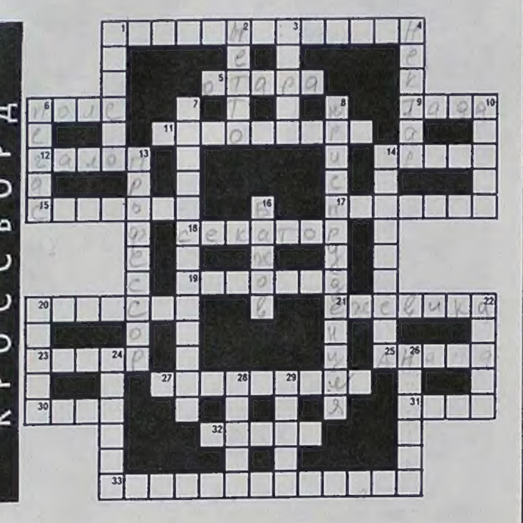

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Русский мореплаватель XIX века. 5. Стадо овец. 6. Обрабатываемая под посев земля. 9. Бронированная машина. 11. Столица АССР. 12. Один из аллюров лошади. 14. Состязание в беге по пересеченной местности. 15. Голландский философ XVII века. 17. Штат Бразилии. 18. Садовые ножницы. 19. Рассказ М. Горького. 20. Французский композитор, пианист, дирижер. 21. Ягодный кустарник. 23. Вращающаяся деталь турбины, электрического генератора. 25. Курорт в Краснодарском крае. 27. Участок ботанического сада. 30. Устройство, применяемое в автоматике, энергетике. 31. Гибкий канат. 32. Стихотворение А. С. Пушкина. 33. Высшее учебное заведение.

По вертикали: 1. Испанский танец. 2. Вес товара без упаковки и тары. 3. Шерстяная пряжа. 4. Сахарный сок растений. 6. Созвездие северного полушария. 7. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Лес». 8. Наука о праве. 10. Защитный головной убор. 13. Ученое звание. 14. Систематизированное собрание сведений справочного характера. 16. Автор сказов «Малахитовая шкатулка». 20. Немецкий живописец, график эпохи Возрождения. 22. Приток Куры. 24. Брусок для доводки лезвий. 26. Болотный бобр. 28. Воинская разведывательная группа. 29. Залив Охотского моря.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 1. Сервантес. 4. Преамбула. 7. Канделябр. 8. Олимпиада. 9. Полупроводник. 12. Партитура. 14. «Тоска». 15. Сфера. 16. Ургенч. 17. Тартюф. 19. Копер. 21. Кокос. 24. Компостер. 25. Автобиография. 28. Бельведер. 29. Лейтенант. 30. Серпантин. 31. Куропатка.

По вертикали: 1. Секундант. 2. Ренессанс. 3. Сироп. 4. Просо. 5. Уравнение. 6. Амальгама. 9. Перламутровка. 10. Овидий. 11. Классификация. 12. Пятигорск. 13. Амфитеатр. 18. Долото. 19. Контрабас. 20. Пропеллер. 22. Космонавт. 23. Статуэтка. 26. Буран. 27. Ролик.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Барьерный бег.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Подружки * На Волге широкой * Народный танец «Петушок» в исполнении ансамбля профтехобразования * Памятник В. И. Чапаеву.
(См. в номере материал: «Высокая судьба»).

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей—214-33-70; Международный—212-30-03; Социалистических стран—250-24-21; Искусств—250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 253-39-04; Оформления—212-15-77; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 02.06.80. Подписано к печати 17.06.80. А 10059. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1511. Заказ № 2383.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Леди Макбет—народная артистка Киргизской ССР Айсулу Токомбаева.

ГОРЫ КИРГИЗИИ, ШЕКСПИР И МУЗЫКА

Елена ЛУЦКАЯ

Фото И. ГАВРИЛОВА

Вот и пришел вечер премьеры. И пришли волнения, вроде бы привычные, а каждый раз новые. И в который раз по дороге в театр Уран мысленно прокручивал все действие своего спектакля. И в который раз слышалась ему музыка, всецело и надолго завладевшая воображением. Виделись герои — неотразимая и властная леди Макбет, и ее поначалу мягкосердечный, а затем преображенный чередой преступлений супруг, и дух безвинно убиенного Банко; слышался мрачный, пророческий хохот ведьм.

Через час распахнется занавес, и все, что представлялось в долгие часы, проведенные наедине с клавиром и партитурой, все, что обдумывалось в репетиционном зале и облекалось в плоть танца, пластики, жеста, откроется переполненному залу Киргизского государственного академического театра оперы и балета.

Но постановщик и успокаивал себя. Конечно, «Макбет» — впервые на советской балетной сцене, но творчество композитора Кирилла Молчанова во Фрунзе хорошо известно: долго и счастливо живут здесь его оперы «Ромео, Джульетта и тьма», «Неизвестный солдат», «Зори здесь тихие». Что же касается необходимой доли творческого риска, неизбежного при первой в стране постановке, то подобная смелость в обычаях столичного театра Киргизии. Недаром именно тут впервые увидела свет «Оптимистическая трагедия» А. Холминова. Именно здесь осуществили уникальный эксперимент, поставив «Ведьму» В. Власова и В. Фере — оперу на чеховский сюжет.

Но все-таки не мог он не волноваться, Уран Сарбагишев — балетмейстер, признанный у себя на родине и за ее пределами, автор замечательных по своей образности полотен, художественный руководитель киргизского балета.

Волнение — часть творчества. Оно сопровождало и его профессиональный путь танцовщика — здесь, на сцене, где родились его балетные принцы и реальные герои — современники Урана Сарбагишева, молодого солиста молодого киргизского балета.

Вся его дорога с ясностью и зеркальной чистотой отобразила дороги его родного театра, дороги художественной культуры талантливого народа. И всегда в восхождении сопутствовали ему горы, Шекспир, музыка.

Горы... Лишь тому, кто не хочет или не умеет вслушиваться, они кажутся безмолвными. Но самое их молчание полно тайного смысла. А каждый звук, раздаваясь в горах, обретает особую хрустальную прозрачность и весомость. Уран всегда любил не просто путешествовать по горам и долам, а встречаться с людьми. Теми, кто пасет стада, и теми, кто разводит цветы вблизи Иссык-Куля, кто добывает уголь неподалеку от Оша, выращивает табак в Таласе или хлопок на юге, с теми, кто сеет хлеб в Чуйской долине. Он любил их внимательные лица, дружелюбные глаза, способность с открытой и ясной душой принимать Прекрасное. И всегда ему казалось чудом, что так принимает классический балет истинно демократический, истинно массовый зритель в краю, где некогда не было известно даже самое слово «танец». Здесь, в горах, подсознательно и непроизвольно учился он великому искусству быть понятным, доходчивым и желанным для аудитории. И кладезем сюжетов, и самых достоверных и самых сказочных, источником вдохновения и вечным символом стремления ввысь — вот чем были для него горы...

Шекспир. Перелистывая страницы, созданные некогда великим британцем и переведенные на язык народа, не имевшего собственной письменности еще в начале XX столетия, Уран всегда находил в них живой отклик своим чувствам, ответ на самые сложные нравственные вопросы, отзвук движениям своей души.

Мечта о Шекспире витала вокруг него — поначалу зыбкая и смутная, как балетное видение, затем все более отчетливая, пока не приняла очертаний трагедии о Макбете. Мечта стала реальной, вполне осуществимой, наконец, превратилась в часть производственной жизни его театра, в часть его личной творческой жизни, вне музыки немыслимой.

...Музыкальные вкусы Сарбагишева воспитаны и отточены десятилетиями пребывания в театре. Все роскошества глазуновских партитур, вся романтическая прелесть Шопена, все мелодические богатства Делиба, вся душевная глубина творений Чайковского естественно питали его танец в спектаклях классического наследия. Все многоцветье советской музыки воплощалось для него в работах современных постановщиков.

Но Сарбагишев никогда не замыкался в пределы балетного цеха. Для его музыкальности далеко не безразлична была возможность слушать всех неповторимых мастеров киргизской оперы. А он слышал еще легендарную Сайру Киизбаеву, а сегодня имеет счастье слушать пение Булата Минжилкеева в широчайшем репертуаре, образованном созданиями композиторов Западной Европы, России, Азербайджана, Украины, Казахстана. Навряд ли молодой хореограф задумывался об интернациональной природе театра Киргизии. Ибо интерес к творчеству композиторов братских республик с первых лет существования театра сделался здесь нормой бытия, нормой повседневной жизни, условием развития коллектива. И залогом совершенствования профессиональной культуры.

Еще одна прекрасная традиция родилась тут на заре зарождения киргизской оперы и киргизского балета: содружество композиторов России с композиторами Киргизии. Авторский тандем — В. Власов и В. Фере — дополнился в конце 1930-х годов именем А. Малдыбаева. Созданные ими партитуры балетов и опер составили основу репертуара новорожденного театра, многие их произведения, периодически обновляясь, дошли до наших дней. Что касается партитур балетных, Уран знал их едва ли не наизусть, поскольку был обязательным исполнителем главных партий и в «Чолпон», и в «Анар», и «На берегах Иссык-Куля», и в «Весне в Ала-Тоо». А участие в комедийном балете, посвященном любимому герою киргизского устного фольклора — проказнику и весельчаку Куйручуку, стало для Сарбагишева особо значительным. Здесь он встретится с музыкой К. Молдобасанова и станет участником спектакля на сюжет повести Чингиза Айтматова.

Если в литературной классике Сарбагишев душевно предан Шекспиру, то в современной литературе ему близок именно Айтматов. Более того, его обращение к «Асели» В. Власова и особенно его работа над балетом-ораторией К. Молдобасанова «Материнское поле» возвели киргизскую хореографию на новые, исключительно высокие ступени, овеянные идеями нашего времени.

Удивительны названные спектакли. Не оттого лишь, что всегда удивляет способность балетмейстера найти танцевально-пластический аналог отсутствующему в балете тексту и неизменно присутствующей музыке... Удивительны в чисто житейском плане. Когда Герой Советского Союза Чолпонбай Тулебердиев (ему посвящен спектакль «Бессмертие») повторил подвиг Александра Матросова, когда Толгонай поверяла полю свое вдовье и материнское горе, когда Байтемир вернулся с войны на пепелище,— Уран был слишком юн и, казалось бы, не мог прочувствовать и запомнить ужасы и лишения войны. Однако живые впечатления детства и отрочества остаются с художником на всю жизнь и вспыхивают в нем, чтобы ярким отблеском загореться в творчестве. Недаром же Сарбагишев учился в Ленинграде, где видел еще не восстановленные дома или еще не снесенные руины: нагие стены, искореженные лестничные клетки... Он помнил и помнит все. И даже если пройдет много-много лет, он не забудет, как нежно, требовательно, многотерпеливо учили их в школе на улице Росси... Дверь класса, где занимались дети из Киргизии, в один прекрасный день отворилась, и он увидел прелестную темноволосую и темноглазую женщину. Это была прима киргизского балета, впоследствии прославленная балерина, народная артистка СССР Бюбюсара Бейшеналиева. Она приехала в класс усовершенствования к Агриппине Яковлевне Вагановой.

Думал ли тогда воспитанник ленинградского училища Сарбагишев, что эта «балетная фея» станет его партнершей не в столь уж далеком будущем? Конечно, он не знал, что вместе с Бейшеналиевой будет рассказывать залу сказки об Одетте и Зигфриде, об Авроре и Дезире, танцевать ветреного Альберта с ней — Жизелью, разделять ее триумфы в киргизских балетах, выступая с ней в Москве, гастролируя на Кубе и в Канаде, в Польше и Индии, Турции и Чехословакии, ошеломляя зарубежную публику самим фактом существования столь высокого уровня классического танца в Киргизии.

...Ленинградские педагоги провожали своих питомцев-выпускников домой, в Киргизию с печалью. К детям привыкли, сжились с ними, и вдруг они стали взрослыми, и пришла пора с ними расстаться... Но печаль отступала перед радостью: их ученики талантливы, вооружены профессиональными познаниями, киргизскому балету суждено большое будущее!

Итак, Уран дома. Начальные дебюты. Первые, эпизодические роли, затем и роли главные... Радость повседневного творческого общения с Бейшеналиевой. Быть может, сегодня, когда прошло уже несколько лет после ее столь безвременной кончины, особенно отчетливо понимаешь, чем стало искусство актрисы, которую многие называли «киргизской Улановой».

Замкнутая и молчаливая в жизни, Бюбюсара учила не фразой, а своим примером. Она не допускала мысли, что можно позволить себе вполсилы жить на подмостках. Сцене принадлежал не один лишь ее певучий, прекрасный танец, сцене принадлежали ее душа, ум, сердце. И если в поколении, к которому принадлежит Уран Сарбагишев, по сей день живы столь же возвышенные образцы Творчества, то оно, это новое поколение, обязано достижениям предшественников.

Новое поколение. Сарбагишев знает его: это молодые, перспективные, многообещающие артисты. Знает не понаслышке. Десятки раз смотрит Уран каждого из них в ролях — больших и маленьких, в спектаклях классических и современных. Сегодня среди них уже есть такие признанные таланты, как экспрессивная, замечательно чуткая к музыке Айсулу Токомбаева — леди Макбет, такой динамичный, яркий танцовщик, как Чолпонбек Базарбаев — Макбет.

...И вот премьера состоялась. Театр, за минуту до того залитый музыкой, ярко освещенный, погружается в ночной сумрак. И далеко за многоколонным портиком синеют горы, зовущие к восхождению.

Народный артист Киргизской ССР Чолпонбек Базарбаев в роли Макбета.

В гримуборной перед спектаклем.

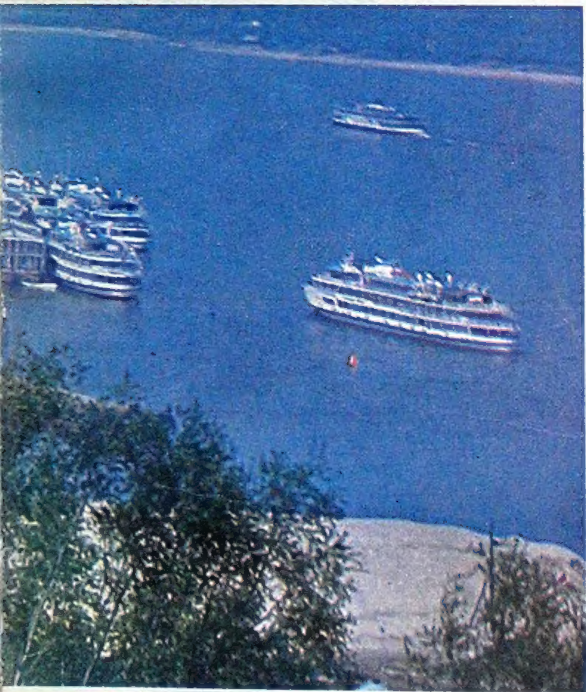

На репетиции.

Солист балета Болот Куттубаев.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663